

Литературный журнал

СИБИРСКИЙ

12+

№1 (94)
ФЕВРАЛЬ

2022

Организация
Образования, Наука по
вопросам образования,
науки и культуры

УЛЬЯНОВСК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД
ЮНЕСКО

**Объявлена подписка
на 2-е полугодие 2022 г.**

Цена подписки:

1 номер – 216,35 руб.

3 номера – 649,05 руб.

Стоимость подписки
в редакции:

1 номер – 140 руб.

Индекс ПА041

«Фрегат «Паллада»
И.А. Гончарова –
новое издание

стр. 48

К юбилею И.А. Гончарова.
Гончаровская выставка
симбирских художников

стр. 54

День памяти А.С. Пушкина
в Ульяновске

стр. 98

Итоги областного
студенческого
литературного конкурса

стр. 120

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Главный редактор Елена Викторовна Водкина (Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Содержание

Сохранять тепло сердца. Слово редактора.....	3
С любовью ко всему родному Интервью с филологом Иваном Пырковым. Беседовала Ирина Маршалова.....	4-8
При свете Пушкинского слова Валентина Горохова. Прекрасный почин.....	9-10
Ольга Даранова. Прикоснуться к Пушкину.....	11-13
Черемшан Ленинградцы в Мелекесе.....	14-19
Край мой на Волге Николай Марянин. Смесь симбирского с нижегородским.....	20-25
Дороги памяти военной Нина Орлова-Маркграф. Переселенец. Рассказ.....	
Анна Леонова. Две эпохи – две войны. О поэме С. Матлиной «Бородинский хлеб».....	36-42
Литературное наследие Сергей Петров. «Фрегат “Паллада”» И. Гончарова и «Корабль “Ретвизан”» Д. Григоровича.....	43-47
Фрегат «Паллада» – в новом формате.....	48-53
Гончаровская выставка Симбирских художников.....	54-56
Валентина Костягина. Гончаровская выставка.....	57-64
Страна поэзия Галина Анисимова. Дым Отечества.....	65-68
Марина Бирюкова. Прощающий снег.....	69-70
Надежда Смирнова. И всё же всё вокруг – любовь.....	71-72
Фёдор Горобцов. Всё остальное – не в счёт.....	73-74
Владимир Артамонов. От песни к песни путь.....	75-78
Ветер странствий Яна Солстэмина. Мой дом – корабль.....	79-80
Пишу в Симбирск Татьяна Степанова. История одной фотографии.....	81
Конкурс «Как Петр I по Волге ходил».....	82
Фотовзгляд Мастера фотографии. Старая гвардия (А. Маркельчев, А. Галагоза, А. Кубарев, Ю. Белозёров). Подготовил В. Ламзин.....	83
«Русская зима». Фотовыставка Натальи Беленцовой.....	105
Река воспоминаний Владимир Янушевский. Слова, слова, слова... Заметки провинциала.....	106-112
Татьяна Шатунова. Ты уйдёшь, растворяясь в прохожих.....	113-118
Молодые голоса Итоги студенческого литературного конкурса.....	119
Стихи участников конкурса.....	120-121
Диана Алмакаева. Вор. Рассказ.....	121-122
Виктория Шейко. Свет одинокой звезды.....	122-123
Игорь Улитин. О форуме молодых писателей России.....	124-125
Ингевар Сооне. Дура крылатая. Рассказ.....	125-127
Лукоморье Юлия Манахова. Про «всё». Сказка.....	128-133
Ульяновск – литературный город «ЮНЕСКО».....	134-135
Юбилейный календарь.....	136-176

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432048, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.
Телефон редакции: 41-04-32

Подписано в печать 17.02.2022 г.
Дата выхода 24.02.2022 г.
Тираж 700 экз. Заказ №52

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИБИРСКИЙ» №1 (94), 2022

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На фото: Спасо-Вознесенский кафедральный собор.
г. Ульяновск. Фото Ольги Тюльпа
Аллея. Фото Татьяны Богдан

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирск» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске:
ул. Пушкинская, 11, каб. 104 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (846) 202-14-12 (г. Самара).

Оформить подписку
на II полугодие 2022 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

КУПОН РОЗЫГРЫША ПРИЗОВ ПОДПИСКА НА I ПОЛУГОДИЕ 2022 ГОДА

Ф.И.О. _____

Контактный телефон, адрес проживания

Дата подписки на I полугодие 2022 года

ПРИСЫЛАЙТЕ КУПОНЫ ПО АДРЕСУ:
432048, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11,
литературный журнал «Симбирск».

СОХРАНЯТЬ ТЕПЛО СЕРДЦА

2022 год – год славных литературных юбилеев. В марте отмечается 200-летие со дня рождения писателя Дмитрия Васильевича Григоровича. Также для культурной общественности города, для Музея И.А. Гончарова все события года проходят под знаком подготовки к знаменательной дате – 210-летию Ивана Александровича Гончарова. На страницах «Симбирска» – тематические публикации. Читайте статью краеведа Сергея Петрова, посвященную творчеству писателей И.А. Гончарова и Д.В. Григоровича. Думается, мы еще не раз обратимся к исследовательским работам недавно ушедшего замечательного краеведа Сергея Борисовича Петрова (1951–2022).

В рубрике «С любовью ко всему родному» читайте интервью с лауреатом Гончаровской премии Иваном Пырковым (Саратов). Филолог и поэт размышляет о литературе и культуре, рассказывает о своих планах. Представляем иллюстрированное издание книги «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова. (Новый формат называется – трэвел-скетчбук, книга издана на русском и английском языках.)

Отправляясь в путешествие на фрегате «Паллада», Иван Гончаров задавался вопросом: «Хватит ли души вместить картину мира?» И размышлял о том, что «искомый результат путешествия – это параллель между чужим и своим... Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что ... я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоят её».

О Гончаровской выставке симбирских художников Павла Пузыревского и Дмитрия Архангельского (1911 года) – краеведческое исследование Валентины Костягиной.

В разделе «При свете Пушкинского слова» Валентина Горохова рассказывает о конференции 1937 года, посвященной 100-летию со дня смерти поэта. Здесь же публикуем «Слово о Пушкине» Ольги Дарановой. 10 февраля 2022 года в Ульяновске по традиции состоялось торжественное возложение цветов к памятнику А.С. Пушкина возле литературного музея «Дом Языковых». Фоторепортаж об этом событии – на цветных вкладках номера.

Благодаря Татьяне Степановой (Псков) на страницах журнала вновь звучат имена Валентина Яковлевича Курбатова и Натальи Григорьевны

Жиркевич-Подлеских, публикуем присланную автором ценную для нас фотографию.

К 800-летию Нижнего Новгорода – публикация Николая Марянина «Смесь симбирского с нижегородским».

В разделе «Страна поэзия» представлены стихи Галины Анисимовой, Марины Бирюковой, Надежды Смирновой, Фёдора Горобцова, Владимира Артамонова. Поэме Светланы Матлиной «Бородинский хлеб» посвящена работа Анны Леоновой. В рубрике «Река воспоминаний» продолжаем публикацию страниц прозы Владимира Янушевского «Слова, слова, слова...»

Памяти поэта Алексея Громыхина посвящены воспоминания Татьяны Шатуновой.

В разделе «Дороги памяти военной» читайте рассказ Нины Орловой-Маркграф «Переселенец» из новой книги прозы.

Представляем молодых авторов, рассказываем об итогах студенческого литературного конкурса. Игорь Улитин пишет о форуме молодых писателей России, в котором ему довелось участвовать. Публикуем дебютную в нашем журнале подборку стихов Яны Солстэминой.

В рубрике «Лукоморье» читайте сказку Юлии Манаховой «Про «всё».

Завершают выпуск новости программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» и юбилейный календарь.

В эссе Виктории Шейко есть строки: «Свет каждого человека незаметно озаряет этот мир, а затем исчезает во тьме. В чем же заключается ценность быстротечной человеческой жизни?» Ценно само стремление прожить одухотворенно, талантливо, с любовью к людям.

У писателя Сергея Фруделя читаем: «Смысл жизни страшно прост: стараться всегда и везде сохранять тепло сердца, зная, что оно будет нужно кому-то еще, что мы всегда нужны кому-то еще». Под одной обложкой – разные авторы, для которых важная грань жизни – творчество. Поэтически Надежда Смирнова выразила это так:

«Пусть сердце падает и виснет / на нитке серебристо-узенькой, / но сколько, сколько в прозе жизни поэзии и музыки!»

Елена КУВШИННИКОВА

18 июня 2022 года культурная общественность отметит 210 лет со дня рождения Ивана Александровича Гончарова. Для музея писателя все события года проходят под знаком подготовки к знаменательной дате.

В начале года, у истоков важнейших юбилейных торжеств, нам повезло побеседовать с видным учёным, талантливым педагогом, лауреатом Международной литературной премии имени И.А. Гончарова и одним из самых верных друзей ульяновского музея Иваном Владимировичем Пырковым.

ИВАН ПЫРКОВ:

«БЕЗ ЛЮБВИ НЕТ НИ ЛИТЕРАТУРЫ, НИ НАУКИ, НИ ПРОСВЕЩЕНИЯ»

– Иван Владимирович, в конце прошлого года вы были номинированы на премию общества «Знание». Одержали победу по итогам всероссийского голосования в номинации «По версии слушателей». Расскажите об этом уникальном опыте.

– Для меня самое удивительное во всей этой истории – неожиданное внимание к роли и статусу писателя, преподавателя, лектора, просветителя. Понимаете, у нас к науке и просвещению сформировалось отношение как к чему-то устаревшему, хранящемуся где-то в пыльной кладовке. Но оказалось, что мы меняемся не только к худшему. И вот – цифровой перезапуск общества «Знание», ты разрабатывал в своей наглухо закрытой творческой лаборатории что-то – и об этом заговорили в масштабе огромной страны, стали обсуждать, спорить. Это было очень неожиданно.

И.В. Пырков на церемонии вручения премии общества «Знание». Москва. 2021

Интервью после вручения премии общества «Знание». Москва. 2021

Наша справка

Иван Владимирович Пыркков родился в г. Ульяновске. В 1995 году окончил Саратовский государственный педагогический институт имени К.А. Федина по специальности «русский язык и литература». В 1998 году – аспирантуру при институте. В 2007 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Ритмическая организация романа И.А. Гончарова “Обломов”». С 2018 года – доктор филологических наук. Доцент, а затем профессор кафедры русского языка и культуры речи Саратовской государственной юридической академии.

И.В. Пыркков – блестящий историк русской литературы. Автор ряда статей и монографий по словесности XIX–XX вв. Особый научный интерес исследователя – творчество И.А. Гончарова. Участник четырёх международных гончаровских научных конференций в Ульяновске.

Успешно сочетает труд ученого и журналиста, поэта и литературного критика. В 1990 году вышла первая публикация стихов в журнале «Волга». Публикуется также под псевдонимом Иван Васильцов.

В 2007 году стал лауреатом ежегодного Международного литературного конкурса «Золотое перо России». Отмечен благодарностью Министерства культуры Российской Федерации за большой вклад в развитие культуры, многолетнюю плодотворную работу (2014). Лауреат Всероссийской литературной премии имени М.Н. Алексеева в номинации «За создание книги о творческом наследии писателей, деятелей культуры, искусства и науки Саратовской области» (2016).

В 2018 году удостоен Международной литературной премии имени И.А. Гончарова в номинации «Наследие И.А. Гончарова: исследование и просветительство» за научную монографию «Гнездо над обрывом. Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века. И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.П. Чехов».

Я действительно принял участие в конкурсе, рассказал в резюме о своих публикациях, лекциях и всём таком. Не рассчитывал даже на участие в финале – слишком высока конкуренция: было ведь подано больше трёх тысяч заявок из 80 регионов России. Выдвигались коллективные проекты и просветители. Из такого большого, огромного, я бы сказал, количества участников профессиональное жюри выбрало 103 финалиста – преподавателей, лекторов, школьных учителей, блогеров, писателей, журналистов, телеведущих... И мне посчастливилось попасть в эту заветную сотню!

Поздно вечером мне позвонили из Москвы и сообщили, что уважаемое жюри номинировало меня на премию в номинации «За вклад в просвещение в сфере культуры и искусства» и в номинации «За общий вклад в просвещение по версии слушателей». Вторая – по итогам всероссийского открытого голосования. В ней мне и удалось победить. Оказаться в числе 28 победителей, включая коллективные проекты. Как сказал гендиректор Российского общества «Знание» Максим Древаль, «эта премия – своеобразный «Оскар» в сфере просвещения и просветительства». Важно подчеркнуть: премия не предполагает денежного вознаграждения. Но есть вещи дороже денег.

Сама церемония проходила в кинотеатре «Пушкинский», с участием выдающихся деятелей искусства, науки, политики (они же входили в состав жюри) – Константина Хабенского, Владимира Машкова, Юрия Башмета, Виктора Садовниченко, Константина Эрнста, Сергея Кириенко... Вели церемонию Яна Чурикова и Иван Ургант. Атмосфера была потрясающая! Многие телеканалы транслировали происходящее напрямую, велись трансляции и в интернете, конечно...

Кстати, порадовало, что среди номинантов и победителей так много молодых лиц. Вот оно, будущее! И подчеркну: никакой победы не было бы без созидательной атмосферы, без соработнического отношения к творческому поиску в родной академии и на кафедре русского языка и культуры речи, где работаю.

– Какие отзывы вы получили от друзей, коллег, учеников, узнавших о победе в финале главной просветительской премии страны? Насколько широка география этих откликов?

– География всероссийская. И самая дорогая для меня награда – отклики людей, их внимание к каким-то моим начинаниям. Бесконечно благодарен всем, кто за меня голосовал и просто проявил интерес к просвещению. Благодарен студентам, ученикам, не думал, что они так всё это воспримут сердечно! Мы вот ворчим, не та молодёжь, непонятное поколение... А может, нужно сделать усилие над собой, чтобы понять? Может, нужно начать с себя? Кстати, ребята рассказывали, что на YouTube церемония награждения собрала миллионы просмотров. Знаете, мне нравятся эти слова – просвещение и возрождение. И да – я был очень тронут тысячами откликов и комментариев в социальных сетях, поздравлениями коллег, звонками и письмами...

Такие вещи не могут просто совершиться и забыться, они оставляют след. Там, в «Пушкинском», я поднялся на сверхсовременную цифровую сцену

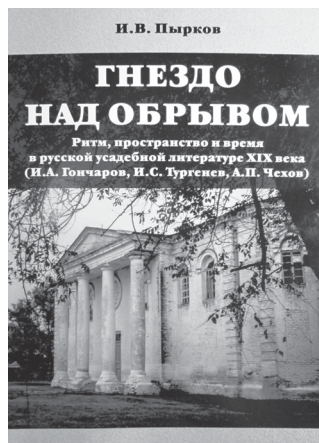
И.В. Пыркoв и Рузана Арменoвнa Бунатян, потомок симбирских дворян Филатовых, Житковых, Кирмаловых, в Музее И.А. Гончарова. 2018

со всякими трёхмерными эффектами и всем прочим. И во всём этом невероятно ярком свечении на мгновение всего увидел... отцовский подоконник в тусклый декабрьский денёк. Папа, как обычно в последнее время, сидел в свитере, в вязаной шапочке, в очках на леске – для «дальнего», как он говорил, и для «ближнего» боя. Подоконник папин – целая Вселенная, с карандашными набросками, стихами, книгами... Знаете, что он делал? Наброски простым карандашом – птицы-снегири, ветви зимних деревьев, старый дом на Венце, где прошло его детство, Пионерский переулочек... Он столько мне рассказывал, и я так должен сохранить это для людей, написать... Только бы сил хватило и удачи. **Что такое работа писателя? Это любовь. Потому что ничего нет без любви, понимаете, ничего нет. Ни литературы, ни науки, ни просвещения...**

И вот он поднял на секундочку на меня глаза – и я прочитал во взгляде как всегда критическое: «Ну что, номинируешься, лауреатствуешь, верхоглядствуешь? А как же чёрный хлеб настоящего дела, истинного слова? Эх, ты...» Но ещё я успел заметить и искорку радости в его глазах, скупую улыбку...

– В 2018 году вы стали лауреатом Международной литературной премии им. И.А. Гончарова в номинации «Наследие И.А. Гончарова: исследование и просветительство» за научную монографию «Гнездо над обрывом. Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века. И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.П. Чехов». А эта победа – особая для вас? И если да, то почему?

– Гончаровская премия незабываема для меня. В непростое, напряжённое время она помогла мне обрести второе дыхание, поверить в себя. Дело не только в премии, а в отношении. Самый ценный капитал сегодня – капитал социальных связей. И если ты чувствуешь, что твои работы нужны кому-то, тебя это просто окрыля-

ет. Вряд ли я стал бы, думаю, заполнять заявку на тот же конкурс «Знание», если бы Гончаровской премии не случилось в моей судьбе. Всё связано, всё соединено. Гончаровская высочайшая награда, родной город, любимый музей... В составе жюри – родственники И.А. Гончарова, лучшие ценители гончаровского творчества... Для меня это событие жизни, и я никогда не забуду тот июнь.

Тут вот ещё что надо сказать: премия такого уровня, как Гончаровская, невероятно важна для развития литературы и науки о литературе, вообще гуманитарной отечественной науки. Это явление культуuroобразующее,двигающее прогресс.

– Безусловно, у вас сложился неповторимый и в то же время узнаваемый стиль общения с аудиторией: студентами Саратовской государственной юридической академии, слушателями канала «Литератор» на видеохостинге YouTube, который вы создали совместно с членом Союза писателей России Наталией Александровной Кочелаевой, наконец, научным, музейным и писательским сообществами. В какой роли вы чувствуете себя наиболее органично: журналиста, исследователя, преподавателя, прозаика, поэта, публициста?

– Если ты писатель, то всю жизнь ищешь свой голос. Даже если не пишешь ни строки. И так сложилось, что в сложный период первого локдауна мы с женой, писательницей Наталией Кочелаевой, придумали канал «Литератор» – решили, можно сказать, от скуки (шучу!) рассказывать занимательные истории из русской литературы. Первый же выпуск собрал много просмотров, гораздо больше, чем мы предполагали. Мы продвигали канал в социальной сети «Фейсбук», и люди там написали десятки комментариев, тепло отзывались, подсказывали новые темы. Так вот и вышло с десятков, наверное, а то и больше выпусков «Литератора». Надеюсь, мы продолжим, может быть, попробуем новые формы – подкаст, например.

Смешная деталь: где-то в интервью, о «Литераторе» мы с Наташей как раз вели речь, и шутя кто-то из сказал, что-де я профессор русской словесности. Журналисты, после «Знания», начали искать, досье там собирать, и кто-то один обнаружил эти слова и всерьёз привёл. А остальные перепостили и перепечатали, как водится. И до сих пор смотрю: то там, то тут – Пыркoв профессор русской словесности!.. А что? Звучит благородно!

Этим летом немного отвлеклись от «Литератора». Тут вот какая история: Наташа принесла домой стрижа, слётка подобрала – только что, видать, упал. Ну, начали его выкармливать, выпаивать. А надо пять-шесть раз кормить-то, и рано утром тоже. Около месяца занимались им, а тут же полно всякой отчётной преподавательской работы, с кафедры звонят, из редакций журналов статьи требуют обещанные. Не объяснишь же, что стрижек выкармливаешь и ни на что больше сил нет... Да и чем выкармливать – тоже нужно знать! Это целое предприятие. Мы даже кузнечиков как-то вечером пошли ловить в скверик, и представьте эту картину: два писателя скачут по лужайке с банкой в руках, проходящие мимо смотрят сочувственно: бьют, мол... А кузнечики – врассыпную. Поймали трёх.

Но они убежали. Потом выяснили, что есть на рынке птичьим кормом, всякие личинки, стрижакам полезные... Ну потом настало время отпускать, стрижек наш окреп, встал на крыло, всё в небо смотрит. Ну и улетел. Прямо в облака взмыл. Только что вот был у нас дома, ел с руки у Наташи, а теперь – пикирует высоко-высоко... Сейчас, надеюсь, где-то в далёкой Африке... Удивительные птицы – стрижи! Отчаянные... Всю жизнь проводят в небе. Нам есть чему у них поучиться...

В действительности не разделяю творчество на журналистику, научную работу, литературу... Важнее стараться оставаться собой, чем бы ни занимался. Не терять полёта. Хотя не всегда получается, если честно. Работа колумнистом в газетах и журналах – научила (и учит до сих пор) быстроте реакции, смелости в обращении со словом. Решительности. Общительности. Знанию прагматики. И пониманию, что очень сложно, почти невозможно написать что-то, что останется хотя бы на время. Когда видишь, как быстро становится вчерашним днём какая-нибудь твоя статья, над которой ты ночей не спал, о многом задумываешься. Но я ни на что и никогда не променял бы свой журнально-газетный опыт. И мудрено ли: всё детство прошло в редакциях «Ульяновской правды» и журнала «Волга»...

– Воистину, широко известный афоризм *Amant alterna Camenae* [Музы любят чередование] родственен вам: диапазон писательской, научно-исследовательской, культурно-просветительской деятельности профессора Пыркова, а также многообразие используемых тем, форм, приёмов впечатляют. Так, вы стали новатором в литературоведении, разработав фресковый метод преподавания литературы. Расскажите о вашем исследовательском выборе и его преимуществах.

– Проблема в том, что мы почему-то разучились говорить интересно об интересных вещах. Забюрократизировали всё и вся. Ну посмотрите на многие и многие (не все, разумеется!) учебники, учебные пособия, методички, научные статьи – их же просто невероятно скучно читать! И это филологу! А детям? Студентам, школьникам? Литературоведческие статьи – только для литературоведов? Да это бред! Наука о слове в России всегда была в авангарде, сопрягалась с гражданской позицией, с общественной значимостью. И теперь мне объясняют, что есть терминологический аппарат, требования ГОСТа к оформлению и содержанию, что я должен следовать форме... Да ничего я никому не должен! Любая форма служит учёному, и автор волен изменять или отвергать любые формальности, **если ему есть что сказать!** Так всегда было в нашей науке. Но мы этот бесценный опыт почти утратили. В итоге филологическая наука постепенно перестаёт участвовать в жизни страны. Отсюда и отсутствие интереса широкой читательской аудиторией, молодёжи.

Я потому так близко к сердцу и принял инициативу «Знания», что разглядел в ней попытку **изменить само отношение к образу науки и человеку науки.** И фресковый метод – это тоже попытка, может быть, даже в какой-то мере отчаянная, найти новые формы общения с аудиторией, прежде всего

молодёжной. Я попробовал создать алгоритмы взаимодействия со школьниками, студентами, рассчитанные на диалог, обратную связь, совместный поиск. Никакого менторства, заранее заготовленных ответов, забетонированных максимумов. Только живой разговор с живыми людьми. И отношение, допустим, к студенту – не как к «обучающемуся», а как к человеку!

Настаёт время, когда школьнику и студенту, учителю и вузовскому преподавателю, аспиранту и докторанту, просто читателю, в особенности молодому, для более эффективной учебно-методической и научно-исследовательской работы понадобятся альтернативные парадигматические модели освоения информации. Новые формы учебников и разного рода вспомогательных пособий и практикумов. Фресковый метод – попытка создания одной из таких новых перспективных форм.

Что представляет из себя фресковый метод? Ну, коротко говоря, это такой нелинейный метод интерпретации литературного произведения, при котором его идейно-содержательная и морально-нравственная многомерность раскрывается через картины текста, интенсифицирующие творческое восприятие художественного материала, рассматриваемого исследователем на тщательно прорисованном биографическом и социокультурном фоне. Во фресковом методе в абсолют возводится творческая субъективность, а значит, – смещаются методические и методологические полюса.

Объясню просто, примером: в каждом школьном и вузовском учебнике по русской литературе говорится о расколе в Некрасовском «Современнике», отцах и детях и всём таком. Но почему бы не рассказать, что редакция «Современника» находилась в Питере на улице с удивительным названием – Колокольная. Почему бы зримо не представить сам дом на Колокольной, 14, где жили Некрасов и Панаев, где собирались писатели, не представить, иначе говоря, живую картину происходящего? А выводы сделаются сами собой, информация уляжется и примет ту или иную форму. **Мы торопимся выдавать схемы, забывая быть навигаторами! Отвечаем на вопросы, забывая их задать...**

Я подготовил к изданию книгу «Гончаров. Фрески». Не могу пока строго логически объяснить возможность фрескового метода, сам до конца их не осознаю. Чувствую, что удалось найти нечто... Скажу пока только, что фресковая система, если угодно фресковое литературоведение, способно работать с невероятной силой.

Подобный подход вызовет, скорее всего, оценки разнополярные, много критики (и это хорошо!), это правильно. Обсуждение необходимо. Но сегодня мне особенно радостно, что уважаемые члены жюри Российского общества «Знание» высоко оценили моё необычное начинание. Для меня это было очень и очень важно.

– Литературные музеи – еще одна сфера интересов и влияния профессора Пыркова. Иван Владимирович, в какие музеи страны вы рады возвращаться вновь и вновь? Назовите свои места силы, энергетические центры, вдохновляющие и обновляющие творческий потенциал?

– Энергийные поля литературных музеев – дей-

ствительно поддерживают, подпитывают. Для современного образовательного процесса, для просвещения они бесценны. **Сразу, пока не забыл, выскажу волнующее: на повестке дня создание единого геокультурного пространства, объединяющего музеи, литературные дома, библиотеки, вузы и школы.** Собственно, работа литературных музеев сегодня во многом направлена на подобную интеграцию, без которой невозможно нравственное восхождение. «Фрески», если разобраться, о том же! Так выходит, что память обращена не столько в прошлое, сколько в настоящее и будущее. Сохранность культурного наследия возможна только при его соприкосновении с сегодняшним днём, несовершенным, неидеальным, состоящем из ошибок и заблуждений, но – живым. Иначе никак! Мы начали разговор с мотива просвещения, так вот что я скажу: литературный музей, библиотека – истинные, незаменимые просветители нашего времени.

В замечательном журнале «Наука и жизнь» мне посчастливилось опубликовать несколько статей о русских писателях-классиках. Скорее даже – развёрнутых портретов. Старался находить интересные факты, малоизвестные детали, предметное воплощение эпохи. А где? В драгоценных музейных запасниках, конечно! Так что каждый раз я старался делать материал совместно с тем или иным литературным музеем. Ну, допустим, Музей Ершова в старинном Ишиме, Музей Аксакова в Уфе, на Бугуруслане, Музей Тургенева и Музей Лескова на Орловщине, Фединка и Музей Чернышевского в Саратове. Дружу с Домом Гоголя в Санкт-Петербурге, на Никитском, с Домом Чехова в Таганроге, с Домом Языкова, где бывал ещё в детстве. С библиотекой Лихачёва в Кирово-Чепецке, с библиотекой Грибоедова в Питере, на Сенной, с библиотеками в Пушкино, Велючинске, Жуковске... С Саратовской универсальной научной библиотекой, с потрясающей просто библиотекой СГЮА... Очень-очень дорожу сложившимися с музеями и библиотеками отношениями.

Ну и в первую очередь **Музей Гончарова в Ульяновске – мой постоянный помощник и вдохновитель!** Всегда говорил и повторяю ещё раз: Историко-мемориальный центр-музей И.А. Гончарова – один из передовых музеев России сегодня, ведущий интереснейшую и очень полезную образовательно-просветительскую работу!

– Нам, ульяновцам, безусловно отраднo, что упомянуты имя Гончарова, Историко-мемориальный центр-музей писателя, с которым вас связывает многолетняя дружба. В 2022 году исполняется 210 лет со дня рождения великого романиста. Расскажите о своих творческих планах, связанных с гончаровской тематикой.

– Мечтаю выступить на Гончаровской юбилейной конференции и презентовать книгу «Гончаров. Фрески». Рассказать подробнее научному сообществу о фресковом методе, о своих разработках последних лет, услышать мнение коллег. Для меня всегда большое событие – приезд в Ульяновск, встречи в Музее Гончарова с единомышленниками. Хотелось бы опубликовать пару статей о любимом Гончарове, найти какую-то новую грань...

– Иван Владимирович, следующий год и для вас юбилейный – в смысле житейском, че-

ловеческом. С каким настроением встречаете весомую дату? Наметились ли подобные вехи в научной, преподавательской, творческой деятельности?

– У отца (поэта Владимира Ивановича Пыркова. – Ред.) на этом же рубеже спрашивали, помню, похожее. И он отвечал, что ощущение творческой неудовлетворённости – главное. «Мог больше, мог лучше...» И я, пожалуй, отвечу ему в тон. С каким настроением? Самокритичным прежде всего. Ни о каких итогах, конечно, даже промежуточных, говорить не приходится. Верю, что, может быть, подступаю к чему-то важному, что смогу преодолеть свою лень (не в обломовском смысле, у Обломова есть чему поучиться!). В этом году, надеюсь, выйдет книга «Поплавок из осокоря», посвящённая памяти отца. Выйдут «Фрески». В планах – повесть с пока что рабочим названием «Спуск Железной дивизии» и книга о детских впечатлениях «Небесный Ульяновск». Из названий, наверно, видно, что всё связано с городом детства. Пока лишь пытаюсь поймать интонацию, найти голос (как там у Николая Благова, у дяди Коли было: «Хочу я голос свой услышать, потерянный когда-то здесь»). Но и теперь уже могу предположить, что если всё сложится, уровень откровенности этих моих набросков окажется для сегодняшнего общества неудобным, непривычным. **Что ж, как говорится, «цензуру к памяти не допускаю»!**

Что ещё? Думаю, уместно было бы собрать статьи о русских писателях, опубликованные в «Науке и жизни», «Литературе в школе», «Литературной газете», «Российском писателе»... Да том же «Симбирске»! Вот объединить материалы эти для сборника – есть и идея, как выстроить, какой лейтмотив выбрать, какие обертоны, что высветлить, что оттенить. Деталика, дальний фон... Новые стихи тоже просятся в книжку, это ещё одно направление. И, может быть, для меня сегодня важнейшее... Но важнее всё-таки вот что: помимо личностно-творческих своих, внутренних, что ли, ревизий, подсказывающих, как и что можно написать, издать-выпустить, постоянно думаю о новых формах передачи знаний, о том, как говорить по-человечески просто и интересно о сложном.

Да, о скупой отцовской улыбке не договорил... Как-то, давно ещё очень, я пришёл после лекций домой, вечером поздно, отец меня ждал и говорит: «Сегодня невероятное услышал (а у него радиоприёмничек такой с антенной на подоконнике работал всегда): кто-то из чиновников перечислил нуждающиеся в помощи слои населения – неблагополучные семьи, маргиналы, учителя... И отец сказал, помню: «Не доживу до того дня, когда это изменится». Он не дожил. Но и дожил, конечно...

А самый желанный план, если честно, приехать в родной Ульяновск-Симбирск, пройтись по Венцу, восхититься полётом стрижей, спуститься по лесенке и просто провести бесконечный июньский денёк на Волге с удочкой...

Материал подготовлен
к.ф.н., заведующей сектором научной работы
Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова
Ириной МАРШАЛОВОЙ

*Валентина ГОРОХОВА, старший научный сотрудник отдела фондов
ОГАОК «Ленинский мемориал».*

ПРЕКРАСНЫЙ ПОЧИН

Памяти А.С. Пушкина

В фондах Музея-мемориала В.И. Ленина хранится небольшая брошюра под названием «Прекрасный почин. Пушкинская конференция в колхозе «Первенство», изданная ульяновским Пушкинским комитетом и напечатанная в издательстве газеты «Пролетарский путь» в 1937 году тиражом 1000 экз. В настоящее время эта брошюра представляет собой библиографическую редкость. Чем же она интересна?

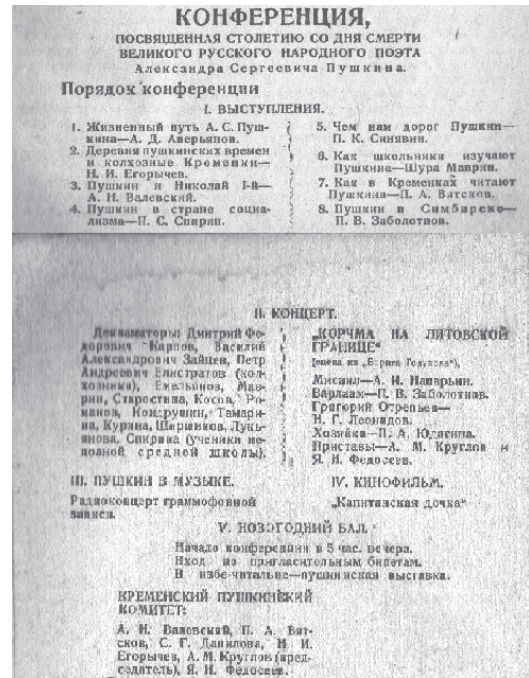

Идея проведения Пушкинской конференции в сельском клубе колхоза не возникла сама по себе. 16 декабря 1935 года Постановлением ВЦИК СССР был учреждён Пушкинский комитет под председательством Максима Горького, задачей которого стали организация и руководство мероприятиями по увековечению памяти А.С. Пушкина и популяризации его творчества в связи со 100-летием со дня трагической гибели поэта. Подобные комитеты были созданы во всех союзных республиках, краях, городах, школах. В стране развернулась гигантская кампания по подготовке мероприятий, которые должны были состояться в феврале 1937 года: огромными тиражами издавались произведения А.С. Пушкина, научные труды, посвящённые исследованию его жизни и творчества, в школах проводились конкурсы чтецов, рисунков.

Ульяновск тоже участвовал в осуществлении этих замыслов: был создан Пушкинский комитет, который вовлекал рабочих, колхозников, учащуюся молодёжь и интеллигенцию в работу по изучению произведений А.С. Пушкина. Яркое мероприятие прошло в селе Кремёнки – в одном из передовых колхозов Ульяновского района. Здесь был создан Пушкинский комитет из шести человек, возглавил его А.М. Круглов – директор неполной

Гравюра 1860-х гг.

средней школы. Вот что писала центральная газета «Правда» в номере от 10 января 1937 года о подготовке конференции: «Задолго до конференции ульяновский Дворец книги открыл в избе-читальне колхоза обширную пушкинскую выставку. На ней были представлены книги поэта в изданиях, вышедших при его жизни. Выставку посетило более 700 жителей села. Проводились громкие читки произведений поэта в школе, клубе, избе-читальне. Школьники готовили выставку рисунков к пушкинским произведениям, выпустили стенную газету. Три недели село готовилось к пушкинской конференции. Радиоузел подготовил для конференции радиоконцерт граммофонной записи «Пушкин в музыке». Художники Панин и Маркелов в подарок колхозу написали портреты Пушкина. Типография издательства «Пролетарский путь» отпечатала афишу конференции, листовки, пригласительные билеты. В клубе проходили встречи с артистами из Ульяновского театра, организовали показ кинофильма «Капитанская дочка». Лучшие преподаватели Ульяновска консультировали докладчиков. Артисты театра помогли в подготовке декламаторов, в постановке сцены из «Бориса Годунова», учили самодеятельных артистов искусству грима, помогли в постановке танцев. Бурлило всё село. К выступлениям готовились члены пушкинского комитета, 15 декламаторов, 7 самодеятельных артистов, 5 плясунов, 40 организаторов громких чтот, 6 дежурных по выставке.

31 декабря 1936 года в 6 часов вечера в клубе открылась конференция, посвященная 100-летию

Мариэтта Сергеевна Шагинян

со дня смерти великого русского поэта. Сцена клуба была украшена портретами А.С. Пушкина, знамёнами колхоза. На конференцию прибыли гости: писательница Мариэтта Шагинян (г. Москва), представители горкома и райкома партии, гости из Ульяновска, жители соседних колхозов. С докладами о А.С. Пушкине выступали жители села Кремёнки: учителя школы, председатель сельсовета, заведующий хатой-лабораторией, председатель колхоза, рядовые колхозники. Тексты их выступлений были опубликованы в брошюре. «Особое одобрение участников конференции вызвал пожилой колхозник тов. Карпов, прочитавший своё собственное стихотворение, посвященное великому поэту». Состоялся концерт и постановка, вызвавшая бурные овации всего зала. Успешное проведение конференции – первый итог большой работы кременского Пушкинского комитета. Сельский совет поддержал предложения комитета: переименовать улицу Безводную, по которой весной пройдёт линия водопровода, в Пушкинскую; создать в Кремёнках фундаментальную сельскую библиотеку имени Пушкина.

Более 600 человек побывали на конференции. Она закончилась к 12 часам ночи. Председатель сельсовета поздравил всех собравшихся с Новым годом, жители села веселились на новогоднем балу. «Так наше село ещё ни разу не встречало Новый год!» – убеждённо заявляли колхозники.

Замечательный почин поддержали и другие колхозы.

Подробно об этом событии можно прочесть:

Шагинян М. Три речи о Пушкине. // Собрание сочинений. т. 6 / М. Шагинян. – М., 1958. – с.113-125

10 февраля – День памяти А.С. Пушкина

Ольга ДАРАНОВА, ученый секретарь Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина, председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России.

ПРИКОСНУТЬСЯ К ПУШКИНУ

«На нём нигде точку не поставишь...»

В этом году исполняется 185 лет со дня гибели великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

С каких пор и как для нас начинается Пушкин? По-разному. С детства, с царя Салтана и царевича Гвидона, с мёртвой царевны, с «Зимней дороги» и «Зимнего вечера», особенно любимых нашими бабушками, с юности, со школьных лет, с четырёхстопного ямба «Онегина» и целомудренного Татьянинного письма, с лаконичных «Повестей Белкина», с иноземных и загадочных «Маленьких трагедий»... Пушкин открывается и в зрелые годы с философских стихов его последнего периода жизни...

Вернёмся памятью в прошлое, в последний, 1836 год, сложный год в жизни Пушкина. Прошла эйфория от надежд на амнистию ссыльным декабристам, на которую Пушкин надеялся. Осложнились отношения с Николаем I. Если в двадцатые годы была надежда и вера в царя – продолжателя дел Петровских, царя-преобразователя, то в последующее время царские «милости» стали петлей, затягивающейся на шее поэта. Пожалованный государем чин камер-юнкера унижал его достоинство, обязывал быть постоянно при дворе на балах и иных венценосных событиях. Известно высказывание Пушкина: «Я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у Царя Небесного». Была не оплачена царская ссуда за «Пугачёва», выданная ему беспроцентно из государственной казны на издание в подведомственной двору типографии. Расчёт царя был точен: приручить поэта, поработить его, внушить искреннюю любовь к правительству. Осень 1835 года прошла непродуктивно, ему запретили выезд в деревню. А он хотел «сбежать»! В письмах к жене в это время он сетует, что всё чаще ему хочется «плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином!»

В конце 1835 года Пушкин хлопочет об учреждении журнала «Современник», ходит в архивы для работы над «Историей Петра», ведёт переговоры со многими будущими сотрудниками «Современника». В Петербурге посещает могилу Дельвига на Волковом кладбище...Встречается с Чаадаевым, Раевским, Брюлловым, Баратынским.

«Единственным уголком, оставшимся людям, любящим и уважающим прямое добро» назвал друг Пушкина Пётр Александрович Плетнёв пушкинский «Современник». В нём были напечатаны пушкинские «Скупой рыцарь», «Родословная моего героя», «Полководец», «Капитанская дочка», «Путешествие в Арзрум», «Нос», «Колыска», «Утро делового человека» Гоголя, стихи Жуковского, Тютчева, Кольцова, Д. Давыдова, записки «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой, критические статьи Пушкина, Вяземского, Гоголя, А.И. Тургенева, В.Ф. Одоевского. Целая россыпь мысли! В предисловии к изданному в 1987 году сборнику «Современник», включающему все четыре тома журнала, советский историк литературы М.И. Гиллельсон пишет: *«Содержание его отличалось такой умственной зрелостью, настолько находилось наравне с европейским просвещением, что журнал не смог найти достаточно широкой аудитории».* Жесточайше давила цензура, угнетало противостояние с Ф.В. Булгариным, Н.И. Гречем, О.И. Сенковским и их журналами. Но Пушкин всегда прежде всего ценил дружеский суд, участие своих друзей и единомышленников: Жуковского, Вяземского, Гоголя, Дениса Давыдова.

В период сложного пути издания «Современника» Пушкин во многом опирался на участие князя В.Ф. Одоевского, хотя и в их отношениях не всегда было полное взаимопонимание. Долгие десятилетия после смерти поэта стоял Одоевский на страже интересов русской литературы, отбивая нападения на самое имя Пушкина. Вскоре после гибели Пушкина стараниями его друзей Вяземского, Плетнёва, Одоевского была выпущена начатая ещё при жизни поэта V книга «Современника». Именно Одоевский в своей статье «Пушкин» назвал гибель поэта *«Семейною скорбью для целой России».* И именно он, Владимир Фёдорович Одоевский, сказал в 1837 году слова, известные миллионам людей: *«Солнце нашей поэзии закатилось...».*

В апреле 1836 года поэт похоронил мать, один из всей семьи, лишь с верным слугою Никитой Козловым проводил её в последний путь до Святых гор. Это был его последний приезд в Михайловское... Начались долгие материальные трудности с псковским имением, переписка и тяжбы с мужем сестры

Павлищевым. Летом Пушкины живут на даче на Каменном острове. В семье снова радость – Наталья Николаевна родила дочь Наталью. Хотя лето 1836 года выдалось не слишком солнечным, тем не менее оно было последним временем тихой семейной жизни Пушкина и временем последнего его творческого взлёта, когда были написаны стихи потрясающей силы и глубины. По свидетельству французского издателя и дипломата Франсуа-Адольфа Лёве-Веймара, бывшего в это время в Петербурге, «Счастье поэта было велико и достойно зависти, он показывал друзьям с ревностью и в то же время с нежностью свою молодую жену, которую гордо называл моей прекрасной смуглой Мадонной». В воспоминаниях французского гостя осталось впечатление о Пушкине, который всей душой стремился к семейному миру и благополучию, беспокоился о том, что журнал «Современник» не находит должного отклика у читателей. Ещё одной печалью Пушкина, подмеченной французом, было то, что он не был за границей; путешествовать, новых впечатлений ему не хватало как воздуха. Ему не хватало в то время даже «бегства в Михайловское» или новой Болдинской осени, но даже краткой передышки ему было не дано.

Царское семейство в это время перебирается во дворец на Елагин остров, начинаются бесконечные балы, светская суета, визиты, среди прочих – назойливые притязания щёголя-кавалергарда Дантеса... Полетели подмётные письма, поползли слухи, сплетни, пересуды... Нагромождение бытовых неурядиц душило Пушкина, угнетало его. И несмотря на это, он работает над «Капитанской дочкой», «Историей Петра», интересуется переводами «Слова о полку Игореве».

Пушкин в это время создаёт ряд стихотворений, связанных с евангельскими сюжетами: «Молитва» («Отцы-пустынники и жёны непорочны...»), «Подражание итальянскому» («Как с древа сорвался предатель-ученик»), «Мирская власть» («Когда великое свершалось торжество»), «Из Пиндемонти» («Не дорого цену я громкие права...»), «Когда за гордом задумчив я брожу» и «Памятник». В этих стихах – желание обрести силу духа, чтобы всё перенести, всё преодолеть, проявить милосердие к ближним. «Как с древа сорвался предатель-ученик» – о теме предательства, которая близка была Пушкину ещё с послелицейских лет. В последние годы много страстных поклонников пушкинской музыки отвернулись от неё, поверив клевете и наветам... Да и домашний мир грозил разрушиться, и это предательство судьбы могло оказаться хуже всех предательств.

Последние стихи выражают во многом поэтическое кредо поэта: ценность и желание внутренней свободы. Свободы от соприкосновения с царями, с чиновниками всех мастей и рангов, от фальши и лицемерия, приспособленчества, чтобы «не стигнуть в пропасть земли». Помните:

*... иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам...*

Важно и то, что весь последний цикл создавался в дни, когда исполнилось десять лет со времени последнего акта декабристской трагедии: 13 июля 1826 года свершилась казнь пятерых декабристов. Самоотверженность и тщета усилий – отголоски декабристской темы были понятны и близки Пушкину, и в это время он чувствовал себя в ещё большем одиночестве, чем в годы казни декабристов (он перестал чувствовать любовь и сочувствие читателей, не был распродан «Пугачёв», разваливался «Современник»).

И «Памятник»... Хотя это название мы условно берём в кавычки, потому что названия у стихотворения нет, слово исходит из первой строки. Пожалуй, нет другого произведения у Пушкина, о котором было бы написано больше, чем о «Памятнике». Долгое время считалось, что «Памятник» – это апофеоз гордого благородного сознания гения, самовозвеличивание поэта. Но не всё так просто. Тем более, что Пушкин всегда стремился уйти от конкретных сопоставлений и создать внеличностный гимн творческой свободе близкого народу художника. Как верно написал о стихотворении академик М.П. Алексеев, ««Памятник», при всей его обобщающей философской глубине, представляет собой «развёрнутое воспоминание Пушкина о его жизни». Даже сама форма стихотворения, отсылающая нас к классическим канонам древнеримской поэзии, к одам Горация и Державина, к которому Пушкин относился с пиететом, возвращает нам времена лица, его штудии, его корифеев и близких друзей поэта. Возможно, именно с Дельвигом, любимым другом, очень близким Пушкину по духу, поэт и ведёт доверительный разговор в стихотворении, осмелев сказать *правду* о созданном им и о будущем его поэзии. «Хвалу и клевету приемли равнодушно» – такое вполне мог посоветовать Пушкину Дельвиг, сообразно своему характеру, вот только Пушкин не мог быть равнодушным к клевете. Первоначально в стихотворении было упоминание и о Радищеве, с которым Пушкин сопоставлял свою горькую участь: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства новые для песен я обрёл, / Что вслед Радищеву восславил я свободу / И милосердие воспел». «Мы не знаем даже, – замечал академик Алексеев, – готовил ли Пушкин свой «Памятник» к изданию или же стихотворение вылилось из-под его пера свободно, естественно, непреднамеренно, только для того, чтобы успокоить сердце, умерить захлёстывающие через край чувства справедливого негодования, и он беседовал наедине с самим собой или, пытаясь заглянуть в будущее, через головы своих недогадливых и неблагодарных современников, обращался непосредственно к потомкам».

Познать феномен Пушкина пытались и пытаются многие. И пожалуй, все сходились во мнении, что прикосновение к Пушкину – это именно одна из *попыток*. Нельзя исчерпать... Андрей Битов в своём эссе «Утроение Пушкина» написал: «Сколько Пушкина ни дополняй, а у него всё равно больше». По его мнению, точнее всех определил феномен Пушкина Лев Толстой – «идеальная иерархия слов»...

Мне вспоминаются слова Фазиля Искандера о литературе и Пушкине в частности. «Всю мировую литературу я разделяю на два типа – литература

дома и литература бездомья. Литература достигнутой гармонии и литература тоски по гармонии <...>. Литература дома имеет ту простую человеческую особенность, что рядом с её героями хотелось бы жить, ты под крышей дружеского дома, ты укрыт от мировых бурь, ты рядом с доброжелательными, милыми хозяевами. И здесь в гостеприимном и уютном доме ты можешь с хозяином дома поразмышлять и о судьбах мира, и о действиях мировых бурь».

Вот Пушкин – это «литература дома». Несмотря на его трагическую судьбу, короткую жизнь, полную потрясений и волнений. Он научил нас ценить родство, покой мирной родины, дом, уют, добро и

любовь близких. Он этого жаждал и научил нас ценить это. Он научил нас улыбаться сквозь слёзы...

И напоследок. Как верно написал о Пушкине Андрей Битов: «На нём нигде точку не поставишь...» Да, нигде. Он, подобно Карамзину, всю жизнь творил себя сам. Он делал из своей творческой жизни единый текст. Именно поэтому он, мудрый Пушкин, переставлял даты под своими стихотворениями. Потому что понимал, что неважно, когда оно написано, важно лишь то, какую мысль вносит оно в единую смысловую цепь его жизни.

Вот и мы с вами точку не поставим...

Д. Белюкин. Смерть Пушкина. Холст, масло 207x287

Ольга ДАРАНОВА

В Петербурге балов круженье,
На обедах остроот сраженье,
Томной страстью мерцают плечи,
Экипажи, мазурки, речи.

Чей там смех за столом, в гостиной?
И глаза как осколки льдины,
Натали побледневшей шёпот
И домашних недобрый ропот.

Трость в руке его как рапира,
Он один – и зима в полмира...
«Ох, Никита, готовь-ка дрожки,
Да во тьму по глухой дорожке!

Всё уж лучше среди простора,
Чем среди ненавистных хора»...
Как когда-то в Сибирь Радищев,
Мчится он и покоя ищет.

В Петербурге метель... Снег кружит.
Ветер жёсткий и стужа, стужа...
Путник пьёт кипяток из кружки,
А на Мойке страдает Пушкин.

Пересуды, доносы, сплетни...
Он ушёл, тридцатисемилетний.
Бьёт в лицо нам метельная крошка,
Студит рот ледяная морозка...

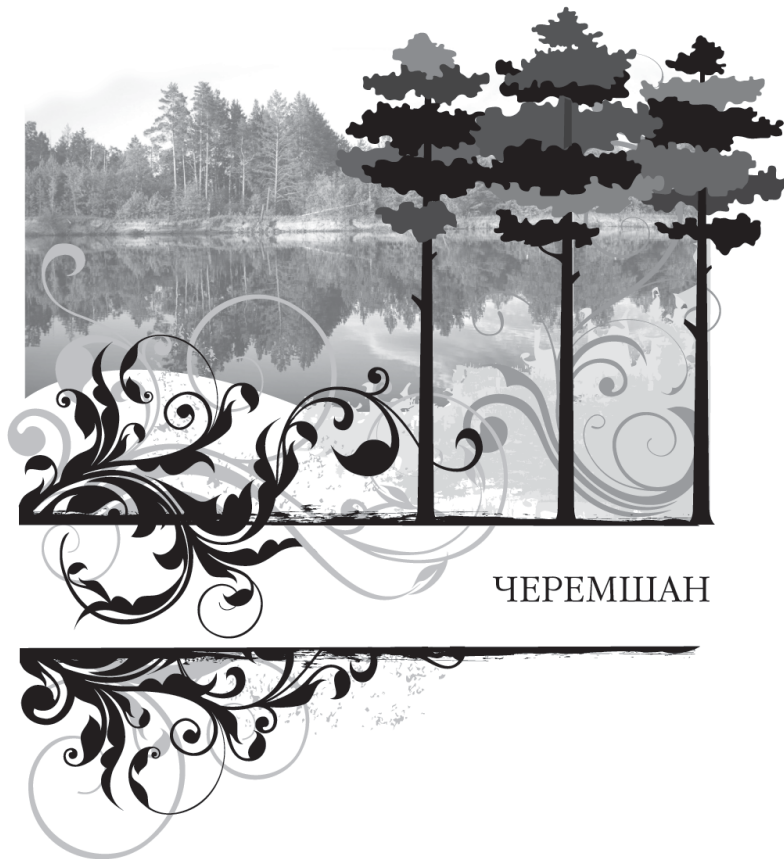
Жжёт тот снег нам и ныне душу,
И печаль времена не глушат.
Не растопится Чёрная речка...
Конь храпит, и в крови уздечка...

Снег в России... И те же вёрсты...
Свят-водицу да хлебец чёрствый
Редкий путник пригубит в поле,
А тебе и не надо боле...

Слышишь? Шлю сквозь метельный хохот
Новых рифм победившие грохот,
Осенённые снежным венчиком,
В твою память стихи-бубенчики...

Полный текст статьи можно прочесть,
перейдя по QR-коду

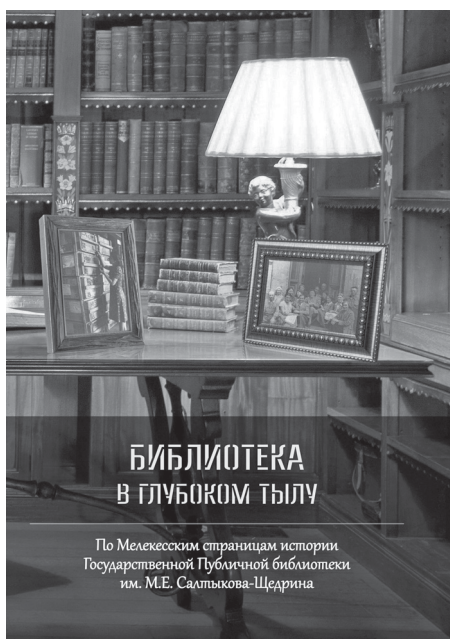

ЧЕРЕМИШАН

ЛЕНИНГРАДЦЫ В МЕЛЕКЕССЕ

В 2018 году историко-культурный фонд «Мелекесь» издал книгу «Библиотека в глубоком тылу: по Мелекесским страницам истории Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина». Этот сборник признан «Книгой года» на XVI Областной выставке-конкурсе «Симбирская книга – 2018 года». Работа краеведов продолжается, и находятся новые материалы, которые не вошли в эту замечательную книгу. В фондах Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) были найдены три стихотворных произведения, которые ранее не публиковались. Именно на них мы и хотели акцентировать ваше внимание.

БИБЛИОТЕКА
В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

По Мелекесским страницам истории
Государственной Публичной библиотеки
им. М.Е. Салтыкова-Щедрина

Наша справка

Из-за наступления фашистов на Ленинград, 20 июля 1941 года бесценные книжные и рукописные фонды Государственной публичной библиотеки отправившись в глубокий тыл, в город Мелекес. В эвакуацию были отправлены фонды отдела рукописей, коллекции произведений классиков марксизма-ленинизма, «вольной русской печати», издания гражданского шрифта, вышедшие при Петре I, русские книги XVIII в. и первой четверти XIX в., фонд «Россика», коллекция «Пушкиниана», библиотека Вольтера, архив и библиотека Дома Плеханова, инкунабулы, альбы

и эльzeвиры, отдельные части фондов литературы народов СССР, картографии, эстампов, нот, иностранного фонда.

Эшелон прибыл в Мелекес 31 июля 1941 года вместе с группой сотрудников, которые занялись долгой и тяжелой работой по сохранению вывезенных раритетов. В августе 1941 года начало работать Мелекесское отделение в составе 24 человек.

И лишь 10 июля 1945 года Совнарком СССР решил реэвакуировать фонды библиотеки из г. Мелекесса Ульяновской области. В октябре 1945 года фонды библиотеки вернулись в Ленинград.

Одним из сотрудников библиотеки, эвакуированных в Мелекесс, была библиограф Мария Александровна Садова, верой и правдой служившая своему делу много лет.

Мария Александровна Садова (06.11.1888, Петербург – 03.02.1968, Ленинград). Родилась в семье профессора латинского языка и римской литературы А.И. Садова. Окончив в 1905 году гимназию с серебряной медалью, поступила в Женский педагогический институт на словесно-историческое отделение, после завершения учебы работала учительницей. В студенческие годы писала стихи, которые печатались в газетах «Вестник школы», «Новые дни». В публичную библиотеку поступила в сентябре 1917 года, в том же году была зачислена в штат помощником библиотекаря в Русское отделение. Работала в публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина с 1917 по 1962 год.

Мария Александровна
Садова

В 1939-м М.А. Садова в соавторстве с Н.Д. Игнатьевым издала работу «Руководство для наведения справок в алфавитных каталогах ГПБ». С начала Великой Отечественной войны участвовала в работах по эвакуации библиотечных ценностей, в блокадном Ленинграде выполняла библиографические запросы читателей и организаций. В августе 1942 года М.А. Садова была направлена в филиал публичной библиотеки в г. Мелекесс. В день 130-летия открытия библиотеки, 14 января 1944 года, выступила в г. Мелекессе с чтением своих воспоминаний «Библиотека в осажденном городе».

По окончании войны М.А. Садова возвратилась в Ленинград на прежнее место работы. Итог многолетнего труда в публичной библиотеке подведен М.А. Садовой в ее монографии «Библиографические разыскания при выполнении читательских требований...» и в издании «В поисках книги». Мария Садова написала сказку «Как маленькая книжка заблудилась в библиотеке. Рассказ для детей и взрослых», составила сборник своих стихотворений.

В 1957 году в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина (г. Ленинград) отмечали 40-летие служения библиотекаря ГПБ Марии Александровны Садовой читателям и книгам.

В день 40-летия работы М. Садовой в публичной библиотеке читатели посвятили ей «Балладу о Марии Садовой».

В доме восемнадцать
По Садовой улице
В зал не протолкаться.
Весь народ волнуется,

Понабились люди,
Точно сельди в банке...
То ли еще будет,
Как придут с Фонтанки!

Объяснить бы надо вам:
Что за сбор битковый...
Есть такая Садова
В доме на Садовой.

Как выглядит? – Молодо!
Узнать не хитро:
У ней в шляпу вколото
Жёлтое перо...

Должность у ней – «Главный»,
Степени нет...
Служит недавно –
Всего сорок лет.

Этим и обрадован
Весь наш дом огромный:
Юбилей у Садовой...
Как видите – скромный...

Юрий Саввич Перцович (1902–1987) – критик, позднее – библиограф, сотрудник ГПБ, посвятил отрывок из «Пенсиады», библиографической эпопеи о лучших людях ГПБ, Марии Александровне Садовой в день сорокалетия ее службы в библиотеке.

Здесь – святилища отметки!
Но переступи порог!
Погляди, как спрятан в клетки
генеральный каталог.

Шифровальщиков искусство
скрыло в нем под маской чисел
человеческие чувства,
человеческую мысль.

И в зеленой скуке ссылок,
в равнодушный алфавит,
в нем поставлены в затылок:
свадьбы... свиньи... страсти... стыд!

И как в пушкинском Руслане,
здесь регулировщик к о д –
вправо – в русский фонд заманит,
влево – в офы поведет.

Видишь дев? То хор весталок.
Слышишь, что они поют?
– «Всех путей у нас начало,
все дороги к нам ведут».

Вот она: флакончик с ватой,
да платочек... Поутру,
тропкою витиеватой
бродит в библиобору.

Нижней полке поклонится,
до земли рукой достав,
то на верхнюю воззрится
чуть на цыпочки привстав.

Она роет и шурует,
тут мелькнет, там пробежит,
в темном уголке колдует
и листьями шелестит.

И поймав за хвост жар-птицу
и прижав ее к себе,
так гордится! Но гордится
не собой, а ГПБ.

*Коллектив мелекесского отделения в июле 1945 года.
Слева направо: 1-й ряд: Фадеев А.Я., Быкова Т.А.,
Гранский В.С., Трей Е.Х., 2-й ряд: Торбина Ф.Т.,
Дружинина М.С., Неймотина С.А., Озерова Ц.А.,
Садова Е.А., Садова М.А., Руцкой Г.А. (стоит),
3-й ряд: Якаб Б.С., Ляпунова А.С., Враская О.Б.,
сзади – Попов Ф.Я.*

Сотрудникам библиотеки Мария Александровна Садова посвятила свою поэму «Ленинградцы в Мелекессе», в которой описала жизнь в эвакуации в Мелекессе (Димитровграде) и в шуточной форме описала сотрудников библиотеки.

Мария САДОВА

ЛЕНИНГРАДЦЫ В МЕЛЕКЕССЕ

Поэма в стихах

Прошло четыре долгих года.
Прощайте скорби и невзгоды
И дней веселых хоровод!
Их тоже видел наш народ.

Полей волшебные просторы,
С хозяйками и мир и ссоры,
Кудрявые вокруг леса,
И певчих птичек голоса.

Базарные ряды, товары,
Ночные страшные угары,
И солнца добрые лучи,
Палившие, как из печи.

Прощайте, с топкой наши муки!
Всегда запачканные руки
От мелекесских таганков
Доисторических веков.

От колки вечные занозы,
У окон белые березы
В своих нарядах кружевных
И стайки воробьев на них.

Прощай, собор краснокирпичный
Архитектуры симметричной!
Он был умно построен, так,
Чтоб всем был виден, как маяк.

На горке здание института,
Туда взбираться было круто!
И дружелюбный бой часов,
Чтоб к сроку каждый был готов.

Неутомимые бассейны,
Козлята Зорьки и Васейки,
О прошлом иногда слеза,
И звезд лучистые глаза.

Прощайте, мирные домишки,
Дымки из труб и ребятишки,
Пасущие своих телят,
Гусят, утят и поросят.

Концерты шумные лягушек,
И лишь по радио бой пушек,
Стада задумчивых коров
И мириады комаров,
Нам за прогулки отомстивших
И малярией наградивших.

Прощай, спокойный Черемшан,
Плывущий из далеких стран
С могучей Волгой на свиданье,
Весь погруженный в созерцанье!

Зеленых ставень длинный ряд,
Безмолвных сторожей отряд,
Они нам ящики хранили
Мы с ними в тесной дружбе жили.

Голодных месяцев кошмар,
Потом земли прекрасный дар...
Нет, надо кончить как-то сразу
И перейти в другую фазу!

Навек прощайте огороды
И немощные пути!
Зовут подвластные народы
Обратно ценный груз везти.

Быть может, я спешу с посланьем,
Но у меня одно желанье,
И я готова год не спать,
И днем и ночью все писать,
Чтоб ленинградцам в Мелекессе
Придать значения и веса.

Надеюсь, книжные занятия
Отшлифовали мой язык,
И я сумею без изъятья
Все высказать в единый миг.

Я вам сейчас же опишу
 Всех дружных членов коллектива
 Немногословно и шуточно,
 Не перед кем не согрешу.

Озерова

Что я могу сказать о ней,
 О королеве амазонок?
 Что стан ее красив и тонок,
 Что нет волнистей и темней
 Ее лобзающих кудрей.

Ее работой мы согреты,
 Накормлены и обогреты,
 И в ткань цветную для приметы
 Все одинаково одеты.

Гранский

Волшебник юный и прекрасный
 В семье у нас живет согласной.
 Махнет он палочкой своей –
 И все получит у властей.

Ему открыты все амбары,
 Где дефицитные товары
 Лежат: мука, чулки, бензин,
 Бумага, спирт и керосин.

«Начальницы» был заместитель,
 Сокровищ временный хранитель,
 А сколько лекций прочитал!
 Их перечень один вмещал
 С трудом великим том солидный,
 Он лектор был, конечно, видный.

Чертил он карты бесподобно,
 Какие и кому угодно.
 Мы с интересом все живьем
 За ходом наших войск по ним
 Следили с трепетным волнением
 В патриотическом горенье.

А на прощанье, в добрый час,
 Увековечил он всех нас
 И наши громкие деянья
 Потомкам нашим в назиданье.

Не знаю, как другие страны,
 А в Мелекесе – сплошь изъяны
 (По опыту пишу трех лет.)
 На грязь лишь дефицита нет,
 На воровство и на обманы.

Попов

У нас хранитель есть Эфстрогий,
 Он груз готовит для дороги,
 При нем порядок, гладь и тишь,
 Скрестись не смеет дажемышь.

Со свитой ходит он подвластной,
 Его боятся все ужасно,
 И даже ящики стоят,
 В единый вытянувшись ряд.

Трейд

Она прекрасно книгам служит
 И инкунабулы уютит,
 Снимает древнюю с них пыль,
 С успехом изводя утиль,
 Отбросы трикотажных фабрик
 (Внимательный властей подарок),

Её первейшая забота –
 Распад бумаги прекратить
 И формалином плесень смыть,
 Подклеить, на свету расставить,
 Процент негодных книг убавить.

Быкова

Садовник взят в наш штат придворный,
 Такой высокий и проворный.
 Цветы в земле еще лежат,
 Иль облетел уж их наряд,
 А он с цветами вдруг несется
 И только весело смеется.
 Цветы он щедро раздает,
 Их очень любит наш народ.

Известен он в кругу у нас
 Как путешественник всемирный:
 Почти весь свет, такой обширный,
 Объездил он немало раз.

Дружинина

Жена героя Одиссея,
 Единственную дочь лелея,
 Под нашей кровлею живет,
 Супруга из походов ждет.

Враская

Улыбкой светлою пленяет
 Всех нас еще одна жена.
 Друзьям своим она верна,
 В искусстве очень много знает,
 Всегда навстречу всем идет –
 Но слишком много дел берет.

Учитель и библиотекарь
 И раненых духовный лекарь.
 Учебы кандидатской тень
 Ей омрачает летний день!

А дома ждут ее ребенок,
 Корыто, огород, котенок,
 Починка ветоши, стряпня,
 И суетня, и бегодня.
 Проказы крыс, стопы тетрадей
 С горой ошибок разных стадий,
 Добыча дров – и полный рот
 Иных хозяйственных забот.

Немойтина Сима

Один товарищ молодой
 Нагрузкой важной обеспечен:
 В дождь, в холод, в ветер, в грязь и в зной
 Горячий хлеб добыть из печек.

Он с песней вешает его
И с песней раздает шутилой.
Что значит юность? Хорошо
Быть доброй, честной, терпеливой.

Ляпунова

Единственный наш диссертант
Большой знаток, как музыкант,
С таким же рьяным увлечением
И превосходнейшим терпением
Вскрывает ящики всегда,
Не возражая никогда.
Ей в мире звуков все известно,
А нам служить с ней только лестно.

Садова Е.А.

Неправды есть у нас гонитель,
Из царства правды скромный житель.
Как кипяток шумит, бурлит,
А маленький такой на вид!

Он пишет красками немного
Леса, поля, холмы, дорогу
И занимает скромный пост,
Но признан всеми быстрый рост.

Тётя Фёкла

Она ворчит по-украински,
Животных любит матерински,
О них забавно говорит
И языком своим смешит.

Старинны книги уважает,
А нас умненько наблюдает.
Нет, право, не забуду я
Ее старательного дня!

Фадеев

Придворный есть у нас строитель,
Растрелли был его учитель.
Он выстроил для нас шале
На солнцем залитой земле.

По чертежам его солидным
Распланирован был завидно
Наш знаменитый огород,
Чтоб не погиб великий род.

Автор

Один у нас такой смешной
Завелся в доме библиограф,
Привык над каждой запятой
Мудрить он, словно палеограф.

Никак не может он понять,
Что это только картотека,
И мы – не та библиотека,
С которой встретимся опять.

Цвибак

Один герой далеко где-то,
Его рукою не достать.
Израненных бойцов он лечит,
За храбрость орден получил...

Он отдых честно заслужил –
Вернется в дом, где прежде жил,
И сердце матери залечит.
(История увековечит,
Всех, кто Германию разбил.)

Якаб

Другой так много испытал,
Так много настрадался в жизни,
Но с сердцем чистым, как кристалл,
Готов служить святой отчизне.

Якобсон

Уехал раньше всех сатирик
(Быть может, дома он и лирик),
Старушки матери кумир,
Стремясь на шумный жизни пир.

Оригинального любитель
И аспирантов покровитель.
Деревни он не понимал
И по Большой земле скучал.

Он огородов не любил,
Но Мелекесса не забыл.
И пишет нам всегда любезно
О новостях умно и трезво.

Равкины

Две плачущие Ниобеи!
О них писать я не сумею.
Всегда их гнал жестокий рок,
Никто им угодить не мог.

Бриллиант

Уехал также наш картограф
И замечательный географ,
Не человек, а бриллиант,
По части атласов талант.

Общественник неутомимый,
В спокойствии несокрушимый.
Одна лишь вечно с ним беда:
Не пишет писем никогда.

Буковецкая

Один товарищ дорогой
О нас печется, как родной,
Бесстрашно говорит с начальством
(Такой горячий он сызмальства),
За нас душой болеет он,
За нас всегда он огорчен.

Недавно признан кандидатом
Всех исторических наук.
Того и ждем войдет в наш круг
Прославленным лауреатом.

Ден

Живая, быстрая, с копной
На голове волос кудрявых,
Она бежит, летит домой
Среди прохожих запоздалых.

Сгорает день ее в труде,
Ей некому помочь в нужде,
Но всё она преодолагает:
Звезда любви над ней сияет.

Не сходит луч с её лица,
Когда она глядит на сына!
И за себя и за отца
Его балует без конца,
Над ним трепещет, как осина.

Златкина

А вот молоденькая мать
Сынишку ласково качает,
Гордится им и помогает
Семье на радость подрастать.

Она еще так молода!
Её пленяет жизни счастье!
Её не тронуло ненастье,
И в двери не вошла нужда.

Жилина

Катюша милая, прости,
Что над тобой мы посмеемся,
Когда истории коснемся,
Как хворост собирала ты!

Мы шли на лесозаготовки,
Предусмотрительная рать
Взяла с собой мешки, веревки,
Чтоб хворосту в лесу набрать.

Откуда мы взялись такие,
Оборванные и смешные!
Одежду нашу, пусть я трус,
Описывать – нет, не берусь.

На Невский нас бы не пустили,
Подальше бы препроводили!
Синел над нами небосвод,
И дружно попевал народ.

Идем – а ветки под ногами
Сухие весело трещат
И радуют хозяйский взгляд
Своими толстыми сучками.

Ну как же можно мимо них
Пройти, с собой не захватив!
Сосновые, смолою дышат,
От них горячем зноем пышет,

Таких, быть может, не найдешь,
Не всё ль равно, когда возьмешь!
Сучок ложится за сучком –
И входит в лес она с мешком,
Уже наполненным доверху.
Вот над Катюшей было смеху!

Королёва

Она прекрасные слова
В письме мне как-то написала:
«Моя седая голова
От жизни тяжкой так устала!
Но никогда не изменяла
Я твердым принципам своим,
Вы тоже следуйте им».

«На первом месте у меня
Стоит работа, на втором –
Жизнь личная моя, мой дом,
На третье место ставлю я
Рубли, которыми живём».

«Так мыслит наше поколение,
И молодежи без сомненья
Должны теперь мы в наученье
Заветы эти передать,
Чтоб нас могла она догнать,
А после – что ж? – и перегнать!»

Последнюю мы сняли плесень,
Последний гвоздь уже забит,
Маршрут нам всем давно известен:
На родину наш путь лежит!

Мы призовем на помощь Феба,
Диану, Зевса, светлых муз,
Чтоб охранять в пути наш груз,
Чтоб дождь в пути не падал с неба.

Мы тоже много потеряли,
И кровя нет у нас пока,
Но верим мы: светлеют дали,
И к нам протянется рука.

Мы все такие же, как прежде,
Мы все полны одной надежды:
Высоко книжный стяг держать,
За честь его всегда стоять!

Обращение к директору Библиотеки

Истаяли в реке забвенья
Неповторимые года...
Мы одичали без сомненья,
Но живы в нас и вдохновенье,
И жажда мирного труда!

Быть может, я спешу с отчетом,
Но я полна одной заботой,
Чтоб под охраной добрых муз
Благополучно прибыл груз,

И мы, конечно, вместе с грузом
На помощь ленинградским вузам,
Академическим мужам
И всем, кто не заглянет к нам.

За ленинградцев в Мелекессе
Готова выдержать я бой!
Своей ручаюсь головой,
Они не меньше стали в весе!

*М. Садова
4.VI – 15.VII – 1945 г.
Мелекесс.*

Публикацию подготовил Андрей МОКЕЕВ

КРАЙ МОЙ НА ВОЛГЕ

К 800-летию Нижнего Новгорода

Николай МАРЯНИН, поэт и краевед.

СМЕСЬ СИМБИРСКОГО С НИЖЕГОРОДСКИМ

В 2021 году широко отмечалось 800-летие Нижнего Новгорода – нынешней столицы Приволжского федерального округа, в который входит и Ульяновская область. А во времена Российской империи Симбирская и Нижегородская губернии были даже соседями и имели между собой общую границу (в советский период эти приграничные уезды вошли в состав Мордовии и Чувашии). Можно назвать и немало деятелей литературы, которые были связаны с обоими регионами. К примеру, в подготовленной к изданию книге «Отчизна поэтов. Биографический словарь писателей, связанных с Симбирским – Ульяновским краем (X-XXI вв.)» около 60 литераторов имеют одновременно связь и с Нижним Новгородом – родились здесь, жили, работали или бывали проездом...

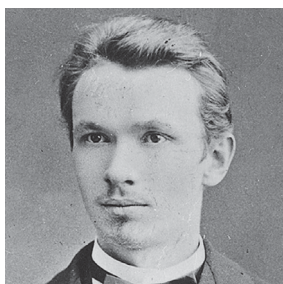

Среди уроженцев Нижегородской губернии – поэт-дилетант **Николай Николаевич Анненков** (1799–1865). Он родился в Сергачском уезде, окончил университетский Московский пансион. В 1820 году опубликовал в журнале «Благонамеренный» стихи

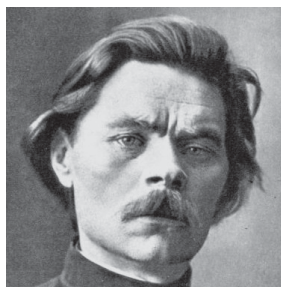
«Портрет», «Эпиграмма (Подражание Вольтеру)», «Элегия (Подражание французскому)», послание к И.Е. Великопольскому, сатиру «Я видел», отрывки из «комедии характеров» «Нерешительный» и др. А в 1829-м основал деревню Малое Анненково в Карсунском уезде Симбирской губернии. Его родная сестра, поэтесса

Варвара Николаевна Анненкова (1795–1866) детство и юность тоже провела в Нижегородской губернии. В августе-сентябре 1864 года она находилась в Симбирске и стала свидетельницей большого пожара, когда сгорел почти весь город, и по полученным впечатлениям написала цикл стихотворений «Поездка в Симбирск» (среди них – «Стенька Разин», «Плавание», «На Волге», «Симбирск», «Конторка Сиверса», «Рассвет», «Полчаса в Казани», «Рубка», «Голос жителей Симбирска»). О симбирском пожаре, в частности, писала: «Перед толпой окаменелой / Вновь языки ползут огня; / Как труп истлевший обгорелый / Лежит пустырь вокруг меня! / И вот Симбирск! Приют бывалый / Красавиц, грации – ума! / Каких в России было мало! / И что ж теперь? – Унынье, тьма!».

Философ, публицист и эссеист **Василий Васильевич Розанов** (1856–1919) родился в городе Ветлуга (ныне Нижегородской области). В 1870–1872 годах он учился во 2 и 3 классах Симбирской мужской гимназии. Доучившись затем в гимназии Нижнего Новгорода, окончил Московский университет (1882). Позже писал о Симбирске: «Родина моя, вторая родина, духовная, – ещё важнее физической! Тут первое развитие, первое сознание, первые горечи сердца, – отделение добра от зла...». И ещё вспоминал о Волге: «Мы, гимназисты младших классов, ни разу не рискнули переплыть на лодке на ту сторону Волги: так широка она в Симбирске. Во время весеннего разлива глаз уже не находит того берега, теряясь на глади вод. Берег чрезвычайно крут: и самый город с его «венцом» (гулянье над Волгой) лежит на плоском плато, которое обрывается к берегу реки».

Писатель **Алексей Максимович Горький** (1868–1936) родился в Нижнем Новгороде. В августе 1888 года посетил Симбирск, отправившись на барже из Казани на Каспий. Об этом он писал в «Моих университетах»: «В Симбирске матросы очень нелюбезно предложили нам сойти с баржи на берег. «Вы нам люди неподходящие», – сказали они. Сvezли нас в лодке к пристаням Симбирска, и мы обсох-

ли на берегу, имея в карманах тридцать семь копеек. Пошли в трактир пить чай». Позже в очерке «Самара во всех отношениях», сравнивая Самару с Симбирском, отметил: «...Симбирск, город удивительно сонный и тихий, точно умирающий от старческого маразма».

А в 1890-м Горький побывал в колонии толстовцев в селе Архангельское Симбирской губернии (ныне Сурского района Ульяновской области). В автобиографическом рассказе «О вреде философии» он писал об этом: «Через несколько дней я ушёл из Нижнего в Симбирскую колонию толстовцев и, придя туда, узнал – от крестьян – трагикомическую историю её разрушения».

Литератор **Нина Алексеевна Кривошеина** (1895–1981) тоже родом из Нижнего Новгорода, дочь владельца Сормовского завода. В 1920 году она эмигрировала во Францию. В 1948–1954 годах жила в Ульяновске, работала в педагогическом институте преподавателем немецкого и английского языков, где познакомилась с Надеждой Мандельштам – женой репрессированного поэта. Позднее вспоминала: «Через минуту мы сидели рядом и беседовали, будто старые знакомые – и вскоре Надежда Яковлевна пригласила меня к себе... Она жила в хорошем старом доме, стены были увешаны старинными иконами, которые она собирала; она угощала нас вкусным чаем – однако, по её просьбе, об этих встречах я никогда никому не рассказывала». В 1949 году после ареста мужа Кривошеину уволили из института как жену «врага народа». Она трудилась секретаршей в управлении ночных сторожей Ульяновска, тещем у слепых студентов, кассиром в парке имени Я.М. Свердлова. Не раз бывала в гостях у Александра Любимцева, давала частные уроки французского детям писателя Григория Коновалова. В 1974-м Нина Кривошеина вернулась в Париж, где написала книгу воспоминаний «Четыре трети нашей жизни».

Ещё один уроженец Нижнего Новгорода – сценарист и публицист **Евгений Степанович Петров-Скиталец** (1903–1965), сын знаменитого писателя. В 1918–1921 годах он был актёром и режиссёром драматической студии в Симбирске, окончил здесь пролетарскую школу имени Карла Маркса (1922). После войны Петров-Скиталец эмигрировал во Францию и США, где стал одним из лидеров диссидентской «Кронштадтской группы». Опубликовал в «Новом журнале» очерк «Об отце» (1961), издал несколько публицистических книг.

Родилась в Нижнем Новгороде и мемуаристка, литературовед **Елена Александровна Скрябина** (1906–1996). В 1919–1922 годах она жила с матерью в Симбирске. Училась здесь в школе, работала конторщицей и помощницей делопроизводителя

в губернском финансовом отделе. Позже в книге «Это было в России» она вспоминала: «За три года, проведённые в Симбирске, я очень привыкла к этому красивому городу, расположенному на правом высоком берегу Волги. В Симбирске было много садов, великолепная набережная Волги, носящая название «Венец», который не уступал по красоте нижегородскому «Откоосу». С «Венца» открывался прекрасный вид на другой, низкий берег Волги, утопающий в зелени... Было два театра, в одном из которых я даже начала выступать в организованном одним из моих друзей любительском кружке. Это доставляло мне истинное наслаждение». В 1950 году Елена Скрябина уехала в США, работала посудомойкой в Нью-Йорке, затем преподавала русский язык в университете. Издала книги «В блокаде» (1964), «Годы скитаний» (1975), «Пять встреч» (1975), «Это было в России» (1980), «Страницы жизни» (1994).

Писатель **Николай Петрович Ключарёв** (1910–1990) родился в нижегородском посёлке Шиморское. В послевоенные годы жил в Ульяновске, работал журналистом в областной газете «Ульяновская правда». Затем переехал в Саратов, где был заместителем редактора газеты «Коммунист», заведующим сектором печати Саратовского обкома КПСС, заместителем редактора журнала «Волга». Написал романы «Железная роза» (1964) и «Самородки» (1968), дилогию «Работные люди» (1984), очерки «Большая Волга» и «Звёзды героев», повести «На берегах Оки», «Последыши» и др. Последние годы жизни провёл в городе Быкса Нижегородской области.

Нижний Новгород является также малой родиной литератора и краеведа **Сергея Емельяновича Бирюкова** (1912–1994). С 1943 года он жил и работал в Ульяновске: преподавал географию в средних школах №3, 7 и 31, читал лекции на темы краеведения в институте усовершенствования учителей. Собрал ряд ценных палеонтологических и минералогических коллекций; найденные им окаменелые остатки неопisanного ранее в науке ихтиозавра получили название «Симбирский ящер Бирюкова». Он организовал также единственный в области музей природы в школе №31 (1969–1992). Свои рассказы, миниатюры и статьи о природе Сергей Бирюков публиковал в газетах «Ульяновская правда» и «Ульяновский комсомолец», альманахах «Карамзинский сад» и «Венец», в журнале «Мономах». Его имя в 2021 году присвоено Ундоровскому палеонтологическому музею.

Некоторые литераторы, напротив, явились на свет в Симбирском-Ульяновском крае, а затем связали судьбу с Нижним Новгородом. Например, писатель **Иван Никитич Скобелев** (1778–1849) родился в селе Новиковка Симбирской провинции (ныне Старомайнского района Ульяновской области). В 1812 году состоял при главнокомандующем М.И. Кутузове. Служил вместе с поэтом Василием Жуковским, пробудившим у Скобелева интерес к сочинительству. В январе 1824-го написал донос на А.С. Пушкина в связи с приписываемым ему стихотворением «Мысли о свободе»: назвал поэта «вертопрахом», «сочинителем вредных пасквилей», который «изрядные дарования свои употребил в явное зло», и предложил «запретить издавать развратные стихотворения». В дальнейшем Скобелев сильно жалел об этих высказываниях и стыдился их. В 1834–1837 годах служил инспектором резервной пехоты в Нижнем Новгороде. Под псевдонимом Русский инвалид издал книги «Беседы русского инвалида, или Новый подарок товарищам» (1838), «Переписка и рассказы русского инвалида» (1838), «Письма из Бородина от безрукого к безногому инвалиду» (1839), «Беседа в лазарете» (1841), «Вечер чесменских инвалидов» (1843) и др.

Прозаик **Сергей Николаевич Миловский** (1861–1911) родился в селе Вороновка (ныне Базарносызганского района Ульяновской области). С 1885 года он был преподавателем в Лысковском духовном училище и помощником смотрителя в Арзамасцевском духовном училище Нижегородской губернии. Затем жил в городе Сарапуле Вятской губернии, был смотрителем местного духовного училища. При содействии А.М. Горького в Петербурге издал двухтомник «Рассказы»; среди современников получил прозвище «прикамский Чехов».

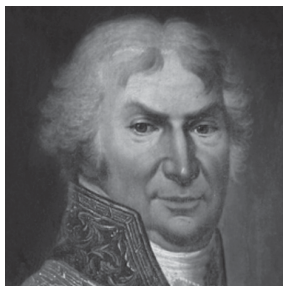
Ещё один прозаик **Александр Герасимович Костин** (1910–1992) – уроженец города Сенгилея Симбирской губернии, учился здесь в школе. Окончил Нижегородский университет (1932), член Союза писателей СССР (1934). В 1935 году был обвинён в том, что «является помощником Геббельса по Горьковской области»; получил 5 лет исправительно-трудовых лагерей и 8 лет ссылки. Затем многие годы жил в Горьком. Автор книг прозы «Тоськин каприз» (1962), «Рабочая гордость» (1980), повести «Хитрый Егор» (1990).

Поэт **Геннадий Васильевич Зимняков** (1936–1993) родился в посёлке Карсун Ульяновской области, жил в Мелекесе, а с 1974 года – в городе Арзамас Нижегородской области. Он автор поэтических сборников «Тропинка» и «От чистого сердца», дру-

жил и переписывался с ульяновскими поэтами Николаем Благовым, Владимиром Пырковым и Николаем Рябининым.

Жизнь и творчество многих писателей связаны и с Симбирским, и с Нижегородским краем. Поэт и драматург **Дмитрий Иванович Хвостов** (1757–1835) жил в Москве и Петербурге, но владел имением в селе Большое Талызино Ардатовского уезда Симбирской

губернии (ныне село Торговое Талызино Сеченовского района Нижегородской области). В 1818 году он был избран дворянством Симбирской губернии на три года «членом Государственного Совета по кредитной части». В 1821-м в путевых записках путешествия из Петербурга в своё симбирское имение писал: «Вы извините меня, что не распространяюсь описанием о Симбирской губернии. В ней климат и земля хорошие, обилие большое, народ промышлен; а впрочем, по маловременному моему в том краю пребыванию, ничего кроме изъяснённого в стихах дополнить не имею». Дмитрий Хвостов отличался большой творческой плодовитостью, за что снискал славу «русского Бавия». Позже симбирянин Михаил Дмитриев вспоминал о нём: «Он так любил дарить свои сочинения и распространять свою славу, что по дороге к его деревне (село Талызино, в Симбирской губернии), по которой я часто ездил, он дарил свои сочинения станционным смотрителем, и я видел у них приклеенные к стенке его портреты. Замечательное славолубие во всех видах, и феномен метромании!». А в 1824 году Николай Карамзин писал Ивану Дмитриеву: «Я смотрю с умилением на графа Хвостова... за его постоянную любовь к стихотворству... Это редко и потому драгоценно в моих глазах... он действует чем-то разительным на мою душу, чем-то тёплым и живым. Увижу, услышу, что граф ещё пишет стихи, и говорю себе с приятным чувством: «Вот любовь достойная таланта! Он заслуживает иметь его, если и не имеет».

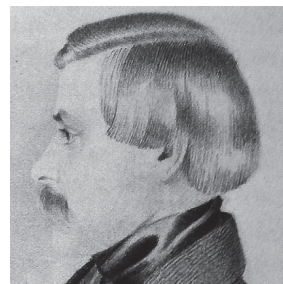
Литератор **Пётр Михайлович Мачеварианов** (1807–1880) жил в селе Липовка Ардатовского уезда Симбирской губернии (ныне Сеченовского района Нижегородской области). Избирался гласным Симбирского губернского земского собрания, был членом Симбирского губернского

статистического комитета. Не раз бывал в Симбирске, где жил его сын. На протяжении 45 лет Мачеварианов увлекался псовой охотой, ради которой вывел одну из лучших в России породу русских борзых. Издал книгу «Записки псового охотника Симбирской губернии» (1845).

Поэт и прозаик **Алексей Васильевич Тимофеев** (1812–1883) родился в городе Курмыш Симбирской губернии (ныне село Курмыш Нижегородской области). Детство провёл на Суре в селе Промзино (ныне рабочий посёлок Сурское Ульяновской области). Издал книжки стихотворений «Двенадцать песен» (1833), «Песни» (1835); выпустил отдельными изданиями книги «Поэт» (1834) и «Елисавета Кульман» (1835), повесть «Художник» (1834), пьесы «Счастливец» (1834) и «Рим и Карфаген» (1837). В 1837 году вышло его трёхтомное собрание сочинений «Опыты». Современники называли Алексея Тимофеева «русским Байроном» и «симбирским Кольцовым».

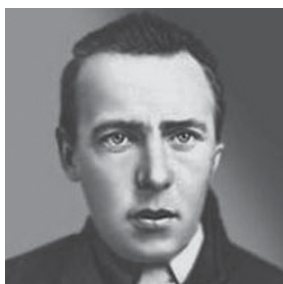
Поэт **Александр Николаевич Карамзин** (1815–1888) – сын историографа Н.М. Карамзина; был знаком с А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым. Выйдя в отставку, он жил в своём имении Макателёмы Ардатовского уезда Нижегородской губернии, служил почётным попечителем Нижегородской гимназии. В августе 1845 года присутствовал на открытии памятника отцу в Симбирске, а 1-2 декабря 1866-го приезжал сюда на торжества по случаю 100-летия Н.М. Карамзина.

Прозаик и драматург **Евгений Николаевич Чириков** (1864–1932) в 1887 году был исключён из Казанского университета и выслан в Нижний Новгород. В 1889–1891 годах он жил с матерью в городе Сенгилее Симбирской губернии, где подрабатывал уроками. В

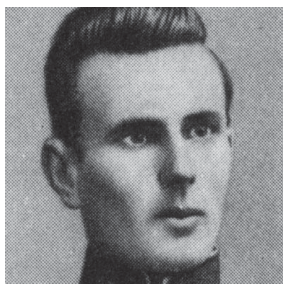
мае 1917 года последний раз выступал в Симбирском городском театре. К Октябрьской революции отнёсся отрицательно, и в 1920-м покинул Россию. Жил в Софии, а с 1922 года – в Праге. Автор романов «Жизнь Тарханова» (1914), «Зверь из бездны: поэма страшных лет» (1924), «Семья» (1925), «Отчий дом» (1931), книг рассказов «Девичьи слёзы» (1927), «Между небом и землёй» (1927), «Красный паяц» (1928), «Вечерний звон» (1932) и др. Некоторые его произведения тесно связаны с Симбирским краем. Детская писательница **Прасковья Николаевна Архипова-Хилкова** (1869–1936) в 1890-х годах жила с семьёй в Симбирске; издала здесь книгу «Быт русского народа в повестях для детей школьного воз-

раста» в 2-х выпусках (1898, 1899). Является автором книг прозы «Михаил Лунин. Первые борцы за свободу» (1917), «Учёная клуша» (1924), «Максимушка и Журка» (1927), «Она движется» (1928) и др. Последние годы жизни провела в Нижнем Новгороде.

Поэт и прозаик **Велимир Хлебников** (1885–1922) родился в Астраханской губернии, с 1895 года жил в селе Помаево (ныне Сурского района Ульяновской области), затем учился в Симбирской мужской классической гимназии (1897–1898). А в 1910 году

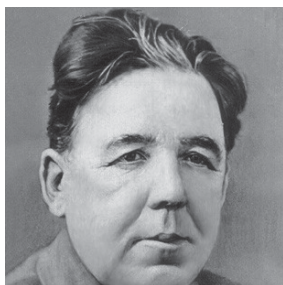
он поселился в новом доме родителей в селе Алфёрьево Симбирской губернии (ныне Сеченовского района Нижегородской области). Автор книг «Учитель и ученик» (1912), «Изборник» (1914), «Творения» (1914), «Время – мера мира» (1916); поэм «Война в мышеловке» (1919), «Разин» (1920), «Ладомиръ» (1921) и др.

Под псевдонимом Пётр Витязев публиковался историк литературы **Ферапонт Иванович Седенко** (1886–1938). В 1930 году он был арестован и приговорён к 5 годам лагерей, заменённых на 3 года поселения; отбывал срок в Нижнем Новгороде, а затем

в Ульяновске, где по рекомендации М.И. Ульяновой работал в местном музее В.И. Ленина.

Чувашский поэт **Николай Васильевич Шубосини** (1889–1942) учился в Симбирской чувашской школе (1905–1907), затем работал здесь в переводной комиссии. Написал сборник «Бросьте пить водку и курить табак» (1911), поэму «Фаворит» (1928), книгу «Краткий очерк истории чувашской литературы» (1930), либретто «Сильби» (1937) и др. В 1937 году был репрессирован, содержался в лагере близ посёлка Сухобезводное Горьковской (ныне Нижегородской) области.

Татарский писатель **Кави Гиятович Наджми** (1901–1957) родился в деревне Красный Остров Симбирской губернии (ныне Сеченовского района Нижегородской области), окончил педагогические курсы в Симбирске (1919). Он был членом Союза писателей СССР (1934), первым председателем правления Союза писателей Татарской АССР. В 1937 году снят с должности, арестован и обвинён в «контрре-

волюционной деятельности на литературном фронте». Автор сборников поэзии и прозы «Вихри» (1925) и «Вопрос стоит ребром» (1925), поэм «Хаят» (1941) и «Фарида» (1944), романа «Весенние ветры» (1949).

волюционной деятельности на литературном фронте». Автор сборников поэзии и прозы «Вихри» (1925) и «Вопрос стоит ребром» (1925), поэм «Хаят» (1941) и «Фарида» (1944), романа «Весенние ветры» (1949).

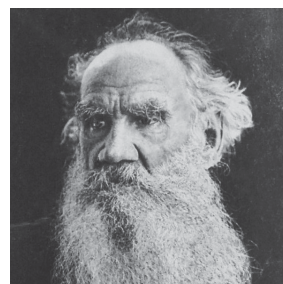
Поэтесса и прозаик **Елена Николаевна Крюкова** родилась в 1956 году, живёт в Нижнем Новгороде. Она лауреат Международной литературной премии имени И.А. Гончарова за роман «Беллона» (2015) и Межрегиональной поэтической премии имени Н.Н. Благова за сборник стихотворений «Вера» (2021). Не раз приезжала в Ульяновск на творческие встречи.

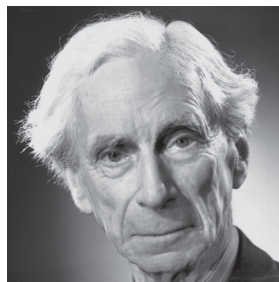
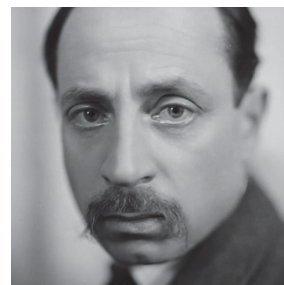
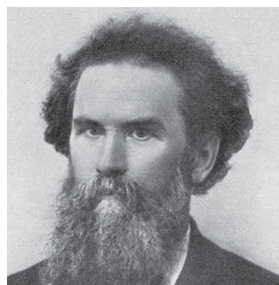
Немало известных писателей, путешествуя на пароходе по Волге, отметились в Симбирской и Нижегородской губерниях проездом. К примеру, в 1858 году здесь побывал французский писатель **Александр Дюма** (1802–1870). В Нижнем Новгороде он

неожиданно встретился с героями своего романа «Учитель фехтования» – Полиной Гёбль и Иваном Анненковым, имение матери которого находилось в селе Пятино Карсунского уезда Симбирской губернии (ныне Инзенского района Ульяновской области). В Казани Дюма получил рекомендательные письма к симбирянам. Но пароход причалил к пристани Симбирска в ночь с 5 на 6 октября, и выйти в город писателю не удалось. В путевых очерках «Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию» Дюма писал: «Симбирск, главный город губернии того же названия, – первый более-менее значительный город, что встречается в 50 лье от Казани. Что особенно поражает и больше всего печалит в России, так это запустение. Сознаёшь, что земля могла бы прокормить население в 10 раз большее, чем то, которое она имеет; и вместе с тем Волга, самая большая артерия России, единственный путь, связывающий Балтику с Каспием, привлекает на свои берега больше людей, чем любая другая река. Достигая Ставрополя, река делает большую петлю в сторону Самары и потом возвращается к себе у Сызрани. Мы прошли мимо Симбирска и Самары ночью...».

Писатель **Лев Николаевич Толстой** (1828–1910) за свою долгую жизнь десятки раз плывал на пароходе по Волге, посещая Нижний Новгород и Симбирск. К примеру, возвращаясь 10 сентября 1869 года из села Ильмино Пензенской губернии, где намеревался купить имение, он остановился в одной из гостиниц Симбирска, а поздно вечером того же дня отбыл

на пароходе в Нижний Новгород. Позже Толстой так описывал курьёзный случай из этой поездки: «Ехал я раз на переменных лошадях по Симбирской губернии, и пришлось переменять лошадей в большом селе. Дело было осенью. С самого въезда в улицу стали попадаться нарядные и пьяные мужики и бабы, которые шли ругались, бормотали, падали, цепляясь друг за друга... Подошла баба пьяная и что-то пробормотала, потом подошли, сцепившись, мужики, один из них был хозяин, ямщик. Я спросил об лошадях. Понял ли он, нет ли, но он полез к повозке, чуть не упал под лошадь, ямщик мой отпрягал и оттолкнул его. Он стал ругаться, закричал, что не даёт лошадей, вылезла баба его, стала тащить его... Наконец пришёл мальчик лет 12, румяный, тоже выпил уже, как он мне после сказал, но он один из всей этой толпы не был пьян. Он тотчас пошёл за лошадьми и, не обращая внимания на крики пьяных, стал запрягать. Отец его мешал ему, он отводил его, вырывая из его пьяных рук вожжи и постромки, и не обращая ни на кого вниманья, запрёг и выехал. Он один оставался человеком среди толпы людей, дошедших до скотского состояния...».

Это лишь часть литераторов, в биографиях которых переплелись Симбирский и Нижегородский регионы. Можно ещё вспомнить, как в 1870 году живописец и мемуарист **Илья Ефимович Репин** (1844–1930) проезжал Нижний Новгород и Симбирск,

когда задумал написать на Самарской луке картину «Бурлаки на Волге». В 1891 и 1893 годах здесь бывал проездом на пароходе писатель **Владимир Галактионович Короленко** (1853–1921), в 1900-м – австрийский поэт **Райнер Мария Рильке** (1875–1926), в 1920-м – английский философ и публицист, лауреат Нобелевской премии по литературе **Бертран Рассел** (1872–1970), в 1923 году – поэт и переводчик **Дмитрий Сергеевич Усов** (1896–1943) и др. Полные биографии этих писателей будут опубликованы в словаре «Отчизна поэтов».

Нина ОРЛОВА-МАРКГРАФ, поэт, прозаик, переводчик. Родилась на Алтае. Окончила Камышинское медицинское училище и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Лауреат премии имени святого благоверного князя Александра Невского, лауреат Международного конкурса им. Сергея Михалкова. Живет в г. Железнодорожный Московской области.
В 2021 году вышла книга прозы «Простить Феликса».

ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ

Рассказ из книги «Простить Феликса»

– Рудик, ты пойдешь?

Руди слышит голос Ариши, и ему кажется, что она прикасается пальцами к его лбу, как тогда.

Тогда, апрельским днем сорок второго года, Руди, его тетя, танте Эмма, и еще несколько семей немцев-переселенцев прибыли сюда, в сибирскую деревню. Семикилометровый путь от станции шли пешком. Впереди ехала подвода со скарбом. Посредине на узлах с вещами сидела женщина с младенцем. Несколько маленьких детей, укачавшись, спали вокруг нее. По бокам от них возвышались две темные, неподвижные, будто уснувшие с открытыми глазами, старухи.

Переселенцы вслед за подводой добрались, наконец, до центра деревни и остановились посреди сельской площади. У колхозной конторы стояла кучка сельчан, в основном громкоголосые женщины. Несколько девушек, сойдясь в отдельный пестрый кружок, шептались между собой, то и дело заходились от смеха. Чуть в стороне от них дымил махоркой, завернутой в газетный обрывок, молодой мужчина в темно-синем гражданском костюме. На нем была офицерская фуражка, из-под которой виднелся черный казачий чуб. Сильную красивую фигуру портит хромота. Он опирался на самодельный костылек, глубоко припадая на левую ногу. У самого конторского забора двое стариков, похожих друг на друга – в одинаковых фуфайках и зимних овчинных шапках, – страстно о чем-то спорили. Один в запале шмякнул шапку на землю, но тут же поднял ее, отряхнул и вернул на разгоряченную голову.

Деревенские пришли посмотреть на немцев. Немцы были российскими – их выслали из расформированной немецкой республики и направили на поселение в Сибирь. Но здесь знали лишь о немцах-фашистах, немцах-врагах, воевать с которыми забрала на фронт всех мужчин деревни. И на многих к сорок второму году родные получили похоронки.

Руди с родителями – отец его был военным – жили в Саратове, а потом в небольшом городке Энгельс, что на левом берегу Волги. Руди хорошо знал русский язык, как и его танте Эмма, которая работала в Энгельсе учительницей. Остальные переселенцы приехали из деревень и не понимали по-русски ни слова.

Прибывшие стаскивали с телеги деревянные и кожаные чемоданы, мешки, тряпичные узлы, сундуки и аккуратно, рядом ставили на сухой взгорок. Плавно сползла с телеги женщина с хворым младенцем, стараясь его не разбудить. Матери сняли притихших малышей. Два подростка помогли старухам выбраться из телеги. За подводу было уплачено вперед. И как только последний узел сняли, возница, огромный седобородый старик, развернулся, понукал лошадедку и поехал назад.

Руди не знал этих людей. Их собрали из разных мест и соединили уже на станции. Переселенцы выстроились в серую кривую шеренгу – измученные женщины в платках по самые брови, в темных одеждах, хныкающие усталые дети, старики с простыми крестьянскими лицами. Лишь танте Эмма была в бежевом пальто и коричневом фетровом берете, высокой короной окружавшем ее лоб. Они с Руди стояли впереди.

В угрюмом недоумении глядели на немцев сельчане, стоявшие напротив единой толпой. Вдруг девчонка, находившаяся чуток впереди, с левого бока, подскочила к нему – и Руди увидел перед собой взлетевшие ладони. Низкий козырек его картуза приподнялся, и он ощутил прикосновение ко лбу пальцев: теплых, мягких, любопытно-растерянных. Руди сразу заметил среди односельчан эту девочку: большой рот открыт, глаза вытаращены, как два полупрозрачных шарика, прямо сейчас лопнут, красный платок, тонкие жердочки ног в галошах торчат из-под короткого пальтишка.

– Должно быть, у них так знакомятся, Руди, – тихо сказала танте Эмма. – Не возражай.

– Мамка, а ты брехала, что у немцев рога! – крикнула большеротая и резво побежала назад.

– Так я сама в газете видела! – отвечал ей голос. Он доносился из приподнятого ворота широкого и длинного резинового плаща. В него была упрятана женщина, маленькую головку которой украшал клетчатый платок, повязанный «чепчиком».

Молодой мужчина, тот, что с костыльком, быстро, несмотря на хромоту, подскочил к большеротой и, поручив «козью ножку» левой руке, правой приобнял ее. Взгляд его желто-коричневых, блестящих, как машинное масло, глаз показался Руди скользким и противным.

– Ты хвост у него, Аришка, проверь. Под гузку загляни!

Деревенские, до этого напряженно молчавшие, захохотали.

– А тебе, Авдей, все бы под гузку, все под гузку! Чего к дитю пристал? Или дел нету?

Скорой походкой к толпе подошел сердитый мужчина лет пятидесяти пяти, широкий и коротконогий. Руди видел, как он подъехал на бричке, привязал к столбу лошадь и поспешил к месту событий. Он прикурил от Авдея свою «козью ножку» и повернулся к женщине в резиновом плаще.

– То, что ты в газете видела, Прасковья, то ж карикатура!

– Василий Абрамыч, почему же мне знать, что это крикатура? – ехидно ответила Прасковья. – Я баба простая. Ты партийный у нас и бригадир. Объяснял бы.

– Хоть и родня ты мне, Паня, а не уважаю я тебя. За глупость и никчемность в хозяйственной деятельности.

– И чем я хозяйка плоха? Как у людей, так и у меня все.

– А не у тебя ли цыплят коршун перетаскал, пока ты сидела, как русалка, на крыльце да мух ловила?

Прасковья вытаращила на него глаза, которые и впрямь у нее были русалочьи, словно бочажная вода, затянута островками зеленой тины.

– Понес! И с Дону, и с моря! Где ты видел русалок да ишшо чтоб они мух ловили?

Василий Абрамыч махнул рукой, отвернулся от сестры и зло сказал:

– И за что только муж любил да жалел тебя?

Прасковья заплакала.

Василь Абрамыч, красный от досады и на сестру, и на себя за то, что так неосторожно напомнил ей о муже, от которого уже несколько месяцев не было писем с фронта, крикнул толпе:

– Вот чего вы сюда понабежали? Цирк вам тут? Тигров привезли?

– Да уж, привезли! – разочарованно ответил чей-то женский голос. – То разве ж немцы?

– А ну по домам!

Бригадир, врезаясь в толпу, командно махнул рукой, и толпа расступилась, рассыпалась на маленькие группки. Люди, гутаря между собой, разными дорогами пошли по домам.

А переселенцы все стояли усталой терпеливой шеренгой.

Василий Абрамыч оглядел их, в уме посчитал, сколько у него в колхозе прибавится работников, и сказал:

– Ну, граждане немцы, домов для вас не припасли. На постой к людям пойдете, у нас хоромы не дорогие. Никаких передвижений, поездок отсюда. Никуда без разрешения нельзя, даже в соседние деревни. Будете отмечаться в спецкомендатуре. Взрослым и подросткам на колхозные работы выходить каждый день. Завтра с утра всем быть в конторе.

Танте Эмма повернулась к переселенцам. Ее лицо даже после изнурительной недельной дороги выглядело таким же, как и всегда: решительным, энергичным и дружелюбным. Она перевела слова Василия Абрамыча. Шеренга не сломалась, не разорвалась после этого сообщения, а превратилась в полукруг. Кто-то предложил оставить одного человека у вещей, а остальным идти искать постой.

– А мы, Рудольф, все сразу унесем! – решила танте Эмма, направляясь к куче со скарбом.

Они шли первыми: Рудольф Кох с двумя чемоданами, ручки которых врезались в ладони так, что их горячо пощипывало, и его тетя, танте Эмма, вся унизанная узлами, сумками и сумочками.

Руди разглядывал деревенскую улицу. Тут стояли и бревенчатые, утыканые мхом дома, и обшитые тесом, и мазанки – многие совсем приземистые, с низкими окошками над самой завалинкой. Вместо заборов – лишь тройные ряды прясел, набитых на столбики. Избы располагались по одной стороне, а напротив пестрела и гомонила березовая роща. Стволы у берез были чистые, белые, птичий крик оглашал окрестность. Веселый праздничный свет, исходящий от леса, придавал уютность округе.

Танте Эмма остановилась у дома, срубленного из толстых бревен, потемневших до черноты. Двухскатная крыша покрыта тесом. Высокая завалинка засыпана сверху черной землей, рассыпчатой и пушистой. Небольшие воротца открыты настежь.

– Зайдем, Руди. Кажется, нас приглашают, – танте Эмма всегда всегда разговаривала полушутливо.

Входя во двор, Руди заметил на чердачной лестнице соседнего дома ту Думмеддхен – дебилную девчонку, что искала у него рога. Лестница была сколочена из жердин с круглыми неотесанными поперечинами. Думмеддхен сидела на самом верху, ссутулив плечи, подавшись вперед, и с любопытством смотрела на них. Руди снисходительно усмехнулся. «Кукук», – подумал он по-немецки и сразу же перевел: «кукушонок».

Они вошли в сени. Уличный свет, пролившись через открытую дверь, чуть осветил левую стену и стоящую возле нее початую поленницу березовых дров. Танте Эмма постучала в дверь. Никто не ответил, они постояли и вошли в дом.

Руди поставил чемоданы в стороне от входа и тут же увидел на голом, некрашеном полу избы мальчика – мальчика в длинной фланелевой рубашке. Рядом лежала дерюга, с которой он, очевидно, сполз. На вид ребенку было не больше двух лет. Большеголовый, истощенный до прозрачности, он произносил невнятные, но радостные звуки и при этом обеими ручками шарил у себя в голове. Найдя что-то в своих пепельных редких волосенках, он проворно схватил и понес ко рту. Танте Эмма, бросив узлы, с улыбкой подошла к малышу. Наклонившись над ним, надрывно охнула, схватила ручонку мальчика и быстро отняла ото рта.

– Руди!

Тот поспешил к ней.

Он понял, кого малыш держал в своих крохотных пальчиках. Пока они ехали почти две недели в тесных, набитых переселенцами «телячьих» вагонах до Сибири, он хорошо познакомился с этими насекомыми. Руди поймал вошь, ползущую по ладошке мальчика, и придавил ее ногтем.

– Найн! Нельзя ин дер мунд! – воскликнула танте Эмма.

– Думаешь, он понимает немецкий? – спросил Руди.

Танте Эмма вынула из кармана пальто завернутый в бумагу остаток черствого хлеба, взятого еще из дома, и подала малышу. Он схватил, затолкал его в рот. По-утиному мгновенно сглотнул весь целиком и тут же протянул руку, прося еще.

– Кольша-а-а! – раздался протяжный женский голос и скрип избяной двери. Вошла женщина, совсем молодая, лет двадцати пяти, высокая, с красивым, но тревожным и усталым лицом, в небрежно повязанном платке, старой запятанной мазутом юбке и фуфайке.

– Матка, хе-бб!

Малыш повернулся к ней и протянул руки.

– Ктой-то к нам? – протяжно, устало и равнодушно спросила женщина.

– Мы из переселенцев, – танте Эмма кивнула на свои узлы у двери. – Я Эмма, а это Руди. Его мать, моя сестра Мари, умерла три года назад. Теперь я его мутти.

– Слышала про переселенцев. Авдей давеча рассказывал, – она улыбнулась, видимо, вспоминая рассказ Авдея. – А я Ульяна.

Женщина, вздохнув, взяла мальчика на руки.

– Хлеба тебе дали? А, Кольша? Хлеба у нас нет, мука давно кончилась. Я ему овса завариваю, лепешки боярышные пеку, картоха есть, да организм Колькин ее не принимает, – просто, как со старыми знакомыми, разговаривала Ульяна.

– Устала я сегодня. Зерно лопатили, перебирали в колхозном амбаре. Вот-вот посевная начнется.

– Так ты Коля? Николай? – карие глаза танте Эммы умильно смотрели на малыша, сидящего на руках у матери. И Кольша весело заулыбался, пуская с губешек пузыри слюны, потянул к ней ручки.

– Ульяна, а имеете ли вы керосин? Надо керосином налить... намазать мальчику голову.

– В керосинке есть. В лампе, – ответила Ульяна. – Думаешь, я не мазала? Только не берет их керосин. Мыла нет, вот беда. Баню давно не топила, дрова для избы берегла, весна нынче холодная. Завтра истопим.

– У меня хозяйственного мыла кусок есть, – сказала танте Эмма. – Помоем и... – от волнения она забыла слово «пострижем» и, скрестив два пальца, изобразила стригущие ножницы.

– Да че стоять посреди избы! Садитесь, – Ульяна указала на табуретки у стола. – Или вон на сундук.

Руди сел на сундук, стоявший в правом переднем углу комнаты. Танте Эмма – на табурет. Ульяна с Кольшей на руках пошла к лежанке, приткнутой к печи, и села там. Танте Эмма, видать, хозяйкам понравилась.

– Оставайтесь. Постоите у меня, сколько при-

дется. Мы теперь одни с Кольшей остались. Мужа моего убили еще в прошлом году. Сеструха приезжает иногда.

Несмотря на усталость, танте Эмма взялась за дело. Она намазала Коле голову керосином, обвязала тряпицей, которую вынула из своего узла. Еще нашла в укладке и постелила Кольше на пол мягкое красное одеялко. Кольша трогал яркий цвет руками и одобрительно гыкал.

Ульяна подтопила железную печку в горнице, сунув в огонь тонкие полешки, сварила картошки. Они ели ее с тоненькими пластинками сала, которое осталось у танте Эммы с дороги. Попив чай с сладкой, Ульяна легла в натопленной горнице вместе с Кольшей. Руди и танте Эмме она отвела другую, дальнюю, комнату, отделенную от горницы перегородкой.

Прасковья Комлева – та, что свято верила, что у немцев есть рога, – и ее дочь Ариша были соседями Ульяны. Лишь утоптанная межа разделяла их дворы.

– Смотри-ка, Ульянка приняла к себе немцев и радуется! – мрачно и язвительно говорила Прасковья, видя в окно, как Ульяна с танте Эммой (деревенские приноровались называть ее Тантэма) идут с ведрами и лопатами на огород, а позади Руди несет мешок семенной картошки.

– Картошку пошли сажать.

– Мамка, что ж им теперь, на улице жить? И Кольше с Рудиком весело. А Тантэма Кольке жилетку из цветной шерсти связала!

Действительно, танте Эмма умудрилась прихватить с собой пряжу, она была искусная и страстная вязальщица. В начале мая после нескольких теплых дней вдруг начались холодные обложные дожди, превратившие земли огородов, полей и дорог в глубокую вязкую грязь. Работы встали, приходилось пережидать непогоду. Вот тогда танте Эмма решительно вытащила пряжу из узла.

Дождь в этот день уступил место снегу. Вялые, отечные хлопья падали на дорогу, смешивались с грязью и сами становились ею. Танте Эмма разложила пряжу на кровати, и пасмурное пространство комнаты сразу посветлело от радуги трех длинных мотков: розового, желтого и зеленого. Ульяна добавила к ним некрашеной белой и серой овечьей шерсти. Перемотанная в клубочки шерсть улеглась в глубокую миску, словно бы обещая, что весна и Пасха будут, и танте Эмма начала вязать. Кольша получил длинную теплую жилетку в разноцветную полоску, которая так ему понравилась, что он не хотел ее снимать даже на ночь.

– И ты туда же, Аришка!

Оторвавшись от окна, Прасковья горько глубоко вздохнула.

– Я как раз за ситом к тете Ульяне бегала, когда Тантэма мотки вытащила. Я зеленый моток держала, пока она в клубок его перематывала. Ну, мамка, ведь сказали же: не те это немцы. Русские они немцы.

– Та же Мотаня, да в другом сарафане. Кровь одна! – беспокойно бегая по избе и нигде не находя себе места, отвечала Прасковья.

Не получая писем от мужа, скучая по нему, жа-

лея свою загубленную жизнь, страдая и никогда не успокаиваясь, она ни на чем не могла толком сосредоточиться. Весь свой гнев обрушивала Прасковья теперь на соседей-переселенцев, особенно на немчика, как она называла Руди.

Иногда Ариша, проникаясь словами и яростью матери, глядела, спрятавшись за угол бревенчатой стены, как их новый сосед, долговязый мальчишка, у которого она искала рога, вез вязнущую в песке тачку, полную сухих палок, веток, чурбачков, и представляла, как выстреливает ему в спину. Она дала ему кличку Росомаха.

Прячась в охапках соломы на крыше сарая, Аришка смотрела со своего двора, как Руди играл с Кольшей, посадив его на горбушку, с гиканьем возил по двору, а Кольша кричал: «Но, кояшка!», изображая, что он мчится на коне. Утром незаметно наблюдала, как немчик шел к реке по воду, разбрасывая длинные ноги, энергично громыхая ведрами. Руди чувствовал этот взгляд, злой и любопытный, ощущал его, даже когда Арины не было видно на дворе. Он привык к нему.

Ариша шла к речке. Обеими руками держала впереди себя огромный цинковый таз, полный посуды. В нем погромыхивали, позвякивали, постукивали большой чугунок, алюминиевый ковшик, толкушка, несколько мисок, стеклянные стаканы, ложки и деревянный черпак. Все это предстояло перечистить с песком и промыть в воде. Берег речки Кулунды в этом месте был глинистый, довольно высокий, почти отвесный, деревенские называли его увалом.

Августовское солнце мягко освещало глинистый отвес, делая его рыжевато-розовым. Весь склон был словно высверлен круглыми дырами, ячейками ласточкиных гнезд. Внизу кайма реки была пологой. Там на мелководье находилась мостушка, сколоченная из трех соединенных общей поперечиной досок, которая держалась на вбитых в дно кольях. Кулунда в этом месте текла почти прямо, еще только готовясь к решительному повороту за Девятовым омутом.

Подойдя к берегу, Ариша увидела Руди.

Она оставила таз наверху и бесшумно спустилась по крутой глинистой тропе вниз.

Руди стоял лицом к реке на самом краю мостушки. Он не замечал происходящего вокруг: голый по пояс, голова опущена, руки в карманах. Два полных ведра стояли на бережке. Ариша беззвучно подкралась к нему.

– Попался, Росомаха!

Она сильно толкнула его в спину. Руди почти плашмя упал в воду. Ариша прыгнула на него.

– Щас тебя закурдаю! – гулко крикнула она ему в ухо, одной рукой крепко держа его шею, а другой силясь погрузить лицо и голову в воду.

Неожиданным рывком Руди отбросил ее. Аришка перевалилась на спину, взметнувшаяся вода залила ей лицо, но она поднялась и с визгом кинулась на соперника. Руди спокойно ждал ее. И когда девочка почти дотянулась, перевернулся через спину, нырнул на глубину и исчез.

Замерев, Ариша зорко глядела на то место, где он нырнул, пытаясь угадать его путь под водой. Но

коричневая, как на бочагах, вода Кулунды почти сразу сгладилась, стала ровной и непроницаемой. Аришка поплыла к противоположному берегу, доплыв, вернулась назад.

Время шло, а Руди не выныривал. Вот Росомаха!

– Росомаха! Рудик! – заорала она. Грозно-тревожное эхо ее голоса взлетело над глубиной и утонуло в реке. Первоначальный испуг нарастал, становился твердым скользким комом страха. Столько под водой продержаться невозможно даже хорошему ныряльщику. А уж этому немчику! Что-то случилось. Она стала нырять, переплывая с места на место, но в желтоватом подводном полумраке было пусто и безмолвно. Отплыв поближе к мосткам, Ариша встала на мелководье, чтобы отдышаться.

– Речка, верни его, верни его, – умоляюще бормотала она. – Господи, миленький, хороший Бог, помоги! Я буду верить в тебя, я буду любить тебя...

В последней надежде глядя на воду, она решила, что сама утонет, утопится, если Руди утонул. Одновременно ей стало невыносимо страшно находиться в воде. Ариша выскочила на берег, и тут где-то сбоку раздался сильный всплеск, послышался кашель, и она увидела вынырнувшего Руди. Он подплывал к берегу. Хватаясь за глинистую кайму, вполз на берег, вскочил на ноги и попал в объятия Ариши.

– Живой! Живой!

Руди, загнанный, обессиленный, задыхающийся, прильнул к ней, осязая через мокрое платье всю ее, всхлипывающую и радостную, и так замер. Они оба замерли и так стояли, прислушиваясь, как отступает смертный страх, ежедневная маета жизни и зарождается что-то таинственное и счастливое – в сердце, душе, крови.

– Ты куда пропал? Рудька? – спросила она родным, соединяющим их в одно голосом.

– За корень у того берега зацепился штанами, думал, все.

Ариша разомкнула руки, отодвинулась и подняла на него глаза. Она только теперь увидела, что прилипшая к бедру правая брючина Руди была разорвана почти до паха.

– Достанется тебе от Тантэмы!

– Зашью, она и не заметит. Ее Василий Абрамович учетчицей в своей бригаде поставил. Она теперь ничего, кроме колонок с цифрами, не видит. До ночи все считает, считает. То по-русски, то по-немецки.

Руди засмеялся.

Аришка легко и радостно ловила ладонями подол платья и усердно его отжимала. В том, что она искупалась в платье, не было ничего необыкновенного. С тех пор как Ариша стала подростком и не могла купаться, как раньше, в одних трусах, она всегда купалась в платье, которое на жарком летнем солнце быстро высыхало.

– Откуда ты так нырять умеешь? – спросила она, отпуская наконец и оглаживая сморщенный ситец подола.

– От Волги. А ты утопить меня хотела?

Руди говорил по-русски немного по-другому, чем говорили здесь, в деревне, слова текли плавно, как, должно быть, течет его Волга, с сильным нажимом на «о».

– Утопить хотела, – передразнила его Аришка, нарочно окая. – Сильно сдался ты мне!

– Видать, сильно, – глядя на нее улыбающимися глазами, сказал Руди.

Аришка отвернулась от него и пошла к улегшемуся почти горизонтально у самой воды стволу ракиты с подмытыми корнями.

Руди потянулся за ней. Они сели рядом.

– Волга – она правда шибко большая? – спросила Аришка, опуская ноги в речку.

– Километра три, в широком месте. Мы с отцом переплывали, но около нас она поуже.

– А где теперь твой отец?

– В Перми, в трудовой армии.

– На войне, что ли?

– Нет, там нет фронта. Они лес валят. Живут в бараках. Меня тоже могут туда забрать. После шестнадцати.

– А тебе сколько?

– Пятнадцать с половиной.

– А раньше твой отец кем был?

– Военным был. Но он немец. Он не имеет права идти на фронт.

– А от нашего папки писем восемь месяцев уже нет. Мать говорит, может, уже и косточки сгнили, а мы все ждем. Ты не обижайся на нее. Она теперь никого не любит. Понимаешь?

Аришка смотрела на него так, как, бывало, глядела Ульяна на Кольшу, просившего хлеба и не понимавшего, что нет хлеба, совсем нет.

– Понимаю, – сказал Руди.

Тот день не просто сблизил их. Он словно спаял, сплавил, слил их воедино. Работавшие наравне со взрослыми и дома, и в колхозе Аришка и Руди редко оставались один на один, но, видясь на людях, они делались счастливыми от самой малости и, встречаясь взглядами, словно бы принимали друг к другу. Случайное прикосновение плеча или локтя наполняло обоих тайной радостью, и день делался праздником, как Пасха или Новый год. И, засыпая вечером, каждый из них будто бы протягивал другому руку, и так – с соединенными мысленно ладонями – они засыпали. Как выжил бы он эти бесконечные месяцы сибирской лютой, голодной зимы, в тоске по дому, по родному городку на Волге? По отцу, могучему, никогда не унывающему старшему лейтенанту Кристиану Коху, который, как узнали они с танте Эммой, умер в этом декабре на лесоповале в бараке где-то под Соликамском. Как выжил бы он, если бы не эта нечаянная первая любовь, не эта смешная, большеотая девчонка, кукушонок?

А Прасковья все не могла успокоиться.

Аришка мыла полы в доме, когда услышала, как мать кричит на весь двор Ульяне:

– Трудится немец твой, а, Уля? Как скипидаром пятки смазал, носится.

– Хозяйский парень, работающий, помогает нам с Тантэмой. И бригадир на него не обижается. Все исполняет. Вчерась Василь Абрамыч отправил его древесину из бора привезти. С осени делянку у Кривого озера напилели и оставили. Я ему тулуп Мишин дала. Мороз-то какой, а у него только пальтецо осеннее.

– Тулуп Мишкин? Мужа, которого они убили!

– Да Родька, что ли, его убил?

Ульяна звала Руди по-русски – Родькой.

– На твоей земле хозяином стал, – покачала головой Прасковья и скорбной походкой направилась в избу.

– Вот дурь-то человеческая... – сокрушенно вздохнула Ульяна. – Он виноват, что без дома остался? Без отца, без матери. Пожалела бы сироту.

– А у нас в каждом доме сирота. Они всех мужиков наших поубивали!

Горько Арише было смотреть, как мать становилась все неистовой и все несчастней в своей ненависти. Она жалела ее и все просила Руди не обижаться.

2

– Руди, ты пойдешь? Пойдем на займище? – услышал он голос Ариши у себя за спиной.

На Ульянином дворе под навесом сарая Руди чинил мотоцикл. Мотоцикл лежал, а немчик стоял перед ним на коленях, внимательным цепким взглядом осматривая разобранный двигатель. Его части были разложены на широкой толстой доске рядом с мотоциклом.

– Карбюратор... – пробормотал он, – дело в нем, Ариша... в карбюраторе.

Пахло бензином, налитым в жестяную плошку. Руди промывал в нем некоторые детали. Рубашка почти вылезла из-под широкого армейского ремня, который ему подарил отец, уходя в трудовую армию. Закрученные брюки в пятнах и пятнышках мазута открывали босые ноги.

Мотоцикл Руди обнаружил в биндежке – так называла Ульяна узкую дощатую постройку рядом с сараем. В Энгельсе у отца был почти такой же, и они, страстно любившие технику, вместе чинили его при всякой поломке.

– В сороковом муж купил, – сказала Ульяна, когда Руди спросил, чей это мотоцикл. – С рук, подержанный, год поездил, а он возьми и сломайся. Тут война началась. Так и стоит.

– Я почию! – сказал Руди. – Можно?

Ульяна несильно-то поверила словам Руди, но мотоцикл чинить разрешила. Руди упоенно взялся за дело.

Эта машина словно возвращала его к прежней жизни, к детству. Иногда Руди настолько погружался в ремонт, что забывался и думал, что он в Энгельсе, под крышей своего дома. Всякую минуту, свободную от колхозных и домашних работ, Руди проводил со своим мотоциклом. Он уже проверил мотор, который был практически исправен, выправил погнутую выхлопную трубу, вычистил сильно заржавевший бак. Еще немного – и он наладит мотоцикл!

– Рудик!

Руди встал с колен, вытер руки о штаны и повернулся к Арише. Она стояла перед ним: глаза, рот, щеки – все в улыбке, русые волосы заплетены в красивую корзиночку.

– Пошли на кочкарник! Наберем яиц утиных, а то и на гусиные нападем!

– Это ты для яичек корзинку сплела?

– Чего-о-о? Я уже неделю корзиночку заплетаю, – возмутилась Ариша.

– Яички-то в нее собирать будем?

– Зачем? – девочка не поняла шутки. – Я всегда в подол собираю.

Руди снял с гвоздя висевшую с наружной стены сарая старую корзинку.

– Здесь сохраннее будут. Пошли.

Кочкарник был недалеко. Он начинался в конце больших огородов, которые пологими горами спускались за каждым двором вниз.

– Не вздумай камышами шуршать или кашлять. Понял? – шепотом сказала Ариша, когда они, переступая с кочки на кочку, дошли до камышового займища.

Серые гуси и утки-кряквы прилетели сюда еще тогда, когда местами лежал снег, теперь они уже точно сели на яйца. Ариша раздвинула высокие стебли камыша: старые, сухие, желто-коричневые, вперемешку с зазеленевшими новыми, и шагнула чуть вглубь.

– Смотри! – шепнула она.

На кочке, заваленной сухим торфом и травой, красиво располагалось овальное гнездо, свитое из камышовых стеблей и листьев и густо прикрытое пухом. Размером оно походило на большую корзинку.

Ариша присела, быстро снимая пух с яиц.

– А знаешь, я однажды видела, как утка у себя из груди пух выдергивает, щиплет и стелет им гнездо, – тихо сказала она.

Руди тоже склонился над гнездом. Там было шесть яиц, размером почти в два раза больше, чем куриные. Четыре яйца белых и два зеленоватых.

– Бери! – сказала Ариша.

Руди взял два яйца.

– Теплые.

– Наверное, утка только что с гнезда сошла, – прошептала Ариша.

– А эти два какие громадные!

– Двухжелтковые! – пояснила Ариша.

Она выбрала их из гнезда.

– Справная будет яичница! – сказал Руди и с улыбкой поглядел на Аришку. – Ну что, в подол будем складывать?

– Да иди ты!

Они сложили яйца в корзинку.

– А на дне-то сколько пуха! Смотри, Рудик, – воскликнула Аришка.

– Эта утка, видать, всю себя ощипала, догола.

– Смотри, вон еще гнездо!

В этом гнезде было аж восемь яиц, и Руди предложил два оставить.

– Как же хочется есть! – вздохнула Ариша.

– Мне есть хочется всегда, даже во сне, – признался Руди.

– А мне, а мне... даже когда я ем! – сказала Ариша.

И они не удержались – рискуя распугать всех наседок, рассмеялись.

Шел третий год войны, самый тяжелый и голодный. Голодно было весь год, но в каждом месяце по-своему. Летом набивали брюхо ягодами, ловили рыбу и за неимением масла запекали ее насухо. С августа начинались грибы. Осенью выкапывали картошку. Правда, совсем мало. Но весной, когда в доме не оставалось ни муки, ни крупы, ни одной картофелины, кроме оставленной на семена, когда ни в огороде, ни в лесу еще ничего не росло, голод вставал во всем своем жестокосердии. Он тянул,

больно резал, язвил желудок, доводил до тошноты и головокружения. Голод мучил всех, но более всего подростков. Им хотелось есть всегда.

Они взяли все же восемь яиц. Два палевых тут же выпили и двинулись по камышовым и земляным островкам дальше.

Ариша, хлябая галошами, шла впереди, Руди – следом. Она то и дело меняла направление. Дважды попадали они на сидящих крякв, которые вытягивали шеи, раскрывали клювы и шипели, будто гадуки.

Ариша, осторожно ступая по кочкам, заваленным сухим камышом, двигалась в глубь заводи. Где-то там за полоской камышей начиналось болото. Руди двинулся за ней.

– Вон оно! – сказала Ариша. Они стояли в нескольких метрах от большущего гнезда, свитого из веток и крепких стеблей, щели его были затыканы пухом. Гнездо со всех сторон окружала красновато-коричневая болотная вода.

Руди с любопытством разглядывал его.

– С колесо мотоцикла будет, – прикинул он.

– Это гусиное! – прошептала Ариша. – Гусыня на прогулке. А гусак где-то рядом, слышишь, гогочет? Сторожит.

Руди кивнул.

– Яйца раза в четыре больше куриных! Граммов по двести будут, – с хищным восторгом продолжала шептать Аришка. – Я их сейчас достану.

Она осторожно забралась на кочку, села на корточки и протянула руки к гнезду. Рук немножко, совсем немножко, не хватало. Она заметила чуть впереди высокий сухой бугорок и перешагнула с кочки на него. В эту же секунду под ее тяжестью бугорок разлезся, словно бумажный, и Ариша провалилась ногами в какую-то странную и глубокую пустоту. Вода накрыла ее сверху, но ее не было внизу! Ариша осторожно шевельнула ногами. Чувство, будто она в невесомости. «Значит, это не трясына, не трясына, не трясына!» – трижды лихорадочно сказала она себе и попыталась вынырнуть на поверхность, но уперлась головой в густой, плотно переплетенный слой травы. Она чуть отодвинулась в сторону, ища выход, и тут что-то толкнуло ее и вынесло вверх. Это был Руди, сразу бросившийся за ней в воду. Она и сама бы вынырнула. С момента, когда Ариша провалилась, прошло не больше минуты. Она даже не успела по-настоящему испугаться и не наглоталась воды. Руди на руках вынес ее из заводи, отнес и уложил на толстую многослойную лежанку из сухого камыша. Дальше начинался невысокий, но растущий длинной стеной ольшаник. Руди склонился над Аришей. Она приоткрыла глаза и увидела его встревоженное лицо.

– Как ты себя чувствуешь? А, Аришка?

– Я себя чувствую. Но плохо, – кокетливо улыбаясь, слабым голоском ответила она. – Сделай мне искусственное дыхание.

– Слова-то какие знаешь!

Руди улыбнулся и поцеловал ее.

Когда он оторвался от ее губ, Ариша прошептала:

– Давай еще раз.

Это была первопоцелуйная сладкая тишина, которую вдруг нарушил резкий треск ветки или сука. Аришка вздрогнула, соскочила глаза и увидела в вет-

ках ольшаника какую-то серую фигуру или тень. Или ей показалось? Ариша приподнялась, губы их разлучились.

– Рудик, кто-то ветками трещал, – сказала она шепотом.

Рудик отсел от нее. Они вглядывались в ольшаник.

– Никого там нет, – уверенно сказал Руди.

– А ты, Рудик, напугался, что я утону?

– Некогда было пугаться.

– Вот мы с тобой водяные! Ни в реке, ни в болоте не тонем. Пойду платье выжму. А то не просохнет.

Ариша пошла к ольшанику, тихому и неподвижному, будто и не трещал он оглушительно только что, сняла платье, отжала и натянула его, съезжаясь от неприятно щекощущего холода.

– Рудик, теперь ты иди.

Руди махнул рукой. И так высохнет!

Они уселись на толстую оголенную, будто кто обглодал с нее всю шкуру, ольховую корягу, на самый солнцепек.

– Мамка говорит, что ты рыжий, как все фрицы, и долговязый. А мне нравятся твои волосы, – улыбаясь, Арина провела по его волосам. Они были коричневато-рыжие, а на солнце просвечивали, как гречишный мед.

– Ненавидит она тебя, – вздохнула Ариша. – Прямо лопается от злости.

– Простить мне не может, что рогов у меня не оказалось, – пошутил Руди.

– Может, отрастишь?

– Без твоей помощи не смогу.

Они засмеялись.

– Мы как будто обручились, – сказала Ариша, прижимаясь к нему.

– Ты что наделала? – наступала Прасковья на дочь. – С немцем связалась! Отец наш воюет с ними. Да чтоб моя кровь с ихней смешалась?

Ариша хотела пройти в горницу, чтобы переодеть влажное, пахнущее болотом платье, но мать преградила ей дорогу, и она осталась стоять посреди прихожей.

– Мама, ничего же не было, – догадываясь, о каком смешении крови говорит мать, прошептала Ариша.

– А вот Авдей видел вас за ольшаником, он по-другому говорит.

– Врет твой Авдей.

– Да я этого фрица ружьем отцовым, вместе с его Тантэмой! – Прасковья кинулась к висевшему на стене охотничьему ружью. – Немчуру производить! Не хочу! Не хочу! Что я отцу скажу?

– Мама, мамочка, не надо. Я больше никогда с ним не буду встречаться! Даже разговаривать не буду! – крикнула Ариша. Ей явственно послышалось, что мать выстрелила и Руди упал в болото.

Ночью Ариша заболела. Утром ее, в ознобе, скрюченную и задыхающуюся, Василий Абрамыч вынес на руках из избы и отвез на бричке в районную больницу. Главный фельдшер, Иван Матвеевич Диц, сначала предположил, что у нее начинается сыпной тиф, но явных симптомов не появилось, и он понял, что ошибся. Не сразу, но удалось сбить высокую температуру.

– Неясная клиническая картина, – медленно и четко говорил он Прасковье, приехавшей в очередной раз в больницу с попутной подводой. – Температура ушла, а с ней и бред, и судороги, но состояние все равно тяжелое. Никакого воспаления не обнаружено.

Иван Матвеевич фельдшерил у них с двадцатых годов. Жители района знали его, да и он помнил многих. Когда-то Иван Матвеевич спас от смерти брата Прасковьи Васю, нынешнего бригадира Василия Абрамыча.

– Что ж это? Одно у меня дитя, да и то захворало смертно... – жалобно вопрошала она.

– Возможно, истощение. Недостаток какого-то важного элемента в организме. Непонятно другое: непобедимая апатия, – Иван Матвеевич заметил недоумение на лице Прасковьи и пояснил: – Безразличие, нежелание помочь себе выздороветь.

Неуверенной походкой Прасковья ушла в палату к дочери.

Руди переживал страшные дни. С ними можно было сравнить лишь те, когда заболела и умерла в больнице его мать. Ариша не поправлялась. А он не имел права покинуть деревню без позволения спецкомендатуры, и танте Эмма умоляла его дожидаться разрешения.

Тетя стояла посреди прихожей, где когда-то впервые увидели они Кольшу, и быстро растерянно строчила:

– Они тебя расстреляют или зашлют, где Кузьма телят не пас!

– Потому что Макар пас, – насмешливо сказал Руди. Танте Эмма все чаще переходила на русский язык, но делала иногда смешные ошибки. Ведь и на колхозных работах, и дома постоянно звучала русская речь.

– Ага. Макар, – согласилась она.

Эмма улыбнулась и, едва дотянувшись, вдруг нежно погладила плечо Руди. Тетя любила племянника, заботилась, но никогда не нежничала, и Рудик напрягся.

– Я слышала, как Паня кричала, что не хочет смешивать свою кровь с нашей. Я тоже не хочу с ее дурной кровью смешиваться. Отстань ты от этой девочки. Ей всегда придется выбирать между тобой и матерью. Понимаешь?

Его тетя, никогда не сдающийся человек, на этот раз решила отступить.

– Сегодня встретила ее и спрашиваю: «Прасковья, а любовь какой национальности?» А она говорит: «Смотря с кем свяжешься. А то можно и негра родить». Я ей прямо сказала, что она погубит свою дочь.

Руди с удивлением посмотрел на лицо танте Эммы. Карие, всегда добрые, улыбающиеся глаза ее сверкали беспощадным гневом.

Он направился к двери.

– Руди, – окликнула его танте Эмма, – она ведь донести на тебя может, оклеветать. Что я родителям твоим скажу, если и тебя не сберегу?

Руди оглянулся на пороге.

– Что можно сказать мертвым?

– То же, что и живым! Я всегда с ними разговариваю, – воскликнула танте Эмма.

– Тогда скажи, что у нас все хорошо.

На следующее утро он вышел раным-рано из дома и прошел до районной больницы все двадцать два километра пешком.

Ариша лежала на кровати у окна, к которому склонялся светлорылыми ветвями молодой тополь.

Волосы острижены, лицо обрезанное и бледное до прозрачности. Руки лежат поверх одеяла безвольно и обреченно. Он не сдержался, взял ее ладонь в свою.

– Привет, мальчишка! Я тебе яблоко принес, – вынув из кармана, протянул ей крупное красное яблоко.

– Где ты его взял? Я никогда не ела яблок. И даже не видела. Только в книжке на картинке, – медленно и трудно произнесла Ариша.

– Ешь.

Он помог ей приподняться. Ариша оперлась на дужку кровати и жадно откусила яблоко. Сахарная мякоть и живительный сок наполнили рот. Райская сладость! Арише казалось, что она лежит на теплом камыше у ольшаника, где они поцеловались, и над собой видит Руди, вдыхающего в нее воздух жизни.

– А я прикончил мотоцикл, – сказал Руди.

– Хана ему, что ли? – спросила она, не отрываясь от яблока.

– Наоборот. Готов. Можно ездить. Я уже опробовал вчера. Василь Абрамыч обещал бензину дать. Сказал, буду его возить в поля.

– Водителя себе нашел дядька мой, – улыбнулась Ариша.

В палату заглянула нянечка, чалдонка Васса Ивановна, очень жалевшая Аришу. Девочка напоминала ей дочь, которая в семнадцать лет окончила медсестринские курсы и ушла на фронт.

– Как ты тут, дочка?

Белых халатов на нянечек не хватало, и Васса Ивановна была в больничном, полосатом, но волосы укрывала белой сестринской косынкой. Прищур ее чалдонских глаз едва скрывал простое бабье любопытство.

– Да у тебя гость?

Она подошла к ним.

– Васса Ивановна, это Рудик, наш сосед, – сказала Ариша.

Няня сокрушенно вздохнула:

– Ну вы парочка, баран да ярочка! Одни сухари. Ты-то, парень, чего бледный такой? Нешто сердечная недостаточность?

– Васса Ивановна, у меня, скорее, материальная недостаточность, – вздохнул Рудик. – На одно яблоко кое-как денег хватило. А так бы кило принес.

– Да, сынок. От такой недостаточности никакая больница не поможет.

– А яблочко – райское! – тихо сказала Ариша.

3

Случилось чудо. С того дня, как Ариша съела яблоко, которое принес Руди, она стала выздоравливать. Уменьшились и перестали болеть распухшие, не дающие дышать лимфатические узлы. Стал уходить лихорадочный изнурительный озноб, а с ним и слабость.

Мать выискивала и привозила Арише первые

листочку щавеля, дикий лук, чеснок и черемшу, распаривала лепешки из боярки, поила чаем с солодкой. Тетка Ульяна посылала по бутылочке молока. Но девочка знала: ее спасло яблоко. Она долеживала последние дни, когда фельдшер Диц сказал: «Нам все равно от чего, главное, что поправилась». А потом уже и не заходил к ней.

Васса Ивановна забегала только поболтать: «Ну, ты посмотри-ка! К смерти тебя гнало, а яблоко смерть победило! Ах ты, кукушонок мой!» – и обнимала на радостях Аришу.

Наступил день выписки. Василий Абрамыч, три недели назад доставивший племянницу в больницу, теперь должен был ее забрать. Прасковья навязалась с братом в дорогу.

Они выехали утром. Василий Абрамыч был суетлив и задумчив. Началась посевная, только вот сеять кому? С кем работать? Зимой забрали на фронт трех последних мужиков, почти пятидесятилетних, но крепких и здоровых.

Начало мая выдалось на редкость холодным. Земля еще не прогрелась. И когда в первый солнечный день пахали, пар поднимался над полем густыми ладанными дымами. Только к середине месяца наступило настоящее тепло.

Скоро бричка председателя выехала за деревню. Воздух был по-летнему ласков. Березняк по обеим сторонам дороги покрылся листвой, а земля на полянах – зелеными островками.

Прасковья, вытянув шею, подалась вперед. Еще немного, и она спрыгнула бы с брички и побежала к Аришке бегом. Да быстрее все равно не получится.

– Вася, ну что мы плетемси, как на сивом мерине? – сказала она нетерпеливо.

– Плетемси! – передразнил ее Василий Абрамыч. – Мне еще целый день на Катьке работать.

Хорошую, послушную и крепкую лошадь бригадира звали Катька.

Прасковья ехидно улыбнулась.

– У тебя все Катьки: и лошадь, и жена. На всех ездись.

– А ну слезай! – скомандовал Василий Абрамыч и остановил лошадь.

Он повернулся к сестре.

– Иди домой, Паня.

Прасковья испугалась. Тина бочажных глаз дрогнула, и два тоненьких ручейка побежали по щекам.

– Братка, я ж не со зла... – попробовала оправдаться она.

– Вот именно, что со зла, Прасковья. Все у тебя со зла. Как будто только у тебя горе, только тебе тяжело.

– Все на меня, Вася! Михаил без вести пропал, Аришка чуть не умерла. А все этот сосунок, немчик!

– Эх, Паня! Реденько у тебя, сестра, в голове засеяно. Родька трудится. Они меня с другим таким же немчиком, Сашкой Керн, знаешь, как в эту зиму выручили? Да все переселенцы хорошо помогают. И за дровами, и за соломой их по морозам гонял. Иль тебя надо было посылать?

Прасковья молчала. Ей хотелось скорее ехать,

но Василий Абрамыч придерживал вожжи, и лошадь не двигалась с места.

– Родька теперь мой посыльный. У него мотоцикл есть, это какая подмога!

Василий Абрамыч придвинулся ближе к сестре. Голос его стал тихим.

– Я, Паня, его на днях у спецкомендатуры отбил. В трудовую армию хотели парня забрать.

– Ну и пусть бы забрали, там бы и работал, – фыркнула Прасковья.

– У меня, – Василий Абрамыч постучал себе в грудь, – у меня он должен работать! А что они с Аришкой дружат¹ – они ж дети еще.

– Дети! – Паня жалобно глянула на брата. – Вон Авдей сказал, что видел, как они в кустах...

– Авдей... – неуважительно произнес Василий Абрамыч. – А то ты Авдея не знаешь. Ему под каждым кустом одно и то же блазнится. Он Аришку себе приглядел, а тут какой-то сопляк мешается.

– Авдей? Мою Аришку? – Прасковья чуть не выпрыгнула из брички. – Ах он кот масленый, козлиная, жеребец...

– Хватит зверинец собирать, – хлестнул вожжами Василий Абрамыч по краю брички. Но увидел поблекшее, а еще недавно такое молодое и красивое лицо Прасковьи и перешел на ласковость – обнял сестру.

– Утихомирься, Паня. Жить надо, а не сердиться на жизнь. Не сердись, утихомирься.

– Ладно, Вася, – пообещала Прасковья, замирая под рукой старшего брата от неожиданной ласки. И только она знала, чего стоило ей это согласие. В хорошем молчании они поехали дальше.

Выписанная Ариша сидела в палате на кровати и ждала дядю Василия. Она была теперь здорова. Но душа, раньше ясная, неуязвимая, болела. Вдруг начался дождь. Бодро и дробно стучал он в больничное окно: «Ру-дя... Ру-дя... Ру-дя...» Сквозь перестук дождя Ариша услышала под окном гуденье мотора и негромкий короткий сигнал.

Она вскочила на колени, выглянула в приоткрытое окно и увидела Рудика, сидящего на мотоцикле. Он улыбался, махал ей рукой, звал к себе. Ариша, накинув больничный халат, бестелесно пролетела над давно не крашенными половицами палаты в коридор. Ноги ее стали воздушными, несли к нему.

– Рудик!

Он сидел на мотоцикле. Спина в стремительном наклоне, крепкие руки на руле.

– Я за тобой. Поехали?

Ариша, не сводя с него глаз, стремительно, будто боясь, что источник ее спасения и воздух жизни сейчас исчезнет, прыгнула на заднее сиденье.

Руди газанул. Мотоцикл выехал за больничные ворота. Они направились на большак². Руди лихо свистнул, когда они свернули с проселка на твердую, укатанную дорогу, и прибавил скорости.

– Летим! – крикнула Ариша, прижавшись к спине Руди и обхватив его руками. Упругое непослушное пространство расступалось ровно настолько,

¹ Дружат – в деревнях так называли зародившиеся отношения между юношей и девушкой.

² Большак – в старину широкая, наезженная, столбовая (почтовая или торговая) дорога, тракт.

чтобы в него мог втиснуться мотоцикл.

Они поравнялись с местом, где слева от большака был песчаный карьер. Здесь был поворот, на котором рыхло светлела осыпь песка, намокшая от сегодняшнего дождя. Руди повернул мотоцикл и увидел выползающий из-за поворота лесовоз. Просигналив, мотоцикл заскрежетал по песку. Завизжал так, как визжит поросенок, когда его держат пять пар сильных мужских рук перед тем, как зарезать. Руди притормозил, уперся ногами в землю и выставил вперед руку, словно хотел защититься от удара лесовоза. Но огромная и, казалось бы, бесчувственная махина с неожиданной ловкостью вильнула в сторону и проехала мимо. Путь был свободен, а мотоцикл, увязая в песке, пошел юзом. Руди выправил его, вытащил из песка и газанул. Белые тяжелые брызги влажного песка разлетелись в стороны. Ариша крепче сомкнула руки.

Бричка Василия Абрамыча в бодрой тряске ехала по дороге. Василий Абрамыч пребывал в бла-

гостном молчании и обдумывал посеvную. Прасковья мечтала о том, как дружно и тепло заживет она с дочерью. Доносящийся гул и рев мотора отвлек их. Они уставились на дорогу и увидели поджарую, рогатую, то и дело взлетающую над землей фигурку мотоцикла. Он быстро приближался.

– Мы думали, свежи, а тут все те же, – сказал Василий Абрамыч, останавливая бричку. – Рудька Арину из больницы забрал.

– Забрал! Куда? – вскрикнула Прасковья, вскакивая с места.

– Да домой. Тебе везет. Поворачиваем оглобли.

Руди увидел бричку Василия Абрамыча, но тормозить не стал.

– Мамка, я дом-о-й! – крикнула Ариша, когда они поравнялись.

Руди что есть мочи надавил на сигнал, веселый гудок огласил даль, и они помчались дальше. Скорость веселила, вынимала из сердца тревогу.

Они продолжали полет.

Художник Александр КУПРИЯНОВ

В 2022 году отмечается памятная дата – 210 лет победы русской армии в Отечественной войне 1812 года.

Предлагаем вниманию читателей публикацию о поэме Светланы Матлиной «Бородинский хлеб».

Анна ЛЕОНОВА, ученица 9-го «А» класса МБОУ гимназия №65, призер всероссийского детского конкурса научно-исследовательских и творческих работ «Первые шаги в науке» национальной системы развития научной, творческой и инновационной деятельности молодёжи России «Интеграция».

ДВЕ ЭПОХИ – ДВЕ ВОЙНЫ

Тема исторической памяти в поэме Светланы Матлиной «Бородинский хлеб»

Светлана Матлина – известный русский поэт, автор более 60 книг поэзии и прозы, вышедших в различных издательствах, в разные годы и даже разные эпохи. Член Союза писателей СССР, а затем – член Союза писателей России. Лауреат литературной премии имени И.А. Гончарова, а также дважды лауреат литературной премии имени Н.Н. Благова и др. Публиковалась во многих журналах. Ее творчество пользуется неизменной любовью разных поколений читателей, и можно уверенно сказать, что оно по сути своей народное.

Историческая память – сокровище народное, без нее нет народа как этноса. Эта память заложена на генетическом уровне человечества, в нашем случае – русского народа. Ее носитель как бы отдельный человек – чело века! Но она неизбежно вливается в общую коллективную память, подпитывает ее и сама ширится ею, как Волга – своими притоками, мать русских рек. Так и историческая память – это мать нашего осознания, осмысления бытия, мост из прошлого в будущее. Веками сохранялись и передавались из рода в род сказания, былины, стихи и поэмы о героях и их подвигах, каждое время выдвигало своих исполинов духа, но непреложным оставалось одно: подвижничество во имя спасения Отчизны. И на этой великой почве поднимались новые защитники России, могучей своей любовью и волей одерживали крылатую победу над врагом, сколь бы он ни был силен.

Тема любви к родине и подвига – основная для Светланы Матлиной, что отмечалось всеми, кто изучал ее творчество. Она начинала со стихов и поэм, посвященных Великой Отечественной войне («Сказ про Марию Мусорову», книга «Славянские вязи», 1992 г. и др.). Характерно, что эта вещь, как и все остальные, создавалась на местном материале. Нельзя обойти вниманием поэму на афганскую тему «Караван», на чеченскую – поэмы «Легенда о подвиге» и «Голубые береты». За последнюю Светлане Ивановне выражена благодарность МВД России.

Особо нужно сказать о поэме «Бородинский хлеб», опубликованной первоначально в газете «Ульяновская правда» к 50-летию Победы над фашистской Германией, впоследствии поэма вошла в книгу «Переполненное эхо», 2000 г. (премия имени

И.А. Гончарова) и издана отдельной книжкой.

А шагом к этой поэме послужило создание поэмы о декабристе Ивашеве.

Теперь же тоже автор обращается к знаменательным событиям в истории нашей страны, а именно к одной из важнейших страниц Отечественной войны 1812 года – Бородинскому сражению и его участникам. И параллельно сопоставляет с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, где происходило сражение на том же Бородинском поле. Итак, охвачены две эпохи, две Отечественные войны, в поэме, где характеры героев раскрываются, как всегда в творчестве Светланы Матлиной, в момент наивысшего жизненного напряжения.

ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ПОЭТА

Поэзия Светланы Матлиной разнообразна и богата: древняя Русь, где звенит, проникая в сердце, голос родины и ее истории; любовная лирика, которой отдана щедрая дань и без которой, по словам автора, нет поэта; тема природы; тема современности; тема легенд и сказаний; военная тема. Поэзия С. Матлиной принадлежит двум эпохам: концу 20-го и началу 21-го веков. Разные времена, каждое со своим мировоззрением и социально-экономической системой. Думы, потрясения, чаяния каждой эпохи отразились в творчестве, меняя сам поэтический язык, ритмы и осмысление действительности, строй души. Можно сказать, это поэзия большого сердца.

«Муза Светланы Матлиной – королева в рубище», – пишет в статье «И сердцу слаще здесь молиться или плакать...» литературовед М. Воронин. – Взлетами и испытаниями наделила судьба этого поэта, идущего в своем творчестве вслед за Ахматовой, Цветаевой, Есениным, Блоком, не скупясь. Можно с уверенностью заявить, что здесь в свете и громе рождено поэтическое слово».

СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ПОЭМЫ «БОРОДИНСКИЙ ХЛЕБ»

Сюжет поэмы основан на героической истории одной русской семьи Тучковых, вырастающей

до символа народного подвига в годину тяжких испытаний. И неспроста поэма названа «Бородинский хлеб». Как говорится, хлеб – всему голова. А здесь хлеб символизирует нашу родную землю, Бородинское поле, единение русских людей, защищающих свое Отечество. Саму жизнь. Особую роль отводят хлебу на поминках по народному обычаю, ставят на стол стакан воды, покрытый горбушкой хлеба, перед фотографией покойного. Это отлично знает Матлина, дитя послевоенного поколения, рожденная в 1952 году, когда еще живы были многие солдаты Великой Отечественной 1941–1945 годов, когда в каждой семье был погибший на войне или пропавший без вести. Отсюда и рождаются строки поэмы:

Ромашки цветут,
И береза шумит.
Россия!
Ты вся – Бородинское поле,
Где чаша стоит
Нашей славы и боли
И хлеб бородинский
Ломтями лежит.

Хлеб – жертвенность,
Святость,
Народный помин!
На наших костях –
Черный, многострадальный.
Вкус горя и счастья,
Чем памятна жизнь –
О, с детства любим нами
Хлеб поминальный!

Поэма «Бородинский хлеб» впервые опубликована 9 мая 1995 года. Вся Россия отмечала в этот день великий «праздник со слезами на глазах» – 50-летие Победы. Две даты – 1812 и 1941 – слились в поэме воедино по велению исторической судьбы. Наполеон и Гитлер, одинаково пытавшиеся воплотить свои захватнические планы, – и народ русский, ценной неимоверных страданий и жертв изгнавший их со своей земли. Ведь в «сороковые роковые» люди недаром вернулись памятью к 1812 году, к стягам, названиям полков. Переключка эпох!

Светлана Матлина пишет в предисловии к поэме: «Одна Великая Отечественная война вызывает в памяти другую. И судьба русской женщины-подвижницы, путь духовного подвига в тяжелое для страны время – все это отразилось в поэме, посвященной народным страданиям...» Заканчивается предисловие Первым посланием св. Апостола Павла коринфянам: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы».

Эта прочувствованная речь убеждает нас еще раз, что подвиг рождается любовью и он высок тем, что совершается ради других. Итак, все вышесказанное позволяет выделить главную тему – тему исторической памяти сквозь призму всепобеждающего чувства любви к родине и своему народу.

Поэма динамична, объемна, в ней точно распрямляется пружина энергии, проходя через раз-

личные пласты времени, язык ее, на мой взгляд, метафоричен и великолепен, близок каждому.

Композиционно произведение делится на несколько частей.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ: «Бородинское поле. 1812 год»

Указано время и место важнейшего сражения Отечественной войны. Бородинское поле в ожидании кровавой битвы:

Ромашки цветут
И береза шумит.
И солнечный луч,
И минута пред боем.
И гневное сердце солдата
Болит,
А перед глазами –
Лишь поле судьбою.

(Этот луч будет играть потом победно на эфесе подаренной нам внуком Наполеона шпаге императора – на том же Бородинском поле!)

Но вот битва началась:
Уж ядра молотят,
А пули визжат!
И русскою кровью
Рассвет захлебнулся!
Товарищи мертвые
Всюду лежат...
Но Спас полковой
Грозным ликом взметнулся!

На поле боя было четверо славных братьев Тучковых, и вот один из них, младший, Тучков четвертый, перед этим вспоминавший свою встречу с Наполеоном на его коронации в Париже и слова Суворова, что надо бы остановить молодца, совершает свой подвиг:

И с ним (знаменем) впереди всех
Тучков-генерал
Повел уцелевших
Обратно в атаку.
И весь изрешеченный,
Тоже упал,
Обнявшись с кровавым
Трепещущим стягом.

Он знал, что погибнет,
Александр Тучков,
По давнему, вещему
Сну Маргариты.
Но смерти сильнее
Земная любовь,
Что с честью и доблестью,
Вечная, слита.

В первой части поэмы и появляется образ жертвенного, поминального хлеба, который дальше будет связан с именем Маргариты Тучковой (в девичестве Нарышкиной), жены погибшего смертью славных Александра Тучкова.

**ВТОРАЯ ЧАСТЬ:
«Посещение Маргаритой Тучковой
Багратионовых флешей»**

Поле... –
Тут даже молчать не под силу
И зреть
Победе российской
Великую цену!
Тут нынче одна
Величаяя смерть,
Проста, неприглядна,
Пришлась на замену.

Именно Маргарите Тучковой, разыскивающей труп своего любимого мужа, оставившей годовалого сына на чужие руки, выпала суровая доля оплакивать первой погибших на Бородинском поле. И она холодной октябрьской ночью склонилась над каждым мертвым, а утром отслужила впервые литию по всем павшим. В конце этой главы и воскрешается этой потрясающей сценой образ из «Слова о полку Игореве» – образ прекрасной Ярославны, которая плачет о судьбе своего мужа князя Игоря на стене Путивля.

...Выхватывал факел
Из мрака черты.
Над каждым погибшим
Она наклонялась.
И с жертвенным ликом
Людской красоты
Лицо дорогое,
Не встретясь,
Сливалось...

Взмахнула
Широким своим рукавом –
И вот молоко
От груди отступило.
Просыпались слезы
Глухим серебром...
И плачет во поле.
И плачет в Путивле.

Когда в произведении воскрешается историческая память народа, испытываешь душевный трепет при соприкосновении с нею, как будто все это случилось с тобой. И понимаешь, что судьба передала вдовам этот памятный негасимый факел. А Маргарита Тучкова действует в поэме от имени всех вдов, она их живое выражение, их голос.

И потому ей же, одной из бесчисленных вдов, Маргарите Тучковой, предстоит увековечить и хранить до конца своей жизни память о воинах, отдавших жизнь за Россию, стать великой плакальщицей Бородинского поля.

**ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ:
«В дороге. Тучкова спустя годы»**

Летит по заснеженным пургой просторам кибитка Маргариты Тучковой, прядутся ее думы...

В этой части возникает, уже реально, образ поминального хлеба, олицетворяющий историческую, вечную память о героях Бородинского поля. И хлеб этот соз-

дала и начала печь, став монахиней, вдова Тучкова с благороднейшей целью: накормить всех вдов, сирот и калек после Бородинского сражения. Самый черный, бесплатный, он выпекался здесь, на Бородинском поле, и раздавался всем притекшим сюда еще и как помин. Потому называли его БОРОДИНСКИМ, сиречь народным. Здесь же возведена часовня, позже приют для обездоленных. Маргарита отдала все, что у нее было, для памяти о погибших, а было у нее немало: доброе имение, драгоценности, состояние, ведь она была из одной из знаменитых семей России, аристократка. И сделалась монахиней, а позднее настоятельницей Спасо-Бородинского монастыря, построенного на поле боя.

И дума прядется:
«Когда невпродых,
Когда обступило
Поганое лихо,
И в рубище черном
Бредешь средь живых,
Как будто пустыней,
И тихо,
Так тихо,
Что крика не слышишь,
А только – слезу,
И только на боль
Отзываешься болью –
Таких же бездольных
Отыщешь в грозу,
Спасешь свое сердце
Единой любовью!

Любовь или жалость –
Мы все через хлеб.
И душу, как хлеб,
Всем раздашь,
Не припрячешь...»
И снова из изб,
Что хрипят о тепле,
Засмотрятся дети и вдовы
На пашни,
И снова бродяге
В лесной глухомани
Протянет рука милосердная
Хлеб.
... И молятся, молятся тихо
Крестьяне,
Кибитке, продутой ветрами,
Вослед.

**ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ:
«Дорожная песня»**

Обязательно отметим, что творчество Светланы Матлиной, поэтический язык неразделимы с народной поэзией и песней. В поэме присутствуют и тоскливый горестный напев женского горького плача, и частушечный ритм отчаянья разрушенного счастья, и торжественно-чеканная речь.

Война обернулась для Тучковой потерей не только любимого человека, с таким трудом обретенного (первый брак Маргариты был ужасен), но и ранней смертью сына, которого тоже обескровила война. Вот она, дорожная песня:

Закатился мой венчальный перстенок
 И вернуться ко мне миленький не смог.
 Васильковый нежен взор и строен стан,
 Только грудь его алым-ала от ран.
 Налетело, завертело зло годин:
 Тополечки поднялись, да умер сын.
 Но как ласточка к обрыву прилеплюсь,
 Пламенечком над могилами займусь.
 Лучше б – с ними – в братской могиле,
 Чем в пустыне одной, огнепальной вдовой.
 Эх, была не была! Я гнездо тут свила,
 Где пепел, зола, где коса прошла.
 Вся огнем сожгусь – хлебом обращусь.
 Что муж, что сын – один помин.
 Той жизни сад – все тут лежат.
 Вся жизнь – поминки в черной косынке:
 На ломоть – слезы полоть!
 Держи, браточек, черный кусочек!
 На краюшку – за милую душу.
 Хлеба горбушку – горя горушку.

Как видим, автор в традициях народной лирики описывает состояние и чувства героини поэмы, которые усиливает повторяющийся образ бородинского хлеба. Вдруг плавная интонация песни резко меняется, и мы слышим стук топоров: идет строительство монастыря, осуществляется мечта об увековечении памяти о погибших соотечественниках.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ: «Спасо-Бородинский монастырь»

Ценен этот реальный предмет, в нашем видении монастырь, в первую очередь тем, что через него не только воздаются молитвы о положивших жизни свои за Россию, но и подается помощь нуждающемуся ближнему своему. Великим трудом рук и души множества людей восстала обитель скорби, место, где каждый найдет милость сердца!

Для молитв теперь уста.
 Жизнь – как с чистого листа!
 В черном платье красота
 В тихом поле у креста.

У великого креста.
 У народного креста.

И еще:

Тут милостью сердца
 Никто не забыт:
 Калеки и сироты,
 Вдовы, больные...

Заслуга Светланы Матлиной как поэта и в том, что найден яркий, верный образ хлеба, который выразил конкретно чаяния души, эту «милость сердца», объединил и оживил все в поэме. На всю округу разносится запах свежего, румяного, особенного бородинского хлеба – опять торжествует жизнь! Собирает странников в трапезной, и ведутся разговоры нового времени про Сибирь, про декабристов и их самоотверженных жен, отправившихся за своими мужьями на каторгу. Двенадцатый год возродил дух высоких стремлений в обществе до декабрист-

*Спасо-Бородинский женский монастырь.
 Основан в 1839 году*

ского восстания, восхищается их подвигом народ. И здесь, в Спасо-Бородинском монастыре, этот дух присутствует, создает особо чистое состояние души:

Да лучше б –
 Сибирью за мужем живым!
 – Пошла бы?
 – Пошла бы!
 Как те декабристки,
 О коих все шепотом –
 Далям ночным.
 Молитву прими за них,
 Спас Бородинский!

Над полем плывут
 И плывут облака,
 А сам монастырь
 Как парит в просветленье.
 Дорога кончается небом,
 Легка.
 И слышится хора
 Чудесное пенье.

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ: «Поминальная»

Следующая, самая маленькая, но емкая глава, представляет собой общую молитву за тех, кто остался навечно на Бородинском поле:

Бородинское поле.
 Переломная доля. –

К скорбящему и ликующему одновременно миру, которым кончаются войны. И вот он, рецепт святого бородинского хлеба:

Рожь да тмин.
 Мед да полынь.
 Хлеб на ладони –
 Бери и помни.

И по сей день берем этот хлеб в магазинах и узнаем его вкус из всех других хлебов, но теперь уже с особым пониманием, прочитав поэму.

Хлеб на ладони... А вокруг – родная земля, за которую пролито столько крови. Та самая, про которую гениально сказала Анна Ахматова: «Ложимся в нее и становимся ею, с того и зовем так свободной своею».

СЕДЬМАЯ ЧАСТЬ: «Сон Маргариты»

Эта глава написана в виде сна-воспоминания о прошлой счастливой жизни до удара судьбы. В жанре народной песни, берущей свои истоки из былинного прошлого. Голубкой, затворницей называет свою героиню автор. И вдруг, будя прапамять, из глубин веков всплывает, казалось бы, забытое слово – терпеница. Так называли томящихся в татарском плену россиянок. И сейчас это слово заиграло всеми гранями.

Терпи, терпеница...
В скорбных трудах,
В чертоломной судьбе
В избах Руси
Да святится тебе!

Именно в избах Руси, простого люда, на котором все держится и выразителем духа которого стала Тучкова в одном стремлении сохранить память о подвиге народном для потомков.

Отметим, что тема Бородинского сражения, ее участников и свидетелей не оставляла поэта на протяжении многих лет. Так, в книге «Караван» есть стихотворение «Два портрета», являющееся как бы вкраплением в поэму:

ДВА ПОРТРЕТА

В изящных пальцах – четок ряд.
Наряд монахини суровый.
И умудренный скорбью взгляд –
Таков портрет вдовы Тучковой.

На светский лик утраты боль
Легла, как тень, неодолимо.
Но разгорается любовь
Лампадою неугасимой!

На поле Бородинском пал...
Два века нас волнует это.
И смотрит юный генерал
В глаза с соседнего портрета.

ВОСЬМАЯ ЧАСТЬ: «Прощальная»

Здесь подводится итог жизни Маргариты, чья душа покидает землю и устремляется ввысь, к ставшим небесными защитниками России воинам.

Как усталая черница,
Восхожу я во небесный храм.
Бородинский свой
Оставляю вам...

Словно слышится тяжелый медный колокол за каждой строкой, и дыхание неба.

Она уходит просветленной. Все, что могла, и сверх того, сделано. Теперь факел памяти передан в наши руки.

ДЕВЯТАЯ ЧАСТЬ: «Небесный покров»

Этой главой заканчивается поэма «Бородинский хлеб». Небесным покровом накинута трепещущий свет на могилы героев, он воссиял над Бородинским полем.

Благодаря использованию автором кольцевой композиции поэмы перед нами вновь возникает облик родины с цветущими ромашками и шумящими на ветру березами, с заглавным образом поминального хлеба. Ты словно оказался сам в этом пространстве, стоишь среди поля.

Россия!
Ты вся – Бородинское поле...

И вдруг в душе что-то сместилось, «даль и близь, война на войну неспроста наложились». Ползут по Бородинскому полю фашистские танки, курсанты-защитники залегли в снегу с гранатами, подпуская поближе. Вновь колесо войны прокатилось по Бородинскому полю! И этот ужасный оскал войны закрывает на мгновение небесный покров. И луч солнца уже освещает обелиск над флешами Багратиона, постамент у братской могилы, эфес подаренной шпаги Наполеона и каравай Бородинского хлеба.

Всегда будет оберегать нас небесный покров – напоминает нам поэт.

Луч солнца сверкнул
С отворенных небес
И высветил тускло,
Солдатски-сурово
Наполеоновской шпаги
Эфес –
И хлеб освятил
Маргариты Тучковой.

Всего девять частей в этой поэме. Каждую связывает центральный образ этого произведения – образ поминального бородинского хлеба. Повествуя о подвиге воинов Бородинского сражения и земном служении их памяти Маргариты Тучковой, Светлана Матлина рассказывает нам об истории нашей родины, о судьбе России. В этом заключается сюжетно-композиционная специфика поэмы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ПОЭМЕ «БОРОДИНСКИЙ ХЛЕБ»

Бесспорно, поэма «Бородинский хлеб» основывается на исторических реалиях. Во-первых, это описание знаменательных событий в истории России: Отечественная война 1812 года, сражение на Бородинском поле, указание на места сражений (Багратионовы флешы). Великая Отечественная война 1941–1945 годов, танковое сражение на поле Бородина. Московская битва.

Во-вторых, упоминание в поэме имен реальных исторических лиц также позволяет сделать вывод об исторической основе поэмы. Главная героиня Маргарита Тучкова, ее муж – генерал Александр Тучков, сын, а также военачальник русской армии

Багратион, Суворов, император Франции Наполеон Бонапарт, его внук.

В-третьих, к историческим реалиям относятся само поле Бородин, описываемый Спасо-Бородинский монастырь, часовня – те сооружения, которые до сих пор свидетельствуют о человеческом и духовном подвиге нашего народа и лично Маргариты Тучковой во имя любви и памяти.

В-четвертых, надо отдать дань связи местных названий с будущей битвой: деревня Семеновская, ручей Огник, деревня Бородино (в снепредвестнике Маргариты). Сюда же можно отнести упоминание в раздумье Тучкова перед битвой о Париже в день коронации Наполеона.

В книге «Хождение снегами», в стихотворении «Про вещее», Светлана Матлина дает и остальные реалии, предвещающие битву:

...Тыкаюсь носом в кромешное:
Будто остерегали,
Названия вещи
Местам давали:
Чернобыль, Мясной бор...
А копнуть глубже –
Поля Бородинского перебор.
Стой – леденей – слушай:
Речки Москва, Огнец,
Колочь, Стонец,
Речка Война –
И все до боя, до смертного сна!

Реалией является и сам хлеб – заглавный образ поэмы, присутствующий и в современной нашей жизни. Сохранена до наших дней и шпага Наполеона в музее.

Все художественное пространство «Бородинского хлеба» пропитано духом истории, основано на реальных исторических событиях.

Сопоставим отдельные исторические реалии и их изображение в поэме.

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ В ИСТОРИИ И В ПОЭМЕ СВЕТЛАНЫ МАТЛИНОЙ «БОРОДИНСКИЙ ХЛЕБ»

О Бородинском сражении написано много. Обратимся к информации, которую предлагает сайт свободной энциклопедии «Википедия»: *Бородинское сражение – крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 г. между русской армией под командованием генерала от инфантерии М.И. Кутузова и французской армией под командованием императора Наполеона I Бонапарта. Состоялось 26 августа (7 сентября) 1812 года у деревни Бородино в 125 км на запад от Москвы. В ходе 12-часового сражения французской армии удалось захватить позиции русской армии в центре и на левом крыле, но после прекращения боевых действий французская армия отошла на исходные позиции. Таким образом, в русской историографии считается, что русские войска одержали победу, однако на следующий день главнокомандующий русской армии М.И. Кутузов дал приказ отступить в связи с большими потерями и из-за наличия у императора Наполеона больших резервов, которые спешили на помощь... Считается самым кровопролитным в истории среди однодневных сражений.*

Поэма «Бородинский хлеб» дает яркое подтверждение:

Встревоженная, ожила
Темнота,
Седые, сырые пласты
Закраснели,
И вот сотрясает сердца
Не-мо-та
Рыданьем...

А тут, где ни птицы,
Ни ели,
А только железо
Да трупы вокруг
Валяются бедные
Без погребенья,
Да волчьи глаза
Проискрят на юру –
И резче пахнёт
Человеческим тленьем, –

Тут даже молчать не под силу
И зреть
Победе российской
Великую цену!
Тут нынче одна
Величавая смерть,
Проста, неприглядна,
Пришлась на замену.

Так мистически совпало, что на Бородинском многострадальном поле произошло два страшных сражения в ходе обеих Отечественных войн против захватчиков. В 1812 году от результата грандиозной битвы зависела судьба не только Российского государства, но и всей Европы. Исторические события повторились спустя 129 лет после нашествия наполеоновской армии, когда на Москву вновь двинулись вражеские полчища. И вновь Бородино, где происходили жесточайшие бои, стало полем боевой славы России...

Оборону на Можайском направлении осуществляла 5-я армия под началом Д.Д. Лелюшенко. Основная ударная сила заняла оборону на центральном участке и непосредственно на Бородинском поле – 32-я стрелковая дивизия. Важнейшим итогом боев на Бородинском поле стала задержка на шесть дней наступления врага. Впоследствии противник окончательно был остановлен на 75-м км Минской магистрали. Контрнаступление началось 5 декабря. А 21 января 1942 года Бородинское поле было освобождено. Вот строчки из поэмы «Бородинский хлеб»:

...И вижу:
Фашистские танки сползлись.
Курсанты в снегу.
Поле вновь задымилось!
Сместились в душе навсегда
Даль и близь,
Война на войну
Неспроста наложилась.

Тела и тела
 Под войны колесом.
 Ее алчный взгляд
 И маньячки безумство.
 Одной на кровавом пиру
 Торжество!
 Да снег,
 Затуманивший все мысли,
 Все чувства.

Сегодня Бородинское поле – это мемориальный комплекс с более чем 300 памятниками. Начался он

с храма-усыпальницы генерала Тучкова в 1820 году. В поэме упоминается еще памятник Кутузову:

Свет над постаментом
 С российским орлом...

Затем братская могила воинов 5-й армии:

И братской могилой
 От битвы Московской,
 И над обелиском,
 Пронзившим рассвет:
 Останками армии Наполеона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество Светланы Матлиной до краев наполнено огнем души, огнем поэзии. Поэма «Бородинский хлеб» любима многими не только за ее художественные достоинства, но и за то, что самым главным действующим лицом здесь выступает народ, помнящий подвиги своих сыновей и дочерей и сам совершающий их. Поминальный бородинский хлеб также присущ народным обычаям и занимает центральное место по праву. Он – неперемный атрибут исторической памяти. Всепоглощающая любовь к жизни, воспевание лучших качеств и порывов человеческой души, русской женщины с ее самоотверженностью и любовью, с ее верой – как свет, льющийся в сердца сквозь строки поэмы.

Поэма «Бородинский хлеб», как и всё поэтическое творчество Светланы Матлиной, предоставляют неограниченные возможности для будущих исследователей.

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМУ КРАЕВЕДУ – БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ

29 января 2022 года ушёл из жизни Сергей Борисович Петров (1951–2022) – известный краевед, кандидат философских наук, почётный работник высшей школы РФ, член Союза журналистов России.

Сотрудники музея И.А. Гончарова запомнили Сергея Борисовича как выдающегося краеведа, кропотливо изучавшего культурную жизнь Симбирска-Ульяновска и деятельность известных земляков, постоянного участника международных гончаровских научных конференций. В сборниках по итогам работы исследовательских секций Сергей Борисович раскрывал всегда оригинальные, малоизученные темы, связанные с именами Николая Карамзина, Ивана Гончарова, Павла Ефёбовского, Дмитрия Григоровича.

С.Б. Петров львиную долю внимания уделял увековечению памяти великих земляков: во многом благодаря ему в Ульяновске был установлен известный на всю Россию памятник букве Ё, а в сквере Гончарова появились знаменитые обломовские тапочки и диван.

2022 год отмечен юбилеями выдающихся уроженцев Симбирской земли: 31 марта исполняется 200 лет со дня рождения Дмитрия Васильевича Григоровича, а 18 июня город будет отмечать 210 лет со дня рождения Ивана Александровича Гончарова. Безусловно, Сергей Борисович не оставил бы без должного внимания эти знаменательные даты. Сотрудники музея Гончарова предлагают читателям «Симбирска» познакомиться с примечательной в исследовательском смысле работой С.Б. Петрова, посвящённой сразу двум своеобразным писателям-путешественникам.

*Материал подготовлен
к.ф.н., заведующей сектором научной работы
Историко-мемориального центра-музея
И.А. Гончарова
Ириной МАРШАЛОВОЙ*

Сергей ПЕТРОВ

«ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”» И.А. ГОНЧАРОВА И «КОРАБЛЬ “РЕТВИЗАН”» Д.В. ГРИГОРОВИЧА

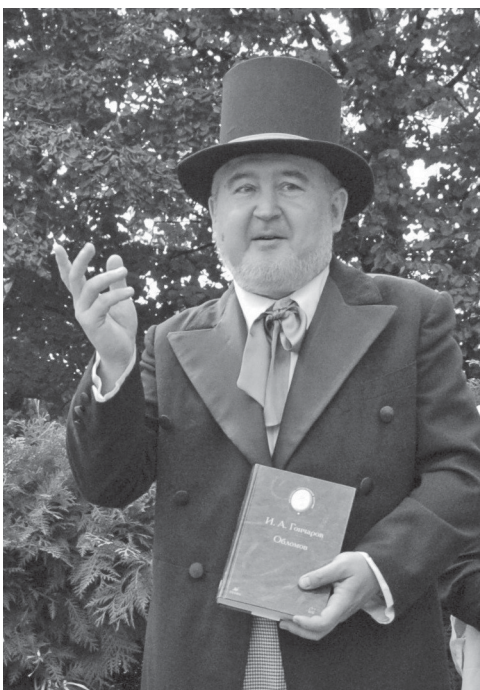
(Печатается по тексту статьи, опубликованной в сборнике: *Материалы VI Международной научной конференции, посвящённой 205-летию со дня рождения И.А. Гончарова: Сборник статей русских и зарубежных авторов / сост.: И.В. Смирнова, А.В. Лобкарёва, Е.Б. Клевогина, И.О. Маршалова. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2017*)

В 2016 г. мы отметили 250-летие со дня рождения Н.М. Карамзина (1766–1826), в 2017 г. – 205 лет со дня рождения И.А. Гончарова (1812–1891) и 195 лет со дня рождения Д.В. Григоровича (1822–1900).

Названные уроженцы Симбирской земли создали интересные произведения, далеко выходящие за рамки традиционного жанра путевых очерков. И если «Письма русского путешественника» и «Фрегат “Паллада”» широко известны и давно стали объектами литературоведческого анализа¹, то «Корабль “Ретвизан”» Д.В. Григоровича известен значительно менее, не получил должной оценки и даже оклеветан.

Тому есть объективные и субъективные причины. В XIX веке он был издан один раз отдельной книгой в 1873 г.² и трижды в составе 12-томного собрания сочинений писателя³. В XX веке только три главы из семи в сокращении были опубликованы в 3-томном собрании сочинений Григоровича⁴.

В 1855 г. в «Отечественных записках» И. Гончаров обратился к читателям: «Автор недавно возвратился из путешествия, которое начал в конце 1852 года с Балтийского моря и кончил в прошлом году Охотским. Здесь он вышел на русский берег и проехал через всю Сибирь до Санкт-Петербурга. Он объехал вокруг Европы, Африки и Азии... Автор не

С.Б. Петров в роли Обломова на Обломовском фестивале – 2007. Ульяновск

имел ни возможности, ни намерения описывать своё путешествие как записной турист или моряк, еще менее как ученый. Он просто вел, сколько позволяли ему служебные занятия, дневник и по временам посылал его в виде писем к приятелям в Россию...»⁵

В 1858 г. Д. Григорович получил приглашение Морского министерства принять участие в кругосветном путешествии. Ему сообщили: «Что касается цели, с какой в экспедицию приглашают литератора, – цель самая простая, естественная: вы поедете на том основании, как Гончаров ездил в Японию»⁶.

Правда маршрут был изменен, корабль был направлен вокруг Европы: «Вместо Явы, Китая, Японии приходилось видеть Испанию, Италию, Грецию и т. д. Что ж, – без сожаления решил писатель, – и это было недурно! Я отправился»⁷.

И. Гончаров, проплывая мимо острова Борнгольм, вспомнил Н.М. Карамзина, его повесть «Остров Борнгольм»⁸. А Григорович перед путешествием читал произведение Гончарова «Фрегат “Паллада”», но старшему коллеге-земляку он не подражает.

Между «Фрегатом “Паллада”» и «Кораблем “Ретвизан”» много общего, но много и различий. Их объединяет гуманизм, роскошный эстетизм, патриотизм, антибуржуазность в сочетании с

¹ Н.М. Карамзин. Указатель трудов, литературы о жизни и творчестве. 1883–1993. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999; И.А. Гончаров. Библиографический указатель (1832–2011). СПб., 2015.

² Григорович Д.В. Корабль «Ретвизан» (Год в Европе и на европейских морях). Путевые впечатления и воспоминания. СПб.: Типогр. Скорятина, на углу Фонарного переуллка, дом Франка, 1875.

³ Григорович Д.В. Полн. собр. соч.: В 12 т. Изд. 3-е, испр. автором. Т. 9. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896.

⁴ Григорович Д.В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Худ. лит., 1988.

⁵ Гончаров И.А. Ликейские острова // Отечественные записки. 1855. № 4 (апрель). С. 239.

⁶ Григорович Д.В. 1988. С. 9.

⁷ Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М.: Худ. лит., 1987. С. 144.

⁸ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в 2-х книгах / Изд. подгот. Т.И. Орнатская, отв. ред.

прогрессизмом, экологизм, самоирония, доходящая у Гончарова до гротеска, общность природных обстоятельств морского путешествия. Гончаров критикует англичан-колонизаторов и подлых торговцев опиумом, Григорович – католическую церковь с её инквизицией и лицемерной моралью.

Отличает произведения открытая критика Григоровичем крепостничества в России, острое обличение буржуазных нравов, над которыми Гончаров иронизирует на материале лондонских наблюдений, целенаправленное желание рекомендовать для внедрения в российский быт зарубежные новейшие изобретения и технологии в сочетании с призывом творить самобытное. По мнению Григоровича, «...не все же нам обезьянничать, в самом деле, пора выдумывать свое полезное и применять его к делу»⁹. Писатель перед поездкой дал себе слово вести подробный журнал, все виденное ставить в параллель с тем, что зародится в России, а она страна не дикая и не первобытная. Россия «...давно стала на европейские рельсы и живёт европейской жизнью. Истинное патриотическое чувство не оскорбляется мелочами»¹⁰.

Григорович радуется появлению «Ретвизана», построенного в Петербурге в 1855 г.: «...на нем все русское, национальное, начиная с леса и кончая машиной <...> “Ретвизан” по-шведски значит “правосудие” <...> взят был шведский корабль, носивший такое название <...> “Ретвизан” выражает, следовательно, две мысли, которые в одинаковой степени могут удовлетворить нашу гордость: победа над шведами и, главное, преуспевание наше в кораблестроительном искусстве»¹¹.

Для Гончарова фрегат «Паллада» – дом на два года, для Григоровича «Ретвизан» – неудобное средство передвижения от одной длительной стоянки до другой, причем в замечательных культурных центрах Европы. Из европейских столиц Гончаров побывал только в Лондоне, а Григорович, с сожалением проплыв мимо британской столицы, посетил и описал Копенгаген, Гамбург, Париж, Кадикс, Севилью, Геную, Ниццу.

После Гибралтарского пролива пути путешественников далеко разошлись. И на кораблях писатели вели себя по-разному. Гончаров не уделял особого внимания быту матросов, Григорович старался сблизиться с ними, подолгу внимательно беседовал с «нижними чинами». Сначала они стеснялись «его высокоблагородия», считая его генералом, затем, когда он стал всем неграмотным женатым матросам письма домой писать, стали считать его корабельным писарем. Гончарову такая роль не представилась. К Григоровичу приставили камердинером сигнальщика Михаила Шестакова. Демонстративно отказавшись от такого слуги, так как (будучи хотя и русским помещиком) сызмальства приучил себя без помощи лакея вести счёт своему белью, поднимать платок, упавший на пол, брать сигару с соседнего стола, писатель интересуется судьбой моряка. Шестаков женат, безумно любит свою «чухонку» Вильгельмину, прачку, старше его на восемь лет,

находится, причём охотно, у неё под каблуком. После венчания новобрачным выделили угол в казарме. Реалист, талантливый представитель «натуральной школы» знакомит читателей с условиями жизни в таких общежитиях. Гончаров, не отказавшись от услуг матроса Фадеева, об этом не упоминает. «Я бывал в таких углах, – повествует Григорович, – и могу дать вам о них верное понятие: представьте себе средней величины комнату, разгороженную досчатыми перегородками на 15, на 20 каморок, аршина на два в квадрате, перегородки не доходят до потолка; потолок общий у всех, следовательно <...> там задыхаются от смрада, духоты и чаду <...> За одной перегородкой родят, тут же рядом умирают, там происходит семейная ссора или драка, здесь лежит больной ребенок или женщина... Это целый ад ... который поневоле делается общим достоянием, распространяет нравственную порчу, растление нравов...»¹². Путешествуя, писатель постоянно вспоминал Россию. По его мнению, главная причина бед Родины – «...закоснелая дикость, невежество, безграмотность и отупление, – неизбежные последствия трехсотлетнего крепостного состояния». Также понятны и неприемлемы для Гончарова-эстета буржуазные нравы.

Гончаров мечтал во время плавания на «Палладе» посетить Париж: «В Париж бы! – говорил ... со вздохом, – пожить бы там, в этом омуте новостей, искусств, мод, политики, ума и глупостей, безобразия и красоты, глубокомыслия и пошлостей, – пожить бы эпикурейцем...»¹³. Григорович побывал в Париже, осмотрел его и описал его главные достопримечательности, ярко отобразил нравы, дух, стиль жизни буржуазного мегаполиса.

Читая главу «Парижские впечатления», вспоминаешь нравы современной Москвы, рецензии и статьи в «Литературной газете» и «Культуре», описание афер, притонов и социального дна в «Комсомольской правде», «Новой газете», «Московском комсомольце».

Выделив из многих пять достойных – Comedi Francaise, итальянскую оперу, Gymnase, «Пале-Рояль», «Комическую оперу» – Григорович резюмирует: «Жалкое состояние большинства театров и самого репертуара есть неминуемое следствие того спекулятивного духа, который до крайностей, невозможной степени овладел всем Парижем. В руках теперешних директоров театры совершенно утратили своё назначение; театры ничего больше, как торговля, спекуляция. Какое дело спекулятору, что в его театре извращается вкус и даются в ужас приводящие пошлости, он знает, что парижане не могут жить без театра, как рыба без воды; что ни давай в театре, публика пойдет поневоле...»¹⁴

В Париже все литераторы живут между собой как кошка с собакой, они избегают друг друга. Издателей столько же, сколько писателей, издатель ловко пользуются разногласиями в писательской среде¹⁵. А женщины? Если Гончарова восхитили англичанки, то от взрослых парижанок у Григоровича остались неприятные воспоминания. Всюду

⁹ Григорович Д.В. 1873. С. 79.

¹⁰ Там же. С. 92.

¹¹ Григорович Д.В. 1988. С. 20.

¹² Григорович Д.В. 1873. С. 79.

¹³ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». С. 66.

¹⁴ Григорович Д.В. 1988. С. 55.

¹⁵ Там же. С. 67.

С.Б. Петров
в роли Обломова
на фоне музейной
выставки на
Обломовском
фестивале – 2007.
Ульяновск

радующийся красоте писатель-эстет любовался детьми на Елисейских полях: «...Дети, особенно девочки, удивительно здесь милы; ничего нет на свете грациознее, живее, непринужденнее. Заплатив су за стул, мы по целым часам просиживали, любуясь, как они катают обруч, играют толпами в мячик или воланы... Девочки одеты большей частью просто, но с тем изяществом вкуса, которым так справедливо хвастают французы»¹⁶. Но милых созданий ждёт печальное и недостойное будущее: их отдадут на воспитание в католические монастыри под ферулу хитрого попа, в пансионы сухих и хитрых дам, зараженных пошлой, узкой и рутинной нравственностью. Полученное воспитание превратит их сначала в идиоток и рабынь развращенного мужа, потом, по закону противоречия, – в «...в самых продувных львиц и кокеток»¹⁷. Описанию технологии опустошения кошельков наивных мужчин такого рода парижанками Григорович уделено несколько страниц.

Очень не понравился писателю буржуазный Гамбург – крупный германский порт. Здесь, в отличие от Копенгагена, города гениального скульптора Торвальдсена, нет интересных памятников, картинных галерей. В театрах не нашлось хороших певцов и певиц. В архитектурном отношении главное здание здесь – биржа со статуями четырех банкиров. Не хватает статуи золотого тельца¹⁸. Вывод суров: «...если б пришлось выразить в двух словах характеристику Гамбурга, – я сказал бы, что он ничего больше, как расплывшийся от богатства и жиру лавочник, у которого отец немец, а мать жидовка»¹⁹.

На дорогах постсоветской России бандиты внедрились мошеннический приём, обозначенный термином «подстава». В середине XIX века в море у

берегов Северной Европы о ней узнал Григорович: купцы, застраховав своё судно, нарочно подставляют его под корабль, предварительно подготовив людей и заперев собак. После столкновения владелец-мошенник получает деньги «...за потопленное судно и за мифический груз»²⁰.

Произведению «Корабль “Ретвизан”» не повезло не только с изданиями, но и с критикой. Рецензент Н. Рыкачёв в «Морском сборнике» высказал претензию ко всем русским литераторам-маринистам: «Теперь у нас начинают интересоваться морской жизнью, начинают знакомиться с нею; но знакомство с нею далеко не полное. Все вышеназванные писатели [Гончаров, Григорович, Вышеславцев, Максимов, Лъховский. – С. П.] очень мало касались главных вопросов морского быта»²¹. В книге «Корабль “Ретвизан”», как и во «Фрегате “Паллада”», утверждал рецензент, напрасно искать что-либо существенное в морской жизни. Григорович редко касается внутренней судовой жизни, «...почти всегда смотрит на неё поверхностно и несколько враждебно»²². Но талант Григоровича замечателен, есть «места, которые поражают красотой»²³.

Отметим, что задолго до критиков XX века Н. Рыкачёв высказал тезис, согласно которому на «Палладе» путешествовал не Гончаров, а его литературные герои. Впоследствии стали утверждать, что Обломов²⁴. По мнению Н. Рыкачёва, в картинах Гончарова, «...проглядывает что-то несколько разочарованное, усталое, ленивое, нечто обломовское... Читая путешествие Гончарова, мы невольно припоминаем дядюшку и племянника его “Обыкновенной истории”...»²⁵. Можно согласиться с мнением Н. Рыкачёва о «Корабле “Ретвизан”» как

16. Там же. С. 73.

17. Там же. С. 73.

18. Григорович Д.В. 1873. С. 95–96.

19. Там же. С. 100.

20. Там же. С. 85.

21. Рыкачёв Н. Морская жизнь // Морской сборник. 1862. № 5. С. 1.

22. Там же. С. 2.

23. Там же. С. 3.

24. Словцов Р. (Калишевич Н.В.). Обломов на фрегате «Паллада» // Мастер русского романа: И.А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья. Сб. документов и материалов. М.: Центр Книги Рудомино, 2012. С. 254–261.

25. Рыкачёв Н. Морская жизнь. С. 16.

произведении, написанном искусствоведом, эстетом, для которого главное – любование красотой во всех её проявлениях.

Более справедливо отнёсся к сочинению Григоровича литературовед В.П. Вильчинский, отметивший неравнодушие писателя к матросскому быту²⁶. И совершенно несправедлив В.П. Мещеряков. Названный литературовед в целом в неплохой книге создал у читателя абсолютно неверное представление о сочинении Григоровича. Критик утверждает: 1. «Корабль “Ретвизан”» – единственное произведение писателя, где он не пишет о русской действительности. 2. Писатель только констатирует увиденное, уклоняясь от каких-либо оценок. 3. Его рассказ иногда излишне сух и тороплив, так как автор как бы заражён лихорадкой туриста и спешил обозреть как можно более. 4. Странствуя, писатель не столько обогатился новыми впечатлениями, сколько оторвался от родной почвы. 5. Единственное, что Григорович обстоятельно описывает, – это искусство стран, где побывал. 6. Писатель остановился на описании Генуи, опустив впечатления от Палермо, Иерусалима, Афин, так как счел свою работу неудачной²⁷. Все эти утверждения легко опровергаются при внимательном прочтении всех семи глав книги.

В опровержение обвинения в торопливости и сухости приведем в заключение лишь одну страницу из яркого произведения талантливого автора, посетившего в Севилье выступление мастеров танца: «Начать с того, что все танцовщицы прелесть как хороши собой; костюм их очень живописен; он состоит из цветного, очень низенького корсажа и коротенькой баскины; все это обшито блестками, яркими пучками лент и живыми цветами; ножки так хороши, обуты с таким изяществом, что так и тянет перецеловать их от первой до последней. Наконец, неподдельная страстность взглядов и движений, необыкновенная живость самого танца, исполненного сладострастной неги и грации, мотив песни, которая сопровождает танец, бряцанье гитар, лихорадочный трепет кастаньет, воодушевление, которое постепенно овладевает зрителями, – все это делает из этой залы чуть ли не самое соблазнительное место Севильи и легко может вскружить голову самому апатическому смертному...

По данному знаку на середину залы выходила молоденькая цыганка; рубашка, низко обнажавшая плечи, и пестрая юбка были всей ее одеждой; маленькая ее головка и тонкая, грациозно выгнутая шея с трудом, казалось, выносили тяжесть смоляных кос, из которых на правый висок выбегал живой пунцовый цветок. Трудно представить себе что-нибудь изящнее овала ее лица, золотисто-бронзового и вместе с тем покрытого матовой бледностью, – не той бледностью, которая на Севере служит признаком болезни, но южной бледностью, которая еще более возвышает красоту женщины; ни на одной камее не встречал я более тонкий профиль; в линиях плеч, рук и ног этой девушки сохранилась во всей чистоте своей высочайшая тонкость породы; они дышали той женственной прелестью и строгой законченностью, которой любуемся мы на

древних греческих изваяниях; вся она почему-то представлялась (и не мне одному) типом Клеопатры в молодости. К такому сходству способствовала также величавость и строгость выражения, которые резко отличали эту девушку от остальных ее подруг.

Танец начинался с того обыкновенно, что она слегка наклоняла голову и опускала глаза, так что ресницы ее бросали тень на щеки; она, казалось, задумывалась о чем-то, не замечала ни толпы, ее обступавшей, ни своего танцора, который между тем впивался в нее огненными глазами и слегка побрякивал гитарой; при втором и третьем аккорде хор цыган, сидевших тут же, испускал вздох: этим вздохом начинаются многие припевы, поющие-ся во время танцев. Вздох незаметно переходил в мотив; он постепенно подхватывался всем хором; к нему мало-помалу присоединялись звуки кастаньет и гитар. Первые движения танцовщицы были медленны; стоя на месте и продолжая смотреть в землю, она лениво, как бы после сна, перегибала стан и плавно разводила руками; танцор тем временем оживлялся с каждой секундой; по мере того как учащался темп мотива, звуки гитар и кастаньет усиливались, энергическое лицо танцора наполнялось выражением какой-то сатанинской страсти; глаза его сверкали как у тигра, пальцы судорожно дергали по всем струнам гитары, он нетерпеливо топал ногами. Наконец, танцовщица подняла голову и бросила на него взгляд; глаза их встретились...

Глаза ее уже сверкали огнем; увлекаемая как будто магнетической силой взглядов, она тянулась к танцору, который ускорял шаг, заходил к ней то с одной стороны, то с другой, манил ее глазами и все более и более старался разжечь ее. Но дело уже было сделано: огненная, неукротимая страсть говорила в каждом ее движении; плечи ее вздрагивали, щеки горели, руки жадно ловили танцора, тонкий стан изгибался и сладострастно опрокидывался назад; черные зрачки блистали огнем ненасытных желаний.

Из всех присутствующих не было человека, у которого при этом не вздрагивало бы сердце; толпа решительно выходила из себя; все вокруг стучало ногами, трещало кастаньетами, судорожно вскрикивало, вторя крикам цыган и цыганок, которые испуленно били в ладоши, звенели гитарами и постепенно ускоряли темп песни; энтузиазм толпы, очевидно, все более и более воодушевлял танцоров. Под конец танец принимает характер такой бешеной и откровенной страсти, которая сделала бы его невозможным ни на какой европейской сцене; он оканчивается тем, что танцовщица в страстном изнеможении падает на грудь танцора, который быстро обхватывает ее талию, приподымает ее на воздухе, целует и торжественно выносит из толпы»²⁸.

Мастерски написанная книга Д.В. Григоровича, богатая интересными мыслями и фактами, должна быть издана с глубокими искусствоведческими комментариями и многочисленными фотографиями, репродукциями картин, скульптур, храмов, дворцов, изображенных писателем.

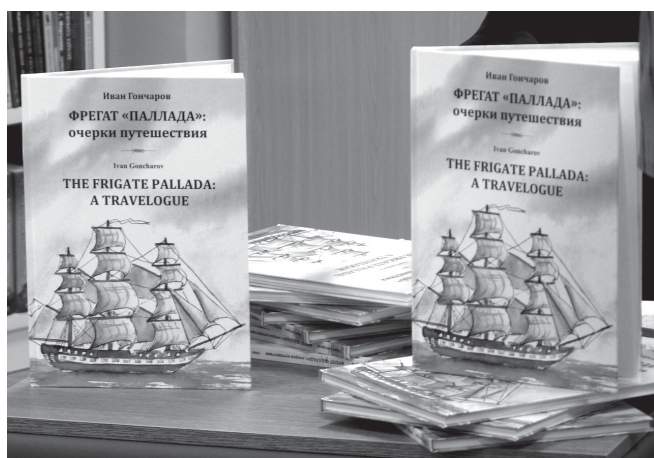
²⁶ Вильчинский В.П. Русские писатели-маринисты. М.–Л.: Наука, 1966. С. 97.

²⁷ Мещеряков В.П. Д.В. Григорович – писатель и искусствовед. Л.: Наука, 1985. С. 78–80.

²⁸ Григорович Д.В. 1988. С. 142–144.

«ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»: ИЗДАНИЕ В НОВОМ ФОРМАТЕ

Книга Ивана Гончарова «Фрегат “Паллада”» на русском и английском языках издана в рамках программной деятельности Российского фонда культуры совместно с Централизованной библиотечной системой Ульяновска. Особенность издания – в его формате: это трэвел-скетчбук – популярный сегодня формат зарисовок или записей в пути. Над книгой работали художник Юлия Узрютова и редактор Татьяна Алисевич.

Формат *трэвел-скетчбука* позволил гармонично изобразить виды мест, детали путешествия и мысли писателя во время плавания в Японию и возвращения по суше через Сибирь.

«К 210-летию юбилею Ивана Александровича Гончарова, который будет отмечаться в 2022 году, мы издали книгу в совершенно новом и интересном для молодежи формате. По сути дела, «Фрегат “Паллада”» – это в своем роде единственная книга XIX века с беспрецедентно этнологическим охватом – от кафров до якутов, от африканцев до сибиряков, в которой отмечен неподдельный интерес к образу жизни разных народов. И мы от первого лица предлагаем увидеть происходящее, как будто сами побывали в дороге. Тем более Гончаров в дороге сам делал зарисовки, которые мы сегодня назвали бы скетчами», – отметила Елена Головнина, генеральный директор Российского фонда культуры.

Татьяна Алисевич – литературовед, чья деятельность связана с именем Ивана Гончарова, ее очерки и литературоведческие статьи опубликованы в федеральных и региональных периодических изданиях. Юлия Узрютова – художник, иллюстратор, фотограф, журналист федерального Агентства социальной информации, культуролог, преподаватель скетчинга.

Работу над изданием начали с подбора цитат, ведь в нем от исходных 600 страниц должно было остаться 50. Художник Юлия Узрютова, которая имеет опыт ведения скетчбуков в путешествиях, выбрала моменты для иллюстрации, а редактор Татьяна Алисевич из огромного текста книги сделала

итоговую подборку цитат. Очень важным было сохранить язык писателя и нить повествования, чтобы читатели скетчбука могли понять маршрут движения, цель плавания в Японию, особенности разных стран и изменения настроения Гончарова.

«Путешествие писателю предстояло далекое, поначалу он сильно волновался, но в то же время предвкушал, как увидит дальние страны и переплывет моря-океаны. В начале плавания был даже момент, когда он хотел сойти на берег. А если вспомнить еще и недомогания, и бытовые сложности, и качки, во время одной из которых писатель даже подумал: «Боже мой! Кто это выдумал путешествия?» Конечно, все это влияло на настрой писателя в путешествии. Но грустные мысли сменялись оптимизмом. И вот он уже думает о том, как прекрасна жизнь, еще и потому, что человек может путешествовать. В конце путешествия Гончарову и вовсе было грустно покинуть фрегат. Эту переменчивость настроения мы постарались сохранить в отобранных цитатах», – рассказала художник Юлия Узрютова.

Иллюстрации выполнены в технике скетчинга с использованием акварели и линера. По словам художника, каждой иллюстрации предшествовала большая работа, связанная с анализом историко-культурных аспектов, ведь действие книги происходит в XIX веке, и важно, чтобы иллюстрации соответствовали времени. Еще один важный момент – передача местного колорита каждой территории, так как за время плавания Гончарова сменилось много городов и стран, широт, островов, времен года.

Книга выпущена издательством «Корпорация продвижения технологий» тиражом 2000 экземпляров. Ульяновск имеет статус литературного города ЮНЕСКО, и издание книги на английском языке позволит обмениваться экземплярами с городами-партнерами. 1000 экземпляров скетчбука отправили в Российский фонд культуры, который распределит их по модельным библиотекам России. Тысяча книг поступит в библиотеки Ульяновской области и отправится партнерам – литературным городам ЮНЕСКО.

«Если этот фрегат... послужит... ещё новый срок, между прочим, и в среде юношества, автор сочтёт себя награждённым сверх всяких ожиданий», – так писал И.А. Гончаров в предисловии к третьему изданию «Фрегата “Паллада”».

Иван Гончаров

**ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА»:
очерки путешествия**

Ivan Goncharov

**THE FRIGATE PALLADA:
A TRAVELOGUE**

Рисунки Юлии Узрютовой

”

«Наконец 7 октября фрегат “Паллада” снялся с якоря. С этим началась для меня жизнь, в которой каждое движение, каждый шаг, каждое впечатление были не похожи ни на какие прежние».

”

«...впечатление, какое производит наружный вид Лондона с циркуляциею населения, странно... центр всемирной торговли, а чего бы вы думали незаметно? – жизни. Кажется, всё рассчитано, взвешено и оценено».

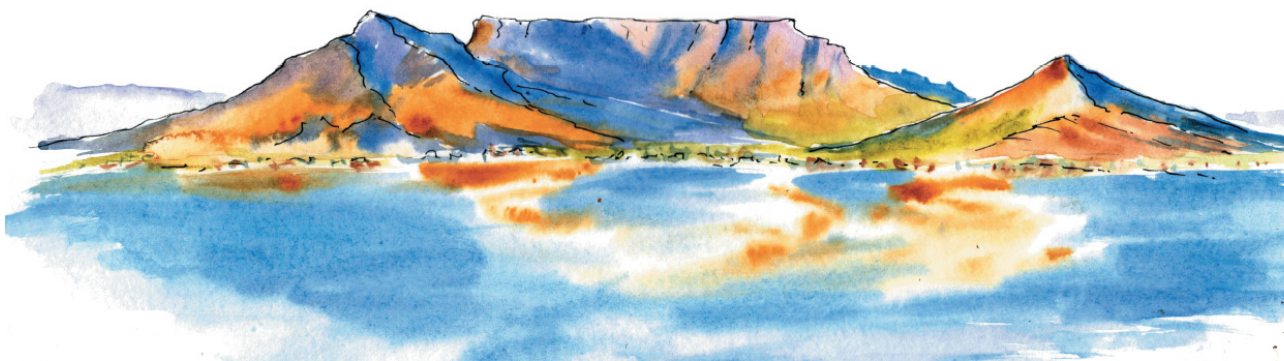
Англия. Лондон

Каюта. Качка

”

«Началась сильная качка... не бывши никогда в море, я думал, что так и должно быть... то есть палуба вырывается из-под ног и море как будто опрокидывается на голову».

- «Что это?» - спросил я кучера-малайца, указывая на одну гору.

- «Столовая гора», - сказал он.

- «А это?»

- «Львиная гора».

- «А это?»

- «Чёртов пик».

Любуясь на горы, мы незаметно очутились у широкого крыльца двухэтажного дома: это «Welch's hotel».

Жаль нам было уезжать из Капской колонии: в ней было привольно, мы пригreesлись к этому месту. Другие говорят, что если они долго плавают в море, им хочется Берега; а поживут на берегу, хочется в море. Мне совсем не так: если мне где-нибудь хорошо, я начинаю пускать корни..., особенно ещё как вспомнишь, что впереди море, море и море...

Мыс Доброй Надежды. Столовая гора

“ «Нельзя богаче и наряднее одеть землю, как она одета здесь».

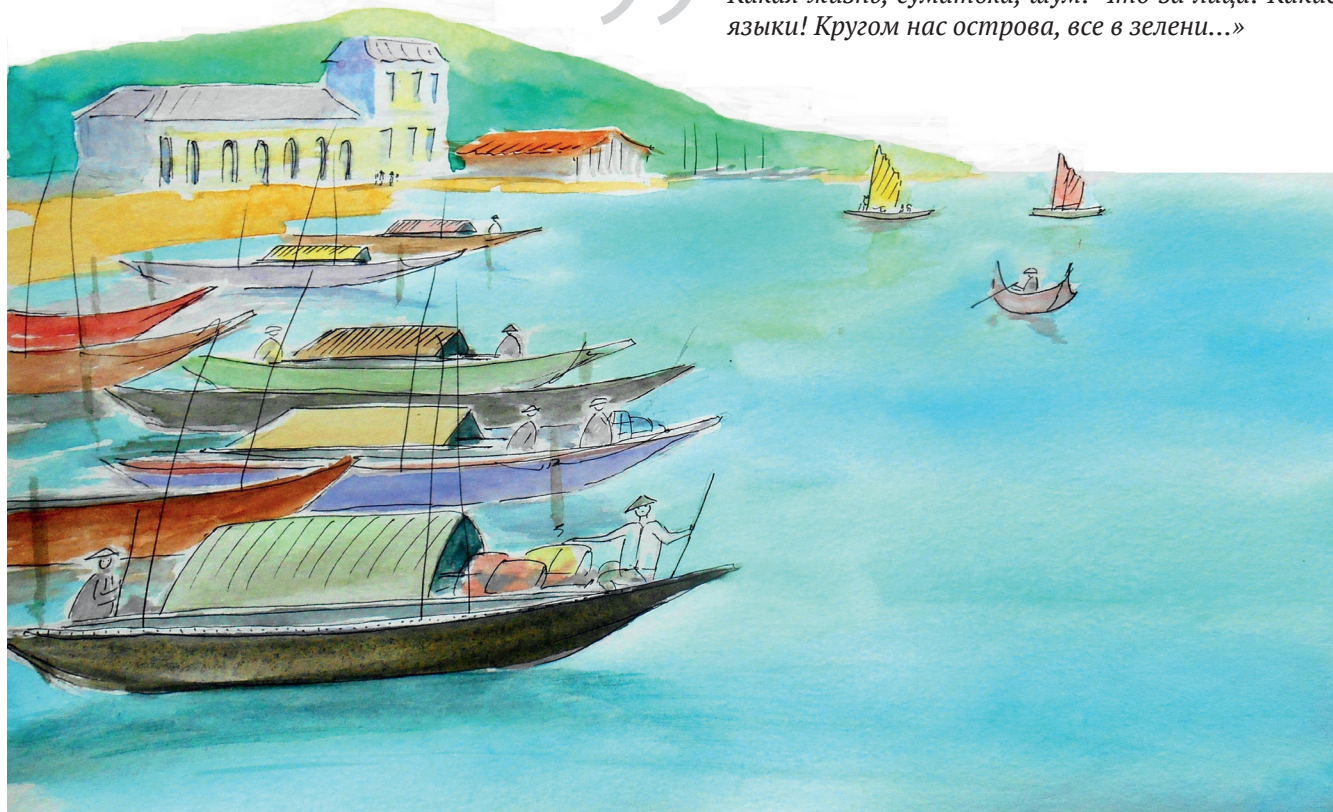

Ява

“

«Утро! Солнце блещет, и всё блещет с ним. Какие картины вокруг!

Какая жизнь, суматоха, шум! Что за лица! Какие языки! Кругом нас острова, все в зелени...»

Сингапур

Япония

“ «Вот и Нагасаки!.. Это и есть город, лежащий на берегу полукруглой бухты...»

“ «...на базаре мне представилась полная картина китайского народонаселения, без всяких прикрас...»

Китай. Шанхай

Якутск

”

«...мне стало отрадно, когда я въехал в кучу почерневших от времени одноэтажных деревянных домов; всё-таки это Русь, хотя и сибирская Русь. У неё есть много особенностей как в природе, так и в людских нравах...»

Река Лена

”

«Лена, Лена и Лена!.. На каждой станции кучи ямициков толпятся у экипажа... Вчера ночью я проехал так называемые щёки, одну из достопримечательностей Лены. Это огромные, величественные утёсы, каких я мало видел и на морских берегах...»

«...искомый результат путешествия – это параллель между чужим и своим...Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что ... я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоят её».

(И.А. Гончаров)

ГОНЧАРОВСКАЯ ВЫСТАВКА СИМБИРСКИХ ХУДОЖНИКОВ. (1911 ГОД)

Д.И. Архангельский. Попов остров. На Волге у Симбирска. 1910-е гг.

Д.И. Архангельский. Вид со Старого Венца. 1910-е гг.

Д.И. Архангельский. Симбирское Подгорье. 1910-е гг.

Д.И. Архангельский. Обрыв над Волгой

Д.И. Архангельский. Деревня Городищи около села Ундоры Симбирского уезда Симбирской губернии. 1910

Д.И. Архангельский. Старый Венец весной. 1910-е гг.

Валентина КОСТЯГИНА, старший научный сотрудник ОГАУК «Ленинский мемориал».

ГОНЧАРОВСКАЯ ВЫСТАВКА ХУДОЖНИКОВ П.И. ПУЗЫРЕВСКОГО И Д.И. АРХАНГЕЛЬСКОГО,

организованная к 100-летию со дня рождения писателя

Ульяновский Музей-мемориал В.И. Ленина хранит в своём собрании бесценный личный фонд художника-симбирянина Дмитрия Ивановича Архангельского. Он содержит самые разнообразные, интереснейшие материалы, раскрывающие многие, порой забытые, страницы культурной жизни Симбирска, в самой гуще которой находился Д.И. Архангельский. Среди них те, которые напоминают о событиях более чем вековой давности, связанных с увековечением памяти великого писателя-земляка Ивана Александровича Гончарова, в том числе с созданием дома-памятника ему.

На заседании Симбирской учёной архивной комиссии 2 октября 1901 года её председатель В.Н. Поливанов, обращаясь к присутствующим, сказал: «15 сентября минуло первое десятилетие со дня кончины И.А. Гончарова. Память великого писателя должна быть особенно дорога Симбирску – месту его рождения <...> Мне кажется, что на представителях местного учёного общества, долженствующего ревниво охранять память своих славных уроженцев, лежит нравственная обязанность в годовщину десятилетия кончины Гончарова возбудить ходатайство об открытии всероссийской подписки на сооружение ему памятника в Симбирске». Это

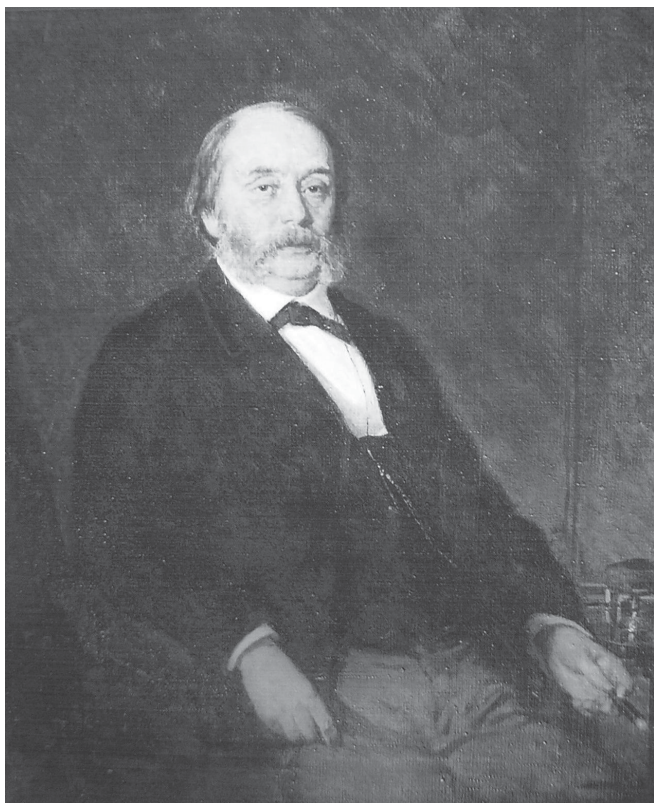
предложение получило полное одобрение, но высочайшее разрешение всероссийского сбора средств на памятник последовало только в 1910 году.

Симбирская архивная комиссия заказала 100 000 бланков подписных листов с портретом И.А. Гончарова и его краткой биографической справкой, составленной М.Ф. Суперанским. В обращении симбирской архивной комиссии подчеркивалось общерусское значение проводимого мероприятия: «Памятник – дело не только местное, симбирское, но и общенародное, так как покойный писатель, гордость нашей литературы, дал широкие, высокохудожественные и правдивые картины общерусской жизни, жизни русского общества. Его литературная деятельность способствовала развитию нашего национального самосознания и была мощным проявлением национального гения».

Бланки подписных листов были разосланы по всей России. Вскоре со всех концов страны и от симбирян стали поступать пожертвования на создание дома-памятника, в котором размещались бы историко-археологический и художественный музеи, общедоступная библиотека, школа промышленного рисования и черчения. Помимо подписки, было решено увеличить приток средств различными другими способами: лекциями, концертами, спектаклями, выставками и др.

В это время в Симбирске жил и творил художник-пейзажист Павел Ильич Пузыревский – горячий поклонник и пропагандист творчества И.А. Гончарова. Выпускник Императорской академии художеств, где его учителями были П.П. Чистяков и М.К. Клодт, где он четырежды награждался серебряными медалями за свои работы, в 1891 году Павел Ильич переехал в Симбирск. Здесь он работал учителем рисования и черчения в Симбирском кадетском корпусе и других учебных заведениях.

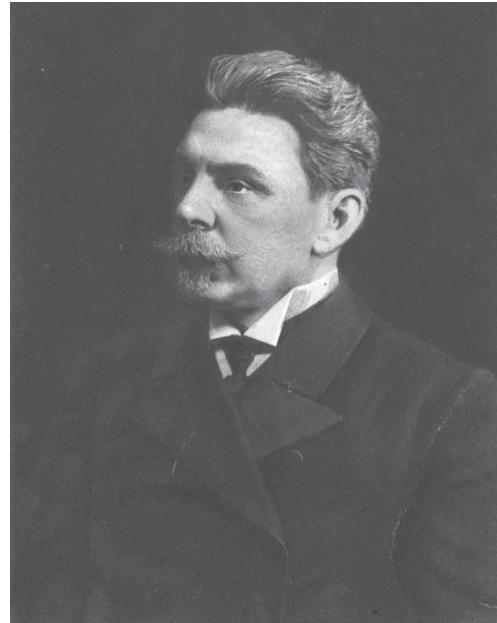
Многое сделал художник-энтузиаст для развития культурной жизни в городе. Он явился инициатором создания «Общества изящных искусств», бесплатно вёл класс пейзажа в художественных классах при учебно-трудовом пункте, который предназначался для оказания помощи лицам интеллигентных

И.Н. Крамской. Портрет И.А. Гончарова

Д.И. Архангельский

П.И. Пузыревский

профессий, нуждающимся в трудоустройстве. Большим успехом пользовались выставки акварельных пейзажей П.И. Пузыревского, устраиваемые в окнах писчебумажного магазина. Д.И. Архангельский вспоминал о том, какое восхищение вызывали у жителей Симбирска эти выставки: «Акварели были

такие понятные, солнечные, жизнерадостные, что мой интерес к ним незаметно перешёл в яркое желание и самому писать акварелью этюды».

С 1904 года Дмитрий Иванович начинает обращаться за советами и консультациями к П.И. Пузыревскому. Он учится у него дома, а затем в

учебно-трудовом пункте. Взаимоотношения учителя и ученика были близкими, теплыми, постепенно они перешли в крепкую дружбу. Сблизила их в дальнейшем и преподавательская работа в учебных заведениях города. Они учили детей не только рисовать, а прежде всего любить и понимать искусство.

Д.И. Архангельский вспоминал: «В 1912 г. исполнилось сто лет со дня рождения уроженца Симбирска, писателя-классика И.А. Гончарова. П.И. Пузыревским было задумано ещё в 1910 г. отметить эту знаменательную дату устройством выставки, посвящённой родине И.А. Гончарова. К участию в выставке был приглашен П.И. Пузыревским и я, как его ученик. Моя часть выставки состояла из видов Волги под Симбирском и этюдов деревни.

Подрамники, рамы и щиты для выставки мы делали дома хозяйственным способом. Эта сторона дела была поручена мне. На квартире у меня всю осень и зиму работал столяр с подручным. По данным размерам делали стойки и связи для щитов, ящики для перевозки картин, вязали рамы и т.д.»

Поэтическая влюбленность в Волгу, в родные места вдохновляла художников. Их пленили правдивость и красота стиля в описании Гончаровым волжской природы. Они решили не только увековечить в своих работах Волгу и гончаровские места, но половину сбора с выставки передать в распоряжение архивной комиссии на постройку памятника. Таким образом, содержание картин и цель сбора средств позволили назвать выставку Гончаровской.

5 октября 1910 года на очередном заседании Архивная комиссия обсуждала «способы, могущие сделать сбор на памятник более интенсивным».

П.И. Пузыревский сообщил, что им предложено устроить передвижную выставку картин, изображающих виды Поволжья. Выставку г. Пузыревский намерен организовать в Симбирске, а затем перевезти в Москву и Петербург. Жертвуя половину чистой выручки от выставки на усиление фонда гончаровского памятника, г. Пузыревский просил членов архивной комиссии прийти на помощь по организации выставки.

Собрание с благодарностью приняло это предложение <...> В.Н. Поливанов принял на себя заботу по приисканию подходящего для выставки помещения в Петербурге».

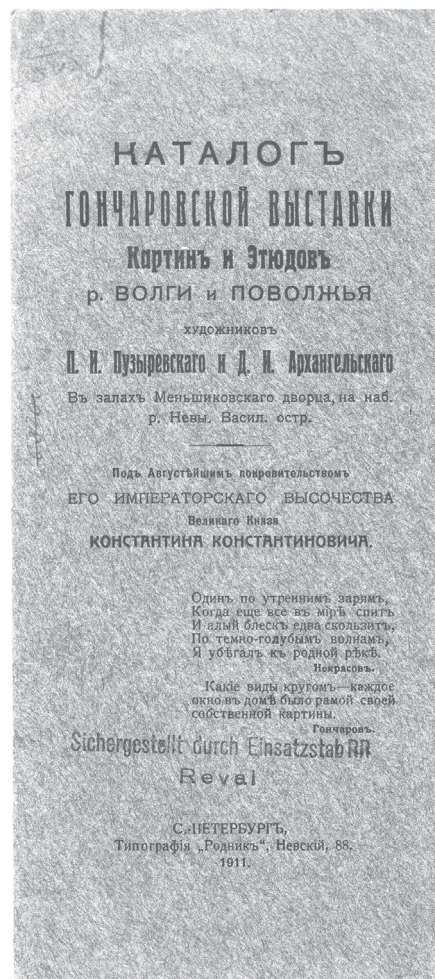
«Выставка была показана сначала в Симбирске, а затем, в дни Всероссийского съезда художников, в Петербурге», – вспоминал Д.И. Архангельский.

Сведения об этой выставке, содержащиеся в разных источниках, не только не совпадают, но зачастую противоречат друг другу.

Сам Д.И. Архангельский в нескольких вариантах автобиографии, воспоминаниях, написанных в разные годы, называет различные даты экспонирования выставки. Это и неудивительно при столь интенсивной выставочной, творческой деятельности художника.

Установить истину помогла симбирская пресса, которая не могла не откликнуться на такое значительное культурное событие.

Газета «Симбирянин» в феврале 1911 года в нескольких номерах на первой странице размещает объявление-рекламу: «С 12 февраля сего года в зале Симбирской губернской земской управы открыта

выставка картин имени И.А. Гончарова. Картины Волги и Поволжья художников П.И. Пузыревского и Д.И. Архангельского. Входная плата – 20 коп., с учащих и детей – 10 коп. Выставка открыта ежедневно с 12 до 5 час. дня». 11 февраля 1911 года «Симбирянин» в разделе «Хроника» сообщил: «Со вчерашнего дня в главном зале дома губернского земства начались спешные работы по приспособлению его под открывающуюся в недалёком будущем выставку картин классного художника – преподавателя местного кадетского корпуса П.И. Пузыревского и другого художника-любителя Д.И. Архангельского. Сейчас в зале устанавливаются пюпитры под картины. Производятся также и подготовительные работы по декорированию зала, причём всеми работами руководит П.И. Пузыревский. Предметами экспонирования этой выставки являются, как уже указано, художественные произведения самого г. Пузыревского, посвящённые памяти или непосредственно связанные с личностью автора «Обломова» и «Обрыва» – И.А. Гончарова. Выставка эта, как было своевременно об этом сообщено, передаёт часть своего сбора в распоряжение местной учёной архивной комиссии в фонд по постройке памятника знаменитому сородичу по поводу столетия со дня его рождения. Из Симбирска выставка «Гончаровских уголков» будет передвинута в С.-Петербург, а затем в Москву». На протяжении всего времени работы выставки «Симбирянин» публиковал небольшие заметки о ней в разделе «Хроника», а в номере от 15 февраля некто N даёт её «детальный разбор» в статье «На выставке».

Не обошли своим вниманием выставку и «Волжские вести». 12 февраля в разделе «Местная жизнь» была опубликована статья С. Крестовского «К Гончаровской выставке картин», в которой автор писал: «Каждый город имеет свою культуру и представителей последней. Вся разница между ними в том, что одни имеют местное культурное значение, на долю других выпадает большое счастье видеть среди своих сограждан лиц, воплощавших в себе цели и эпохи общечеловеческого развития.

С гордостью можем сказать, что наш город принадлежит к числу вторых, ибо имена Карамзина, Гончарова, Языкова и Минаева дают нам право на почётное место среди других культурных центров России. Но то же право налагает на нас и равную себе обязанность – священную обязанность воздать должное памяти тех из них, которые оставили нам свои добрые заветы.

6 июня 1912 года исполняется 100 лет со дня рождения И.А. Гончарова.

С чувством глубокого удовлетворения я констатирую факт – желание интеллигентных слоёв города ознаменовать достойным образом память великого писателя – согражданина. Имя Гончарова не может разделить нас на классы, сословия и группы иных оттенков, т.к. его художественные произведения вполне доступны и понятны людям всех категорий.

Хочется верить, что общество с должным вниманием и чуткостью отнесётся к открываемой в субботу, 12 февраля, в зале губернской земской управы Гончаровской выставке картин художников П.И. Пузыревского и Д.И. Архангельского, половина

РОДИНА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ ДЛЯ СЕМЬИ

№ 25. 3-го Июня 1912 г. XXXIV в год издания.

Редакция, главная контора и отделение:
С.-ПЕТЕРБУРГ: 1) Литейский, соб. д. № 114.
2) Садовая ул., дом № 20.

ИЗДАНИЕ А. А. КАСПАРИ.

Отделение главной конторы «РОДИНА»:
МОСКВА: Петровский парк, вк. конторы
Н. Н. Печниковой.

ПОДПИСКА: 1-го или 2-го издания. Если доставлять в С.-Петербург 7 руб. 50 коп. в год, в Москве 6 руб. 50 коп. и с пересылкой по всей России 8 руб. 50 коп. в год. Если доставлять в С.-Петербург 7 руб. 50 коп. в год, в Москве 6 руб. 50 коп. и с пересылкой по всей России 8 руб. 50 коп. в год. Если доставлять в С.-Петербург 7 руб. 50 коп. в год, в Москве 6 руб. 50 коп. и с пересылкой по всей России 8 руб. 50 коп. в год. Если доставлять в С.-Петербург 7 руб. 50 коп. в год, в Москве 6 руб. 50 коп. и с пересылкой по всей России 8 руб. 50 коп. в год.

Главная контора журнала «РОДИНА» имеет честь просить гг. подписчиков в разсрочку послужить высылкой доплатного взноса, дающего право на получение журнала во втором полугодии (с ост. полугодия разсрочки шаше).

БЪЛЛАЯ НОЧЬ ВЪ ПЕТРОЗАВОДСКЪ. Ст. картины Г. Ауера.

100 лет со дня рождения И. А. Гончарова. Композиция И. Ольшанского.

1. Портрет И. А. Гончарова. 2. Обширный фрагмент «Воската» от иллюстратора Пугачинского, в И. А. Гончаровском ОО. 3. Чашка, выставляемая на которой погребены И. А. Гончаров, С. Минаев и И. А. Гончарова.

сбора от которой поступает в фонд по увековечению памяти писателя в виде нового просветительского учреждения в нашем городе».

Выставка была отмечена и газетой «Симбирская жизнь» в большой статье С.Т. Панова «Несколько слов по поводу выставки имени Гончарова». Отдавая должное произведениям художников, автор писал: **«В немногих картинах и этюдах г. Архангельского чувствуется ученик г. Пузыревского, но в большинстве видно своё особое лицо».**

Судя по откликам, выставка имела большой успех. *«Выдающимся произведением выставки, по отзывам печати, художников и многочисленных зрителей, по праву считалась картина П.И. Пузыревского «Обрыв», – вспоминал Д.И. Архангельский.*

Работала выставка на протяжении трёх недель, с 12 февраля по 3 марта с небольшим перерывом (27 февраля), связанным с началом Великого поста.

Дальнейшее экспонирование выставки состоялось в С.-Петербурге. Этому предшествовали большие хлопоты П.И. Пузыревского об оказании ему материальной поддержки для решения организационных вопросов.

В письмах к В.Н. Поливанову он просит выдать ему из денежного фонда комиссии заимоборозно 1000 руб. на расходы по выставке. 18 февраля 1911 года Поливанов, находящийся в это время в С.-Петербурге, пишет Пузыревскому ответное письмо, в котором поздравляет Павла Ильича с открытием Гончаровской выставки в Симбирске, говорит о желании скорее видеть её в С.-Петербурге, выражает уверенность в её несомненном успехе и даёт согласие на выдачу Пузыревскому до 600 руб. В Симбирск Поливанов отправляет телеграмму: «Прошу комиссию разрешить выдачу в виде аванса Пузыревскому на расход выставки 600 руб. Поливанов».

9 ноября 1911 года на своем 61-м заседании Архивная комиссия под председательством П.Л. Мартынова рассмотрела заявление Пузыревского, письмо и телеграмму Поливанова, заслушала Павла Ильича, который подробно изложил перед собранием значение юбилейной Гончаровской выставки и взял на себя обязательство во всяком случае, будет или не будет выставка иметь денежный успех, возратить Архивной комиссии занимаемую сумму 600 руб. «После продолжительного совещания о том, каким путём возможно было бы вывести г. Пузыревского из затруднительного положения, собрание остановилось на единственном выходе: просить В.Н. Поливанова привлечь к делу устройства выставки состоятельных лиц, которые не отказались бы ссудить г. Пузыревского необходимыми средствами».

За неимением сведений трудно сказать, как решился этот вопрос, но 10 декабря 1911 года в С.-Петербурге в залах б. Меншиковского дворца под Августейшим покровительством Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича открылась Гончаровская выставка картин и этюдов реки Волги и Поволжья художников П.И. Пузыревского и Д.И. Архангельского.

В С.-Петербургской типографии «Родник» был напечатан каталог выставки. Искусствоведы называют разные цифры представленных на выставке экспонатов: 150, около 200, 160 и др. Каталог тоже

не даёт точного количества, т.к. в нескольких случаях экспонаты обозначены так: «№110. Альбомные наброски... №159. Карандашные рисунки, №160 – рисунки». Каталог содержит несколько номеров. Часто под одним номером числится несколько работ. 245 работ П.И. Пузыревского и 54 работы Д.И. Архангельского имеют название. Учитывая альбомные, карандашные рисунки, количество которых не указано, можно сказать, что на выставке экспонировалось более 300 работ.

Столица приняла выставку очень доброжелательно. Пожалуй, не было ни одного периодического издания, которое бы не отметило и не оценило её. «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Петербургские ведомости» писали, что выставка и по цели, и по содержанию заслуживает сочувственного к себе отношения, представляет большой интерес и её стоит посетить.

«Биржевые ведомости» откликнулись большой статьёй «Гончаровские призраки»: «Выставка Пузыревского – один из тех скромных человеческих подвигов, которые не кидаются в глаза, но тем не менее чрезвычайно полезны и ценны. Какие бы то ни было коммерческие цели не имеют здесь места. Главная и единственная цель выставки – собрать некоторую сумму денег на сооружение памятника Гончарову в его родном Симбирске.

Любовно, с таким редким в наши дни благоговейным чувством к памяти великого романиста, писал художник все уголки Симбирска, окрестности его и Поволжья, связанные не только с самим Гончаровым, но и с героями «Обрыва». В самом деле

вы ходите по выставке, и всюду окружают вас пленительные гончаровские призраки <...>.

На выставке принимаются от посетителей денежные пожертвования на памятник Гончарову. Начало уже сделано, и лист покрывается подписями, где рядом с энергично выведенной фамилией популярного генерала стоят робко-умилительные детские каракули».

Несколько публикаций дает газета «Новое время». Одну из них под названием «Гончаровская выставка» 17 декабря 1911 года перепечатывает на своих страницах «Симбирянин».

Очередной, №51, журнала «Огонёк», вышедший 17 (30) декабря 1911 года, поместил на своей обложке репродукцию картины П. Пузыревского «Обрыв» и текст с рассказом о выставке.

31 декабря 1911 года газета «Симбирянин» опубликовала письмо из Петербурга Семёна Шпицера «К юбилею Гончарова»: «На днях мне удалось посетить Гончаровскую выставку в Петербурге, устроенную в Меншиковском дворце талантливым пейзажистом – симбирянином П.И. Пузыревским. Симпатичная цель этого начинания говорит, конечно, сама за себя. Скажу смело, что эта выставка – серьезная подготовительная работа к предстоящему 6 июня 1912 г. юбилею И.А. Гончарова. Публика интересуется и посещает выставку, а печать сочувственно откликнулась на её открытие.

Я имел удовольствие познакомиться на выставке с художником Пузыревским и сделал ему предложение: в целях усиления в обществе интереса к выставке устроить при таковой уголок Гончарова, т.е. имеющихся предметов, до сих пор уцелевших и хранящихся у близкого Гончарову лица, по мере возможности воспроизвести кабинет писателя.

Мы посетили госпожу А.И. Т-т [Александру Ивановну Трейгут – жену слуги Гончарова – В.К.], изъяснившую своё согласие предоставить имеющиеся у неё предметы для устройства «Гончаровского уголка». Помимо этого г-жа Т-т, внимая нашей просьбе, согласилась все раньше принадлежавшие Гончарову вещи принести в дар будущему дому-музею Гончарова в Симбирске.

Таким образом, поздравляем с этим событием симбирян. Привожу перечень оставшихся после Гончарова предметов.

Кабинет Гончарова состоит из четырёх старинных кресел и круглого стола, превосходного старинного масляного портрета писателя и другого силуэтного портрета, исполненного художницей Бэм. Имеется ещё старинный фотографический портрет Гончарова, 15 разных картин из путешествий писателя по Японии, Италии и другие разнообразные пейзажи. Есть прекрасный гипсовый бюст Гончарова, исполненный покойным талантливым скульптором Берштамом. Также имеется оригинал К. Маковского «На сенокосе» и три копии с Рафаэля и Тициана художника Н. Майкова.

Кроме перечисленных вещей, имеются ещё и другие предметы у разных лиц. У графа П.К. Ламздорф-Галагана хранится причудливая вазочка с письменного стола покойного писателя. Рабочий письменный стол Ивана Александровича находится при литературном фонде. Старинное рабочее кресло Гончарова (принадлежавшее Некрасову), ручка с

Журнал «Огонёк» №51, вышедший 17 (30) декабря 1911 года. На обложке – репродукция картины П. Пузыревского «Обрыв» и текст с рассказом о выставке

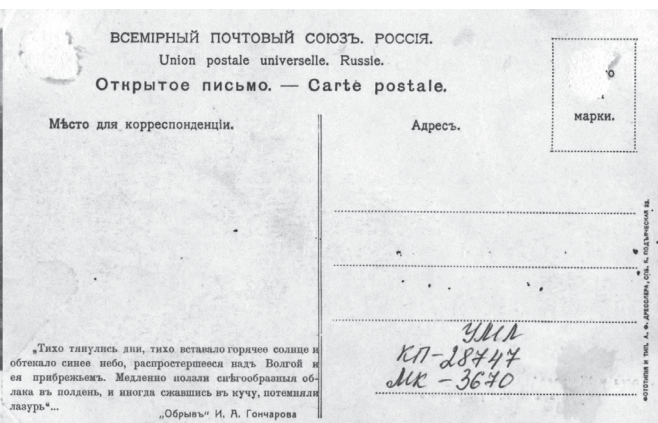
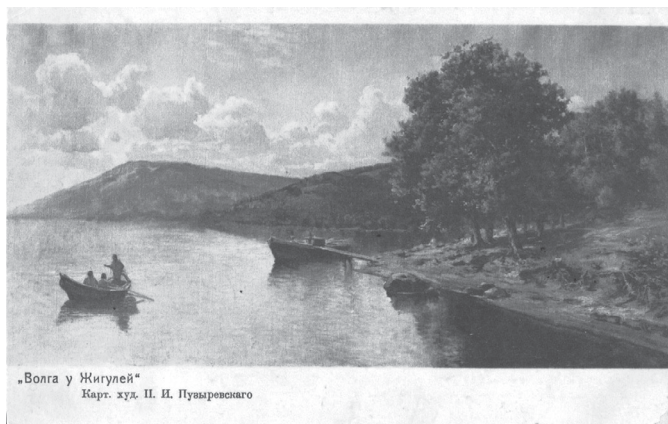
пером, которую пользовался Гончаров, чернильница и своеобразная вазочка находятся сейчас в Кивее, в музее при коллегии имени Павла Галагана. Мне известно, что почётный попечитель этой коллегии граф С.Н. Ламздорф-Галаган согласится передать эти вещи в музей И.А. Гончарова в Симбирске. И, наконец, часы «Марфинька», поднесённые Гончарову группой русских писателей в день 25-летия его по литературной деятельности, хранятся в Московском историческом музее.

Имеющийся на выставке подписной лист на сооружение Дома-музея И.А. Гончарова в Симбирске постепенно заполняется подписями. Умилительны и трогательны скромные пожертвования учащейся молодежи. Даже есть лепта в 3 копейки.

Давно пора более энергично готовиться к предстоящему юбилею, а он ведь не за горами, каких-нибудь 5 месяцев...<...>

В заключение нахожу блестящей мысль устройства гончаровского дома-музея в Симбирске. Интересно отметить, что недаром Гончаров при жизни не любил Петербург, да оно и понятно. На редкость холодна гранитная столица, ничем её не растеплишь. А потому уже лучше пусть гончаровские реликвии покоятся на берегах Волги, близкой сердцу писателя...»

Таким образом, именно Гончаровская выставка Павла Ильича Пузыревского и Дмитрия Ивановича

П.И. Пузыревский. Почтовая карточка «Заводъ»

П.И. Пузыревский. Почтовая карточка «Мороситъ»

П.И. Пузыревский.
Почтовая карточка «Обрыв на Волге»

Архангельского послужила поводом и толчком к тому, что в Симбирске оказались подлинные вещи, принадлежавшие Ивану Александровичу Гончарову и составившие основу будущего музея. А впервые некоторые из них экспонировались в С.-Петербурге на выставке симбирских художников, что следует из статьи Н.Н. Кузьмина «Уголок И.А. Гончарова в Петербурге», опубликованной в №1 журнала «Мир» за 1912 год.

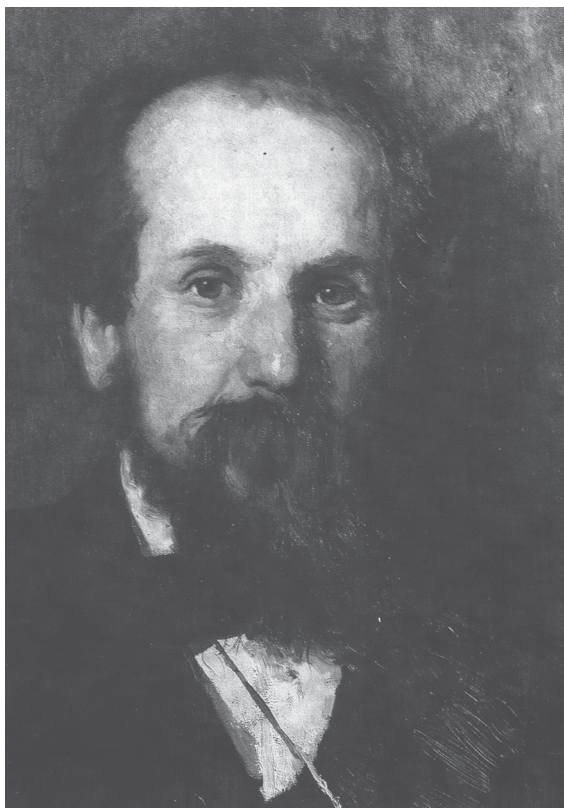
Несколько страниц юбилею И.А. Гончарова и выставке посвятил журнал «Нива» №22, 1912 год. Высоко оценивая выставку, автор публикации «И.А. Гончаров. К столетию со дня рождения» отмечал: «П.И. Пузыревский перенёс на полотно виды тех местностей, вверх и вниз по Волге от Симбирска, куда совершал свои поездки и прогулки Гончаров и которые были всегда дороги его сердцу как места его родины и его детских и юношеских воспоминаний».

Но кроме того, некоторые из этих местностей, увековеченные художником, имеют ещё и, так сказать, литературный интерес: они изображают места, где происходит действие романа «Обрыв». Как известно, места эти были списаны Гончаровым с натуры <...> Художник таким образом совершил кистью ту же работу, которую совершил Гончаров пером.

И картины его, независимо от своих чисто художественных достоинств и своего географического интереса, являются иллюстрациями к «Обрыву» <...> В общем, эти картины дают полное представление о родине Гончарова, которую он так любил и так художественно описал, в виде прелестной рамки к русской провинциальной жизни сороковых годов. Независимо от всего прочего, они сами по себе представляют прекрасный памятник Гончарову, уместный и даже необходимый теперь, в юбилейный год его рождения».

Д.И. Архангельский вспоминал, что Павел Ильич издал часть своих картин в открытках. На открытках он поместил тексты из романа «Обрыв», что значительно расширяло просветительную цель выставки. Часть этих открыток сохранились в архиве Архангельского.

Выставка работала в дни Всероссийского съезда художников, открытие которого состоялось 27 декабря 1911 года в конференц-зале Императорской Академии художеств. Работало восемь отделов, в том числе «Художественное воспитание в семье

Портрет художника П.П. Чистякова.
Фрагмент. Худ. И.Е. Репин

и школе и преподавание графических искусств». П.И. Пузыревский и Д.И. Архангельский были участниками съезда как делегаты от Симбирского кадетского корпуса и 1-й Симбирской мужской гимназии. В архиве Дмитрия Ивановича сохранились «Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. Декабрь 1911 – январь 1912 г.» в трёх томах с многочисленными пометками художника. [Последний день съезда – 5 января 1912 г. – В.К.].

По свидетельству Дмитрия Ивановича, «выставка прошла с успехом. Одним из первых и самым почётным её посетителем был знаменитый художник, профессор П.П. Чистяков. Я сопровождал его по выставке и давал пояснения, отвечал на многие вопросы. Выставку он осмотрел внимательно и с интересом. С особой похвалой отозвался об «Обрыве» П.И. Пузыревского. После осмотра, между прочим, сказал мне: «Колоритно, молодой человек, берегите колорит-то». Этот завет я помню и стараюсь выполнять и удивляюсь мудрости этого учителя».

В Дворянском же собрании Симбирска выставка, посвящённая 100-летию со дня рождения Ивана Александровича Гончарова, работала с 6 по 15 июня 1912 года. Был выпущен её каталог, составленный М.Ф. Суперанским и отпечатанный в типографии А Балакирщикова. Обложку именно этого каталога оформил Аркадий Пластов. Среди 189 экспонатов были представлены 6 открыток с репродукциями работ П.И. Пузыревского и каталог Гончаровской выставки Пузыревского и Архангельского.

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Галина АНИСИМОВА, поэт, член Союза писателей России.

Автор книг «Игры, в которые играют люди», «Мемуары юмористки», «На ноте сердца», «Иллюзион».

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

ЧИТАЯ ГРИБОЕДОВА

*Сколько может поэзия весить?
О пленительный чисел разбег!
Он вынашивал пьесу лет десять,
а читают её третий век...*

Читаю-перечитываю «**Горе от** (самого блестящего) **ума**».
И знаю: **дым Отечества мне** горек,
а солнце поглотила полутьма

полунедоговорок и отмазок,
отписок, откровенного вранья,
от незамысловато-лживых сказок
до яростных нападок воронья...

Сначала был широким кругозор,
потом скатился он до точки зренья;
и стал героем пойманный, а вор
вещает в телящик без зазренья

о дураках, дорогах и т.п.,
о новых достижениях и планах,
о встрече двух великих в Сан-Тропе,
о сходке двух помельче – на Балканах.

И только слышно день деньской: бла-бла,
очередная ложь и полумера.
А от Москвы до нашего угла –
дистанции огромного размера...

Смешенье языков французского с симбирским

в столице всех идей, прожектов и имён.
Сожительство fast food
с подворьем монастырским –
сплошная круговерть народов и времён.

За двадцать лет до Фамусова сей
вопрос звучал у Моргтона похоже:
«My God, oh, What will mrs. Grandy say?»...
И нынче обыватель осторожен...

Подумает он, прежде чем творить,
(пусть даже тема архизлободневна):
Ах, боже мой, что станет говорить
наш блогер-гуру **Марья_Алексевна?**

Блажен, кто верует, тепло ему... Всех званий
не сосчитать на жизненном пути.
Но мне достался лишь **милльон терзаний...**
Есть от чего в отчаянье прийти...

РОДНАЯ РЕЧЬ

О великий могучий язык!
Парадоксов сундук и глоссарий!
Ум носителя к шуткам привык,
иностранцу же – взрыв полушарий!

Мы с младенчества ходим конём,
не грозит нам возможность склероза:
мы любой вариант провернём:
слишком умный – звучит как угроза;

очень умный – не есть комплимент;
умный очень – сплошная издёвка...
Наш язык – инструмент, аргумент
и в любую столицу – путёвка!

КРУГОВОРОТ

Круговорот людей в природе:
пещера, страх, огонь и гром...
Три шкуры мамонта на входе,
дежурство женщин над костром...

Лесные духи... раб господень...
свободной воли человек...
Земли шесть соток в огороде
и сладкий голос ипотек...

И еле слышный глас народов...
Но крик Земли – в ушах звенит –
про тонны бытовых отходов...
и торжествующий к...д.

Остались в прошлом все заслуги:
и реки вспять, и космодром.
Как выжить – слабые потуги...
Как мир спасти – вопрос ребром!

МОЙ ПУШКИН

*Наверное, у каждой был Онегин,
судьба-голубка в хрупкой скорлупе...*

1.
Я жила в Лукоморье, на стыке,
на распутье пространств и времён.
Сон и явь были равновелики,
у мечты было много имён.

Размывались границы и грани
в час, когда выплывала Луна,
под крылом моей бабушки Ани
и под песни кота Баюна.

Тосковала о море и небе,
на горушке училась летать.
Я любила Гвидона и Лебедь,
я хотела Царевною стать,

и Русалкой, и чудной Людмилой,
и Владычицей мира морей,
и пастушкой, наивной и милой...
А ещё – повзрослеть поскорей.

Быстро кончились детские сказки,
но не спала с очей пелена...
Далеко до счастливой развязки:
я в Гринёва теперь влюблена,

и уже я – Миронова Маша,
а ещё – лишь приблизится ночь –
мне приснится беглянка Дуняша,
и Земфира – цыганская дочь.

Акулина и барышня Лиза,
записная кокетка Адель,
Мариана, графиня Элиза –
всё ищу для себя параллель...

2.
Читала про Лаису и Киприду,
Эсфирь, Елену, Лилу, Натали.
Про ту, что привечала лишь для виду,
про ту, что все печали утоли...

Стихи к гречанке, ветреной испанке,
красавице, что нюхала табак,
к прелестнице, и просто иностранке,
стихи в альбом, как некий тайный знак,

К Мадонне, Клеопатре и Эльвине,
К распутнице и божией рабе.
К Смирновой, доне Анне и Алине...
Я примеряла все их – ко себе.

Себя артисткой юной возомнивши,
я быть могла божественною Керн,
княгиней NN, Мариной Мнишек,
но жизнь дала какой-то дикий крен.

Ушёл с дождём мой ветреный Онегин
и затерялся в призрачной толпе.
Довольно слёз о прошлогоднем снеге
и о чужих на жизненной тропе...

Влюблённость, увлечения, романы,
с волнением – замуж, даже к алтарю.
Но нелюбовь, тоску и путь Татьяны
я как-то, где-то, в чём-то повторю...

3.

Так, увы! – я осталась Татьяной,
несмотря на созвездье имён,
той отвергнутой и нежеланной
и в которую всё же влюблён

был Онегин. К чему тут лукавить,
«забывая» его вновь и вновь?
Русским девушкой в генную память
припечаталось слово «любовь».

Мне мечталось о том и об этом,
не сбылось – так кого упрекать?
Что же случилось? Я стала поэтом,
а поэт не рождён... не страдать...

Р. С. А поэт...это ж ясно как ять...

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПАМЯТИ МОЕЙ

Дежавю

Ощущение праздника тёплого
в зимний день: ожиданье гостей,
легкокрылое белое облако
новогоднего смеха детей...

Дед Мороз и подарки под ёлочкой,
конфетти, мишура, серпантин,
в волосах – как корона – заколочка,
а из марли – а-ля палантин...

Радость сердца пока ненаиграна,
бескорыстна и вера в людей.
Но для каждого роль уже выбрана:
сценарист, режиссёр, лицедей...

Жизнь моя серпантинном закрутится
не воротись былого, а жаль.
Только облачком белым отшутится
в волосах – сединою – печаль.

Пусть судьба – несбываемым – дразнится,
всё, что было, случилось не зря:
Новый год, ощущение праздника,
мандариновый след декабря...

По весне снова будет распутица,
переменчива жизни река:
что-то будет, а что-то не сбудется,
но пока – Новый год. Но пока

за окошком – взбесившийся градусник,
фейерверк, новой жизни заря.
Все мы вместе, все живы и радостны
в краткий миг – harry and – декабря...

Сад камней

Не жалею о минувшем – его не вернуть,
Не ищи по ночам ключ к потерянной дверце...
Равнодушно планеты продолжают свой путь.
Только память царапнет,
как стёклышком, сердце...

Да знакомая тяжесть – волной – по плечам,
Да невзрачной покажется участь ковыльях...
Я не сплю, потому что болят по ночам
неокрепшие и ... враз ненужные крылья.

И пора бы уж прошлому сдать в архив,
или кнопкой Delete удалить все огрехи.
Я прощу вся и всех, даже Бога смутив,
и с открытой душой залатаю прорехи

в чёрно-белой – до радуги! – жизни моей,
в безнадёжной, отчаянной, нежной Love story.
И уже наяву сотворю Сад камней
из догадок, прозрений, побед, аллегорий...

Из ненаписанной автобиографии

Мой ангел подустал уже со мной...
В грязи осенней – странное явление:
из сора, листьев, крошки ледяной,
обида и бессоницы ночной
рождается моё стихотворенье.

Не поминайте лихом и зазря:
пишу, дышу – как знаю и умею.
И точным словом боль заговоря,
вплетая в строчки блики янтаря,
я ни о чём, что было, не жалею...

Оправдываться как-то не с руки:
мол, ангел меня нежно пеленает.
Живу я – «несмотря...» и «вопреки...».
И отдала б любому башмаки.
Но только пусть с пинеток начинается...

Межсезонье. Осень

Ты знаешь, друг мой, в эту пору
езде костры: в садах, в полях.
И в душах... В душах второпях
сжигают грусть, пустую ссору,
чтоб не узнать в полутенях,
в полутонах – надежды крах,
зажав – синицею в руках –
мечту о чудо-журавлях,
об алых-алых парусах,
что на окно пошли. На штору.
Ты знаешь, друг мой, эту пору...

Межсезонье. Весна

Хоть оживают в пору эту
в душе погасшие костры,
но как прикажете поэту
творить без грусти и хандры?

Пускай весна, ручьи, капли,
апрель – лукавый месяц-враль...
А в сердце – белые метели
и нескончаемый февраль...

Я – не податливая глина
и, жизнь на мелочь не дробя,
любого вылечу от сплина.
Любого. Только не себя...

Мой май

Убегу от сомнений, тревог, укоризн
в мир, где серые дни под запретом.
И раскрашу свою чёрно-белую жизнь
солнцем, звёздами, небом, рассветом...

Я за всё и давно заплатила сполна.
Дождик смывает следы неурядиц.
Я рисую свой май, где гуляет весна
в абрикосово-нежном наряде...

ГРУСТНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В ЧУЖОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

*Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
синь очей утративший во мгле...
Сергей Есенин*

Кто я? Что я? Девочка-романтик,
о любви читавшая романы.
Грёзы на заре – как сон – обманны.
Развернула юность – лёгкий фантик,
а мечту похитили туманы...

Но на стыке страха и трагизма
знала, что Всевышний не допустит
засоренья даже малых устий.
И теперь я – капля оптимизма
в море неприкаянности-грусти.

Кто я? Дочь тревог и потрясений.
Ложечка надежды в бочке мрака...
Только что-то сил – как кот заплакал...
Мне б напиться, как Сергей Есенин...
Или просто-напросто заплакать...

3 октября. День рождения Сергея Есенина

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПАМЯТИ МОЕЙ

Время не бежит и не торопит,
жизнь не поворачивает вспять...
Только память, как в калейдоскопе,
будет понемногу рассыпаться

стёклышки – минуты и мгновенья,
стёклышки – картины и мазки...
Все они – одной цепочки звенья
прошлого сыпучие пески...

Но попробуй правильно их склей-ка,
повтори из прошлого урок.
Так судьба моя, золотошвейка,
вышила отчаянность дорог...

Равнодушный норд задует свечи,
и пороша след переметёт.
Время – ведь оно совсем не лечит,
просто тихо рядышком идёт...

БЕССОННИЦА

Ночью сойка ко мне прилетела
и стучалась отважно в окно,
будто что-то поведать хотела
иль напомнить о том, что давно

я была как свободная птица.
Галка-Галочка. Ветер был смел,
но со мною не мог он сравниться
в бесшабашности мыслей и дел;

в беззаботности веры – предтечи –
в то, что сказки живут вопреки
всем невзгодам, упавшим на плечи;
в то, что дни – это черновики:

захочу – и смогу всё исправить,
по-иному домыслить сюжет,
в пьесе новых героев добавить,
поубавить событий и... лет.

Сновидений тяжелые грозди
быть реальностью обречены.
В чёрном небе летящие звёзды
разрезают краюшку луны...

Марина БИРЮКОВА, Саратов. Поэт, журналист, редактор. Лауреат литературной премии имени Валерия Прокошина.

ПРОЩАЮЩИЙ СНЕГ

РУССКИМ ХУДОЖНИКАМ

Эти синие снега,
эти желтые окошки;
сеновалы, куры, кошки,
печь, корчага, кочерга...

Розоватый свет луны,
на траве холодной – тени;
палисадники – полны
доцветающей сирени;

Рожь волнами, зной в бору,
под горой родник с часовней...
Слов никак не подберу,
не скажу словами, что в ней,

в нашей русской стороне
есть такое... Слов не надо:
вон художник пишет стадо
с пастушонком на коне;

а вчера писал избу –
сельсовет-аптеку-почту:
желто-супесную почву,
бревна, черную резьбу...

Краски светят и поют –
Как и нам понять бы с вами,
то они передают,
что не в силах я словами?

– Живописцу благодать
подается, чтобы тайну
не раскрыть, а показать;
раскрывать же – Бог не дай нам.

НОЧНОЙ СНЕГОПАД

Я не в бою – в малодушном побеге:
плохо мне с тяжким щитом и мечом...
Что есть побег? – Это ночью о снеге
думать, а больше совсем ни о чем.

Только о том, как из выси холодной
белые массы влекомы к земле,
думать – и в том оставаться свободной,
Выключу круглый ночник на столе,

синюю штору свою отодвину –
мягкий густой снегопад за окном...
Штору задвинула наполовину,
снова легла, побеждаема сном.

Кто мне мое дезертирство прощает,
кто прикрывает удачный побег?
Кто посещает – когда посещает
грешную землю прощающий снег?

В НИКОЛЬСКОЙ ЧАСОВНЕ

Нечастые сосны, сырой снегопад,
растрепанный веник на мокром крыльчке...
В Никольской часовне поставим по свечке,
поправив, затеplим одну из лампад,

оставим в тарелке на школьном столе
бумажный полтинник и светлую мелочь...
А что вдруг еще захотела я делать –
неужто молиться за всех на Земле?

Куда мне – за всех на Земле-то, откуда
такое желанье взялось у меня?..
А странное чувство возможности чуда –
оно-то откуда? Тепло от огня –

и зимняя сырость, и много дорожек
на стеклах оконца, и сосны в снегу...
Делиться – но чем, кроме капель и крошек?..
Молиться – но как, если я не могу?..

Колеблется малое пламя лампы:
кресты на плечах и большие глаза...
Немного можем, тем более рады
тому, что он рядом; тому, что он за

все наши порывы, прозренья, открытья,
за то, чтобы с нами всегда чудеса...
Надеюсь, сумею теперь не забыть я
поездку декабрьскую в эти леса.

ОСЕННИЙ БУКЕТ

Дождливая осень. Какою-то будет зима?..
Завьюжит, затащит по самые окна дома,
большую лопату убрать не позволит в сарай;
пока же листву в переулке своем собирай
в пылающий
мокрый лохматый пятнистый букет...

Поймешь, собирая: причин для отчаянья нет,
есть теплая кухня – в нее ты с букетом вошла –
есть жизнь твоя – что же с того, что она тяжела?..
Сундук с чудесами тяжелым не может не быть...

Что правда, то правда –
беда поразительна прыть,
но сердце проворней –
когда оно чувствует путь,
когда прозревает незримую зримою суть;
когда задаешь ты хотя бы об этом вопрос...
Заварим шиповник. Под утро обещан мороз.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сухие звоны степных ветров,
овечьи крики, большие стаи...
Рюкзак надену, возьму ведро,
буханку хлеба в него поставив:

«Остановите вон там, где куст».
Ушел автобус. Ирга поспела:
вернет ли в детство забытый вкус?
Откос белеет полоской мела,

при каждом шаге хрустит кермек,
и странно видеть все небо разом,
и не постигнет, похоже, разум
того, что чувствует человек,

внимая звуку сухой травы,
следуя за белым небесным стадом...
То чувство в сердце бесценным кладом
до срока скрыто от головы.

СОВСЕМ ПРОСТО

Сложнее бы надо, да я ведь не в силах;
скажу-ка я попросту, что никогда
таких облаков не видала красивых,
а как их сейчас отразила вода...

А крохотный желтый цветок у дороги,
а яблоня старая в нашем саду...
Вот так ведь и знала: исполнятся сроки –
от всех притязаний на волю уйду.

И вот, я брожу, и вбираю, и внемлю,
и – в рифму, не в рифму ли – благодарю
за данное время, за тварную землю,
за воду, деревья, траву и зарю.

МАЙСКИМ ВЕЧЕРОМ

Малая форточка, ржавая сетка,
запах сирени и влажной земли,
кошку в саду потеряла соседка,
кличет и кличет кукушка вдали...

Слушаю дождик вечерний, и что же?
То, что я чувствую, – как мне назвать?
Не благодатью ли? Господи Боже,
Это и вправду Твоя благодать.

Запах сирени и мягкой полыни,
в тучах растасканных светлый закат...
Это со мной совершается ныне,
Это в моей происходит пустыне...
Как же ты нищ, человек, и богат.

ЖЕНЫ–МИРОНОСИЦЫ

– Ничего не забыли, Марфа?
– Как будто нет...
– Только в голос не плачьте, слышите? Иоанна!..
– Я тихонько, сестрица...
– Скорее, уже рассвет!
– Кто нам камень отвалит?

...Под кров свой вводили странна,
одевали нага – хотя бы во что-нибудь,
для голодных держали хлеб, для избитых – масло –
и не взяли страха с собою в недолгий путь:
– Что нам, сестры, терять? –
наше Солнце вчера погасло.

Что у вас остается? Любовь и последний долг;
Как малы ваши силы... Но их ли сейчас не хватит?
Семь заплаканных женщин – непобедимый полк –
вы идите, а камень Он Сам же вам и откатит.

ДОМ

Шапочка снега на крыше скворешни,
иней колечком на темном летке.
Тонут в едином сугробе черешни,
ходит хозяйка в мохнатом платке:

с мискою теплой овсянки – к собаке,
к долгой веревке – с лоханью белья...
Мир, о котором я паки и паки
буду молиться, и только ли я?

Смолка поленьев, гудящая печка,
образ в окладе из чайной фольги,
трудные зимние скрипы крылечка...
Молимся все: огради, помоги

старому дому среди нового мира
быть, образа и альбомы храня
– чтобы Татьяна Дружка покормила
рдеющим утречком Судного дня.

ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ

Долгие провода – лишние слезы,
краткие провода – словно топор...
Реченька, реченька, омуты-плёсы,
то березняк, то осинник, то бор –

снись мне и снись, чтоб тобой утешалась,
птица-синица, звени наяву...
Я отрубая к самой себе жалость –
я уже после прощанья живу.

Чуткую ветку оставила птица,
небо мелькает в излучинах рек...
Век не прощаются: надо проститься
разом и вместе остаться навек.

*Надежда СМЕРНОВА, Екатеринбург.
Поэт, член Союза писателей России.*

И ВСЁ ЖЕ, ВСЁ ВОКРУГ – ЛЮБОВЬ...

Из книги «Вода времени»

Кто-то вытолкнул солнце
и повесил над прудом
золотое оконце,
ежедневное чудо, –

и оно покатилося
в голубую свободу,
на осколки разбилось
о зелёную воду.

Проплывают плотвицы
в нижнем сумрачном мире.
Пролетают две птицы.
Да не две, а четыре!

Пролегла светотень
разноцветною пудрой.
Здравствуй, солнечный день,
с добрым утром!

Так всё лето и живёшь
с удочкой в руке –
то ли по небу плывёшь,
то ли по реке;

изумлённый ловит взгляд
чудеса везде:
вон два коршуна парят
в небе и в воде,

вон два солнца, две горы,
два моста дугой –
словно проросли миры
сквозь один – другой,

лодки две и два коня
здесь и в зеркалах,
два тебя и две меня
с рыбами в руках.

Как тяжело и низко над водой
большая птица
летит. И мир седой
в пруду двоится.

Как трогают крючок и поплавок
округлым оком,
клюют. И попадают в садок
плотва и окунь.

Как бесконечной нежности исток
болит и виснет
в ночи. И как ты одинок
на склоне жизни...

Как быстро износился день,
и лето покатилося с горки,
и солнца острые иголки
съедает облачная тень.

Подобна лету наша жизнь, –
тепла и ласки было мало,
зато печали до отвала.
Куда, скажи, она бежит?..

Скажи, мой друг, куда уходят дни
и прошлого становится всё больше,
и будущее корчится от фальши?..
Цени же настоящее, цени!

Под сенью Родины моей
(она – живительный источник)
я лодочкой по глади дней
непрочной
плыву, живя не напоказ,
легко, светло, но знаю точно:
жизнь обрывается на раз.
И точка.

Ирине Гоношилиной

Завтрашний день никому не даёт обещаний.
Прошлое не стирается, сколько ни три.
Стоит ли заморачиваться вещами
столь бесполезными в жизни, сама посмотри.

Только и есть, что твоё золотое сегодня.
Им и живи (у кого-то совсем ничего).
Дальше, как Господу Богу угодно.
Я подчиняюсь всецело воле Его.

Вадиму Мельникову

Как можно дольше держись за жизнь,
не отпускайся, не отпускаяй,
не улетаешь в голубое sky!
Не заставляй меня nostalgic.

Я и сама на семи ветрах,
без сна, без дома, без головы,
но беспокойство моё и страх
не за себя. За тебя, увы.

Вся наша жизнь, говорят, игра,
где игроков-то почти уж нет.
Пусть недостойны мы слова рай,
но если вдруг... То иди на свет.

Время не возвратится,
жизнь не переиначишь,
сырый, подобно птице,
сам над собой заплачешь.

Сердцу задашь вопросы
и, не найдя ответы,
взгляд обращаешь в осень,
к свету.

На журавлиной нитке взгляд
и день на журавлиной нитке,
когда тоскуют и болят
деревья от осенней пытки:

на пальцах выступает кровь,
смарад съедает позолота.
И всё же всё вокруг – любовь
и жизни вечная работа.

Господи Боже, а что это было?
Жизнь просвистела, а всё те же вилы,
всё те же грабли, камни, дороги,
те же пороги и те же пороки,
и неусвоенные уроки.

Тихо стою у неё на краю,
пе-
ре-
ос-
мыс-
ли-
ва-
ю.

Не говорю о небе.
Не говорю о Боге.
Не говорю о вере.
Речь – суета сует.

Небо – помнит мой лепет.
К Богу – своя дорога.
Вера – отмерена мерой.
Просто лечу на свет.

Белый туман над травой,
солнце над головой,
времени миражи
созданы для того,
чтоб жить.

И никогда, никогда
обетованную твердь
или желание петъ
не заберешь туда,
где смерть.

Ходят по холоду нежность и страх,
хруст рассыпаемой ангельской соли,
крыльев крапивницы краткий взмах
прячется на антресолях
памяти, сна и задворках ума,
в тихих стихах, между слов и строчек, –
выдохнешь лето, и снова зима
призраком белым хохочет.

Огонь, пылающий в печи,
особой обладает речью:
он зверем ласковым урчит,
спасая душу человеческую,

грызёт весёлое смольё,
подмигивая красным оком,
чтоб одиночество её
не слишком было одиноко,

чтоб дом, наполненный теплом
хозяйкой этой неумелой,
от горьких мыслей о былом
не разрешил расстаться с телом.

Бусы синие синиц
на упругих проводах.
С Божьих катится ресниц
невесомая вода.

Кот проходит через двор,
на нетронутым – следы.
В белом небе разговор
тихой и сухой воды.

И только на пороге смерти
единственную обретаешь истину:
жизнь новые круги начертит
необъяснимо и таинственно.

Пусть сердце падает и виснет
на нитке серебристо-узенькой,
но сколько, сколько в прозе жизни
поэзии и музыки!

Фёдор ГОРОБЦОВ, член Союза писателей России, адвокат Ульяновской областной коллегии адвокатов, поэт, бард. Автор поэтический сборников «Встреча с Фемидой», «Дело. Не уголовное», «Тет-а-тет».

ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ НЕ В СЧЁТ

Эльбрус, прекрасный и седой
В папахе снежной, что не тает,
За нашей глупой суетой
С печальной грустью наблюдает.

Как много было, будет нас
Здесь, у подножия вершины.
А восхитительный Кавказ
Стоит веками нерушимо.

Ласкает солнце по утрам,
Щадя недолгою прохладой,
А мы подобны муравьям
Пред этой грозною громадой.

Прозрачней девичьей слезы
Косички рек и водопады.
Кавказ, люблю твои красы,
Хребтов немислимых каскады.

Наш век что от мангала дым.
Ты учишь нас не суетиться.
Но даже здесь мы вновь спешим,
Не смея приостановиться...

Москва, Москва, люблю тебя как сын,
Но чувствую себя осиротело.
При ярком блеске красочных витрин
В душе моей ты как-то потускнела.

Нет прежней домотканой простоты,
Во всём сквозит имперское величие,
И видя стен громадных безразличье,
Я не могу по-прежнему, на «ты».

Очередной изгиб в твоей судьбе.
И пусть ты всех нарядней и красивей,
Душа России, что жила в тебе,
Ушла в глубинку матушки России.

Тебя, явленной с глубины веков,
Уже без русских, суетно и тесно,
Заполонили дети кишлаков,
Ползучая орда из Поднебесной.

Есть Волга, Кама, Обь, Урал, Ока,
И будет тот, кто в годы роковые,
Поднимет меч, как в прошлые века
За Честь и Славу милой нам России!

Словно девичьи косички,
С гор струятся ручейки,
Заплетаюсь по привычке
В русло мощное реки.

И украсив пеной гривы,
Пусть не очень широка,
Мчится весело, игриво
Эта мощная река!

Страсти в ней бушует пламя!
Шаловлива как дитя!
Как в насмешку с валунами
Расправляется шутя!

Ни минуты не сидится!
Беспокойная душа!
Ах ты, дерзкая девица,
До чего ж ты хороша!

А река несётся мимо!
Прочь и скука, и хандра!
Ты ответь, моей любимой
Ты случайно не сестра?

*Увы! Злой дух торжествовал
Поэма «Демон», М.Ю. Лермонтов*

В который раз у Машука...
Я вижу секунданта лица.
Друзья волнуются слегка.
Стоит Поэт.

Стоит убийца,
Уж отказавшийся мириться,
Готовый совершить за вздор
Судьбы смертельный приговор.
Он не дрожит.

Его рука

Спокойно гладит сталь курка.
Как знак и предзнаменование
Грядущей смерти и прощанья
В свинцовой черни облака.

Ужасный ливень спешно скроет
Следы убийства, крови след.
В траву упавший пистолет
И тело мёртвое омоет.

Я – как юнец, с надеждой страстной
Жду! Всё изменится! Сейчас!
И не изведает Кавказ
Поэта гибели напрасной...
Я был бы счастлив не родиться,
Когда б у подлого стрелка
Неволью дрогнула рука,
Иль он дуэли стал стыдиться.
И мой захватывает дух
При мысли, что явил бы Гений,
Когда б тот ряженный петух
Немного б в сторону отвёл
В убийствах закалённый ствол.
Но нет, петух не знал сомнений
И мстил, пустышка и пигмей,
По воле чуждой, не своей.

А Демон, сев на камни склона,
С улыбкой мрачной, благосклонно
И торжествующе взирал,
Как враг его на землю пал.
Взглянув последний раз, зевая
И в синь небесную взмывая,
С презреньем и тоской изрек:
«Ты слаб, несчастный человек»

В борьбе извечной тьмы и света,
Где победителю не быть,
Глаголом, гением поэта
Поэт стал Господу служить.

Бессмертный Демон – дух изгнания,
За правду хлёткую строки
Избрал поэту наказание –
Смерть от мартыновской руки.
Когда твой враг коварен, скрытен,
Когда он бьёт исподтишка,
Пред ним всегда ты беззащитен,
И даже крепкая рука
Спасти не сможет от клинка,
Будь молодой ты или старый,
От в спину подлого удара.

А сколько нас уж сотни лет
Не в силах с гибелью смириться
Согласны были б не родиться,
Чтоб жил и здравствовал Поэт!

Машук, я снова пред тобою,
Припал к земле в который раз.
Поэт, душой твоей живою
Пропитан жертвенный Кавказ.

И словно чувствуя вину,
Кавказ безмолвен, не вулканит,
Лишь только радостно стаканит
Вином заблудшую страну...

Июнь 2021

Я когда-то умру, хоть и жить вознамерился вечно.
Дождь омоет всё то, что до этого мною звалось.
Что бурлило, смеялось, боролось и жило беспечно,
А теперь вот лежит с моей грешной душою поврозь.

Так, увы, повелось, мы всегда умираем неожиданно
И о бедной душе вспоминаем, но лишь проходя.
Кто-то молча взгрустнёт, пожалев об ушедшем так рано.
Кто-то зонт распахнёт и прикроет себя от дождя.

Ни о чём не грущу, хоть и жил не всегда как хотелось,
Не сумел я всего, к чему страстно тянулась душа.
Было всё от души, и страдалось, и радостно пелось.
Ах ты, жизнь, моя жизнь, до чего ж ты была хороша!

Бесталанность моя не идёт ни в какие ворота.
Что я с блеском умел? Лишь одно – бестолково спешить.
Но и в жизни моей было тоже полезное что-то:
Я – прекрасный пример для других, как не следует жить!

Может, этот пример все иные грехи перевесит,
Приплюсуется то, что голодным когда-то подал,
Не забудется то, что я был и над пропастью весел,
И что я никого в глупой жизни своей не предал.

Мы уходим всегда, не допив, не допев, не дослушав,
Но я верю: мой внук недопетый куплет допоёт.
И что будет одна, кто мою непутёвую душу
Перед Богом отмолит, а всё остальное не в счёт.

Владимир АРТАМОНОВ, член Союза писателей России, поэт, бард, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка, литературы и журналистики УлГПУ им. И.Н. Ульянова.

26 января 2022 года в креативном пространстве «Квартал» состоялся концерт-презентация новой книги В. Артамонова. Автор представил слушателям сборник стихов-песен «Пробы перьев и струн».

Эпиграф к сборнику: «Пробам перьев и струн да не будет конца! Неуёмен и юн – нрав и возраст певца! Знаю: буду распят, но Господь вознесёт, если перья скрипят, струны не снят, сердце поёт!»

ОТ ПЕСНИ К ПЕСНЕ ПУТЬ

Из книги
«Пробы перьев и струн»

*Пробам перьев и струн да не будет конца!
Неуёмен и юн – нрав и возраст певца!
Знаю: буду распят, но Господь вознесёт,
Если перья скрипят, струны не снят, сердце поёт!*

Менестрель

Было время – зиму я не любил.
Было время – время я торопил.

Всё завидовал медвежьему сну:
мне б из осени да сразу в весну!

Мне б не знать зимы ни дня, ни полдня –
пусть короче станет жизнь у меня.

Что с того, ведь с ноября по апрель
о весне тоскует мой менестрель.

Было время – зиму я не любил.
Было время – время я торопил.

И оно однажды отозвалось:
покатилось с ветерком, понеслось.

Не заметил лета – осень, и вот –
если календарь не врёт – Новый год!

Побелила деревья, терема
и куда-то упылила зима.

Было время – зиму я не любил.
Было время – время я торопил.

А теперь – итог вполне объясним –
я уже не поспеваю за ним.

Всё уходит – даже эта зима,
что вдруг стала дорога мне весьма.

Даже то, что с ноября по апрель,
не вернуть – вот так-то, мой менестрель.

Мартовский снег

В марте выпал снег...
Как его мы ждали
в стылом феврале
месяцем назад...
В марте выпал снег,
но теперь едва ли
кто-то на земле
снегу будет рад.

В марте выпал снег...
«Как же он некстати! –
возмутился мир. –
Что он возомнил?
Мы уже к весне
стали привыкать, и
нам не до зимы,
нам не до зимы!»

В марте выпал снег –
хорошо не в мае!
Если кто и ждал,
ждать уже устал.
Неужели снег
сам не понимает,
как он опоздал,
как он опоздал?

Эх, кабы знать заранее всё, что со мной случится

Эх, кабы знать заранее
всё, что со мной случится,
чтобы на поле брани
вовремя уклониться

от смертоносной пули –
пусть бы летела мимо,
чтоб не идти вслепую
да напрямиком на мины...

Хлеба ища и крова,
я б не ходил по кругу,
неосторожным словом
я б не обидел друга.

Зная, как стыдно станет,
так бы не напивался,
той, что меня обманет,
так бы не добивался.

Зная, что буду битым,
я б не ввязался в драку,
не торговал в убыток
и не дразнил собаку...

Сколько ошибок глупых,
непоправимых, грубых,
может, не совершил бы...
Жизни достиг вершин бы...

Только вот в жизни этой
новой, благополучной,
разве б я стал поэтом?
Выбрал бы что получше...

Ночь-сестрица!

Опять мне не спится!

Ночь-сестрица!
Опять мне не спится!

Ветер с Волги
затравленным волком

воет, воет...
А где уже двое,

нужен третий...
Ну ветер так ветер...

Эти плети
да на мои плечи,

эта стужа
да по мою душу,

рыщут беды –
по моему следу,

а до счастья –
век не докричатся!

Ночь-сестрица!
Ну разве годится:

столько боли
да на одну долю?

Лишь калечит
время – не лечит.

Ночь да ветер...
Никто не ответил...

Снова плети,
да на мои плечи,

снова стужа,
да по мою душу,

рыщут беды –
по моему следу,

а до счастья –
всё не докричатся!

Здесь

Меня поправьте, если я не прав,
а прав – так этим стоит ли гордиться? –
ЗДЕСЬ добрым людям не нажать добра,
а правым сроду правды не добиться!

ЗДЕСЬ на несчастье счастье рождается.
Стих – вопиющего в пустыне глас.
В чужое платье часто зло рядится
и очень привлекательно подчас.

Но где-то ЗДЕСЬ, в нелепом и убогом...
мне к Богу суждено найти дорогу.

О войне

Во дворах моей страны
подрастают пацаны.

Им, не ведавшим войны,
дед, попробуй объясни,

какова на вкус война.
– Да, пожалуй, солона –

это слёзы, кровь и пот
всех попавших в переплёт...

Столько рядовых бойцов –
чьих-то братьев и отцов,

сыновей и дочерей –
стали пищей для червей,

что не все погребены –
я о запахе войны!

– Какова на цвет война?
– Вся от горюшка черна.

Миновало столько лет,
а её кровавый след

в мёртвой выжженной земле
продолжает сниться мне...

– Дед, а правда, что война
для кого-то мать родна?

– Для политиков-лжецов,
толстосумов-подлецов,

что, забыв о судном дне,
богатеют на войне.

Ну и мачеха – не мать –
полюбившим убивать,

ведь и их, своих птенцов,
сгубит та в конце концов...

Во дворах моей страны
мяч гоняют пацаны.

Им, не ведавшим войны,
ты попробуй объясни,

какова она война,
если в мир пришла весна...

Что забыла ты, Война

Что забыла ты, Война,
в стороне моей певучей?
Налетели чёрной тучей
грозовые времена...

Кто-то там на небеси,
видно, нами недоволен –
не до песен стало боле –
только плач по всей Руси...

Значит, снова в стремена –
запылали наши сёла,
и каурый мой осёдлан.
Уж прости меня, жена,

но я малость повоюю.
Может, орден заслужу,
может, голову сложу
буйну в первом же бою я...

Что забыла ты, Война,
в стороне моей певучей?
Налетели чёрной тучей
грозовые времена...

Слушая музыку

Слушая музыку,
а не одни позывные желудка,
вырастишь душу терпимой и чуткой,
слушая музыку...

Слушая музыку,
а не орудий озлобленных ругань,
люди научатся слушать друг друга,
слушая музыку.

Слушая музыку,
сколько благого ещё совершу я,
так ли уж много у Бога прошу я,
слушая музыку?

Слушая музыку,
жить на земле и тобой любоваться,
и целоваться, и не расставаться,
слушая музыку...

Слушая музыку,
сердце моё так бы билось и билось,
а если б всё-таки остановилось –
слушая музыку.

Солнышку пятьдесят –
даже не верится...
Годы вовсю рысят –
прытью мерятся...

Не повернуть назад,
ну и пожалуйста!
Солнышко! В пятьдесят
жизнь продолжается:

так же цветущий сад
радует красками!
Солнышко в пятьдесят
светит мне ласково!

Годы вовсю рысят,
прытью мерятся –
этот земной расклад
вряд ли изменится.

Глупые голоса –
разве кто сжалится,
только и в пятьдесят
жизнь продолжается,

словно цветущий сад,
радует красками...
Солнышко в пятьдесят
светит мне ласково.

Быть рядом с тобой

Встречаю я нечасто
довольных судьбой –
а ропот слышу всюду,
ведь всяк обделён...
За что мне это счастье –
быть рядом с тобой?
За что мне это чудо?
Ведь это не сон?

За сына ли молилась
так истово мать,
что внял Господь, не смея
пройти стороной,
и дал мне эту милость –
тебя обнимать,
от нежности немея?...
Ты вправду со мной?

До неба достучаться
мечтает любой,
немногим по плечу то,
но я вознесён...
Какое это счастье –
быть рядом с тобой!
Какое это чудо!
И это не сон!

Мир без тебя

Хочешь, я расскажу тебе,
как я жил без тебя на свете,
где носил меня вольный ветер,
хочешь, я расскажу тебе?

Хочешь, я расскажу тебе,
что он представлял из себя –
мой мир без тебя?

А он не так уж плох
был:
там по реке мой плот
плыл,
светило солнце днём
в нём,
ночь обнимала сном,

будил меня рассвет –
свет,
а где-то таял след
лет.
Мир подходил вполне
мне,
и вот тогда извне

в нём появилась ты
вдруг –
небесной чистоты
звук,
и сделались грустны
сны
от музыки весны.

И я поплыл рекой
рифм,
гитарный под рукой
гриф,
от песни к песне путь
пусть
моя проложит грусть.

В песне я расскажу тебе,
как я жил без тебя на свете,
где носил меня вольный ветер,
в песне я расскажу тебе.

В песне я расскажу тебе,
что он представлял из себя –
мой мир без тебя?

Уходят кумиры

Уходят кумиры –
где тонко, там рвётся.
От нашего мира,
увы, остаётся

не очень-то много...
А стало быть, братцы,
нам тоже в дорогу
пора собираться.

А мы – простофили,
а мы – динозавры,
и новые фильмы
появятся завтра,

и новые квесты,
и новые танцы,
но нам здесь не место –
ведь мы – иностранцы.

А новому миру
не надо и даром
ни наших кумиров,
ни старой гитары,

с которой успели
ни мало, ни много,
но всё же воспели
любимых и Бога.

И может быть, это
нам с нею зачтётся,
и Бог улыбнётся
за облаком где-то

и лишним рассветом
одарит поэта,
позволив допеть,
что ещё не допето...

Уходят кумиры –
где тонко, там рвётся.
От нашего мира,
увы, остаётся

не очень-то много...
А стало быть, братцы,
нам тоже в дорогу
пора собираться.

Самолёт бумажный

Самолёт бумажный
из тетрадного листка
смастерю однажды:
пусть пронзает облака...

Пусть пронзает облака,
маленький, но дерзкий, –
часто с крыши запускал
я такие в детстве.

Самолёт бумажный
в удивительный полёт
поведёт отважный
пластилиновый пилот.

Я и сам давно хочу
в высь подняться тоже,
оттого пилот чуть-чуть
на меня похожий.

Самолёт бумажный,
улетаешь ты куда?
Он крылом помашет
и растает без следа.

Он назад не повернёт,
даже не надейся...
Но увидевший полёт
точно вспомнит детство!

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Яна СОЛСТЭМИНА, художник, дизайнер. Занимается фотографией, сканографией. Пишет стихи. Окончила СПбГУТД и Международную школу дизайна.

МОЙ ДОМ – КОРАБЛЬ

Милая, я стал невозвращенцем
Из далёких ясно-летних дней,
Прячется по ранкам заусенцев
И саднит ноябрь ещё сильнее.
Милая, цветы в полях угаснут,
Будет день – дорога далека.
Васильков и маков ярко-красных
Реки покидают берега.

Ты мне снилась, зовя на пристань
Незнакомой сырой земли,
Где в звенящем воздухе чистом
Хлопья снега жасмином цвели.

Среди пыли, руин и хлама
Где-то ждёшь ты, одетая в шёлк.
Я заснул на ступенях храма,
Я опять тебя не нашёл.

Вереск и мох путь твой стелют
 Руслими северных рек.
 Буду беречь тебя, как сумею,
 Вся вечность тебе в оберег.

Я – озеро в твоей руке,
 волна весенних слёз.
 Я – предсказание на песке
 Всерьез.

Город укутан тёмной зимою,
 В горы уйду налегке:
 Декабрьским утром я руки омою
 В вечной весны роднике.

В четверг обещают снег,
 Потом обещают зиму.
 Июльское море во мне
 Непобедимо.

ВЕРЛИБРЫ

И если всё это правда,
 И на земле
 Все моря и океаны связаны,
 То отправься к ближайшему от твоего дома
 морю

И опусти руки в воду,
 И я сделаю то же,
 И от волны волна
 Передаст тебе мои прикосновения.

И здесь, и далее,
 как от волны волна:
 И я буду рядом,
 буду держать твою руку
 И только и нужно, что море...
 Мои прикосновения помни.

Море!
 Это соль твоя
 в уголках моих глаз,
 это твой песок
 отмеряет мои часы,
 это волны твои
 в волосах моих вьются,
 это камни твои,
 из которых я строю дом.

В раковине прибора
 Твой голос укоренился:
 Слышу его, без волн тишину
 И птичекрылый шелест.

Линия сердца пересеклась
 С линией горизонта:
 Это точке равняется чайка,
 В этой точке звучит чистота.

Время слушать и время молчать

Время листьям твоим осыпаться,
 Время птицам твоим засыпать.
 Время тени под пологом вспыхнуть,
 Время в полночи к звёздам прийти

Время слушать и время молчать

Летняя ночь
 дышит жасмином за занавеской.
 ветер молчит,
 солнце спелёнуто сном.
 Очередь звёзд говорить

Я по морям ходил,
 мой дом – корабль,
 а я в нём – капитан,
 вперёдсмотрящий,
 юнга и матрос.
 А бортовой журнал
 был полон снами:
 все сбылись.
 Я ждал себя на берегу,
 проснувшись,
 я по морям ходил,
 мой дом – корабль.

Я говорил во весь голос,
 но слова мои смыло дождём.
 Может, если пойти по течению,
 то я снова их обрету?

И я следовал линиями тротуаров
 и белёсых двойных сплошных:
 ничего, ничего, ничего.
 В серых лужах сплошное небо.
 Может, так и задумано?
 Что я могу такого сказать,
 что станет неба красивее?
 Я говорил во весь голос,
 но слова мои смыло дождём.
 Только голос ещё остался,
 так я могу позвать тебя:

Не забудь посмотреть под ноги,
 там сегодня сплошное небо.

Татьяна СТЕПАНОВА, хранитель усадьбы «Лог»
(дома-музея Ал. Алтаева). Псковская область

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Посылаю Вам интересную фотографию. Я назвала ее «Бывают странные сближения», или Как Курбатов с Симбирском встречался...»

Помните, как в советское время невъездная читающая публика гуляла по Парижу благодаря «Празднику...» Хемингуэя, а по Риму, пересматривая кинофильм «Римские каникулы» с Одри Хепберн. Наш Курбатов побывал в этих городах только в 1990-е годы. Много раз бывал в Сибири, в Симбирск так и не съездил, а собирался, очень хотел поглядеть на места своего рождения.

Но ведь оказался в его руках «Симбирский дневник» А.В. Жиркевича, изданный внучкой автора Натальей Григорьевной Жиркевич-Подлеских, правнучкой Вашего симбирского губернатора Владимира Степановича Жиркевича, и случилась Встреча!

Так часто бывает: любящее сердце одного улавливает своим даром сердце другого. Чувство благодарности сохраняет память, и жизнь расцветает новыми знакомствами, встречами с людьми и книгами. Вспоминаю, как мы заслушивались историей жизни семейства Жиркевичей, оставившей свой неповторимый след в Симбирске. Наталья Григорьевна умерла за три с половиной месяца до Валентина Яковлевича Курбатова, недавно похоронили Татьяну Николаевну Недосекину, псковскую тележурналистку, очень близкого друга Валентина Яковлевича. С ними для меня ушла целая эпоха...

В адрес журнала пришло письмо от Татьяны Николаевны Степановой, с которой мы заочно познакомились благодаря краеведу Сергею Борисовичу Петрову, а позже встретились на Курбатовских чтениях в Пскове. Сама Татьяна Николаевна считает, что творческие связи с Симбирском предуготовлены ее встречей, знакомством, общением с внучкой А.В. Жиркевича, Натальей Григорьевной Жиркевич-Подлеских, которая в свою очередь была дружна с Валентином Яковлевичем Курбатовым. В письме была вложена ценная для нас, симбирян, фотография...

Елена КУВШИННИКОВА

Наталья Григорьевна Жиркевич-Подлеских и Валентин Яковлевич Курбатов на Псковском железнодорожном вокзале, август 2019 года

Объявлен Всероссийский конкурс декламационного мастерства «Курбатов на каждый день»

Конкурс видеороликов проводится в память о писателе, критике, поэте, лауреате Государственной премии РФ Валентине Яковлевиче Курбатове (29.09.1939–06.03.2021).

Положение опубликовано на сайте Псковской областной универсальной научной библиотеки: <http://pskovbib.ru/>

Электронный адрес: kabinetkurbatova@pskovbib.ru

Региональный молодежный творческий конкурс «КАК ПЕТР I ПО ВОЛГЕ ХОДИЛ...»

Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина объявляет о начале приёма заявок на региональный молодежный творческий конкурс «Как Петр I по Волге ходил...» Конкурс проводится в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 25.10.2018 г. № 609 «О праздновании 350-летия со дня рождения Петра I», в целях формирования интереса молодежи к истории своей Родины и роли личности в становлении Российского государства.

К участию приглашаются молодые литераторы и художники, проживающие на территории Ульяновской области, **в возрасте от 7 до 35 лет** включительно, как профессионалы, так и любители.

Конкурс проводится **по двум номинациям**: «Художественное слово» и «Художественное творчество». Участникам предлагается на основе исторических данных представить свое видение путешествия Петра I в Симбирск.

В номинации «Художественное слово» принимаются эссе, стихи, поэмы, рассказы заявленной тематики. Общий объем не должен превышать 3 печатных листа.

В номинации «Художественное творчество» принимаются рисунки заявленной тематики. Техника и жанр исполнения работ – свободные. Работы могут быть выполнены как в традиционных техниках – графике и живописи, так и с помощью компьютерной графики (но распечатанные в соответствующем конкурсном формате). Размер работы – формат А3 без оформления. Рисунки принимаются в электронном виде в формате JPG. Оригиналы работ, допущенных до очного просмотра, необходимо предоставить в оргкомитет конкурса (пер. Карамзина 3/2, отдел краеведческой литературы и библиографии) с 28.04.2022 по 30.04.2022 г. Информация о допуске до очного просмотра будет направлена участникам дополнительно.

Д.И. Архангельский.
Церковь Петра и Павла в Подгорье

Заявки на конкурс и конкурсные работы предоставляются в электронном виде **по электронному адресу kak_petr_hodil@mail.ru с пометкой «На конкурс» с 24.01.2022 года по 24.04.2022 года включительно.**

По итогам конкурса будут определены три лучшие работы в следующих возрастных категориях:

- 7 – 11 лет;
- 12 – 17 лет;
- 18 – 35 лет.

Победители и призеры конкурса получают дипломы и памятные подарки. Лучшие работы в номинации «Художественное слово» будут опубликованы в литературном журнале «Симбирск», а также на сайте Ульяновского регионального отделения «Союз писателей России». Лучшие работы в номинации «Художественное творчество» примут участие в выставке «Петр I и Симбирск», а также будут напечатаны на баннерах в рамках празднования Дня России.

Для справки: Согласно историческим данным, Петр I посещал Симбирск дважды: в 1722 г. во время пути в Астрахань и в 1723 г., когда отправился в поход к Дербенту.

В 1722 году, направляясь в Астрахань, Петр I останавливался в Симбирске, факт посещения самого города остаётся неподтверждённым. Указывается лишь на то, что во время разразившегося шторма на Волге Петр I был вынужден сделать остановку в симбирском подгорье. Впоследствии на том месте, где останавливался император, была построена церковь во имя святых апостолов Петра и Павла.

Второй раз Петр I по пути к Дербенту в 1723 году останавливался у Симбирска и на берегу Волги пил чай. «Во время его пребывания под горой во всех городских церквях производился трезвон и, как видно, с особым усердием и искусством». Позже Петр прислал в подарок городу икону Одигитрии в богатой серебряной ризе. Икона хранилась в Троицком соборе.

И спустя столетия, уже в Ульяновске, вновь появляется петровское наследие – в июле 1941 года из Ленинграда в Ульяновск на нескольких баржах были доставлены наиболее ценные экспонаты и библиотека Центрального Военно-морского музея, среди которых был ботик Петра I «Святой Николай».

Корабль, который называют «дедушкой русского флота», долгое время хранился в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, в начале 20-го в. был перемещён в Петергофский парк, а в 1940 году стал частью постоянной экспозиции Центрального Военно-морского музея. В Ульяновске ботик размещался в лютеранской церкви Святой Марии.

**Телефон для справок 8 (8422) 44-30-84,
отдел краеведческой литературы и библиографии.**

МАСТЕРА ФОТОГРАФИИ

Старая гвардия

В конце минувшего года фотожурналист Владимир Ламзин в креативном пространстве «Квартал» рассказал слушателям об известных ульяновских фотокорреспондентах, оставивших след в истории нашего края. Это А.И. Маркелычев, А.Ф. Галагоза, А.М. Кубарев, Ю.Н. Белозёров. Их объектив запечатлел пейзажи, портреты, жанровые сценки, общественно значимые события. Их общий фотоархив – достояние нашего края, фотолетопись жизни наших земляков с советского времени и до начала XXI века.

(Фотографии можно увидеть на сайте Ульяновского отделения Союза журналистов России).

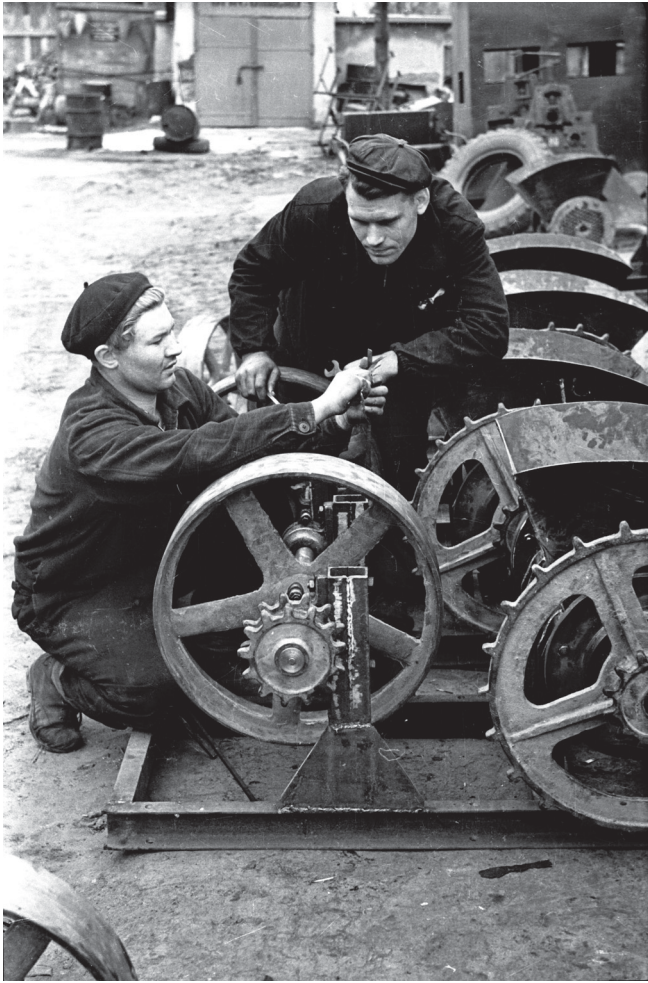
Благодарим В.А. Лучникова за помощь в подготовке публикации.

Александр Иванович МАРКЕЛЫЧЕВ (07.12.1908–18.01.2009).

Родился в Ульяновске. В 14 лет остался без отца. Кроме него в семье было еще трое детей. Рано начал свою трудовую жизнь. Потом была служба в армии. Любовь к фотографии и способности к рисованию привели в офицерский клуб на должность художника-оформителя. Первый газетный снимок Александра Маркелычева увидел свет в армейской газете «Красноармеец» Приволжского военного округа. После службы в армии вернулся в Ульяновск. 13 февраля 1935 года впервые переступил порог редакции ульяновской газеты «Пролетарский путь». В годы Великой Отечественной войны воевал на Карельском фронте. Войну начал в звании старшего сержанта, вернулся домой старшим лейтенантом. Командовал воздушной разведкой дивизии и одновременно являлся начальником аэрофотослужбы. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени.

С 1945 по 1963 год работал фотокорреспондентом областной газеты «Ульяновская правда». В 2008 году (в год своего 100-летия) был награжден почетным знаком «Заслуженный работник СМИ Ульяновской области».

Авксентий Феодосьевич ГАЛАГОЗА
(26.01.1939–22.05.2001), фотожурналист, мастер художественной фотографии.

Фотографией увлекся в армии. Демобилизовался в 1967 году и до конца жизни занимался фотографией профессионально. Путь фотокорреспондента начал в газете «Ульяновский комсомолец». Затем работал во многих газетах Ульяновска: «Народной газете», «Симбирских губернских ведомостях», «Симбирском курьере». Фотограф редкого таланта, обладал особым взглядом художника, редкой способностью обнажать тайны бытия, оживлять предметы и преображать сущее. А.Ф. Галагоза был востребован многими изданиями. Лауреат конкурсов газет «Правда» и «Советский спорт», журнала «Огонёк», многих профессиональных и любительских фотоконкурсов, в том числе областных. В Ульяновске неоднократно устраивались персональные выставки фотомастера.

С писательницей Лидолией Никитиной

Поэт Николай Благов

Алексей Михайлович КУБАРЕВ (07.12.1954–02.09.2011), член Союза журналистов России, обладатель наград на профессиональных конкурсах, автор многочисленных персональных фотовыставок в России и за рубежом.

Занимаясь фотографией, А.М. Кубарев, по существу, продолжал семейное дело.

Его дед Алексей Евсеевич до революции имел в Симбирске свое фотоателье. Его сын – Михаил Алексеевич – продолжил дело отца, вместе с супругой они долгие годы работали в одном из фотоателье Ульяновска.

Их сын Алексей Михайлович Кубарев окончил исторический факультет Ульяновского пединститута, некоторое время работал учителем. Но гены

оказались сильнее. Его снимки сначала появились в студенческой газете «Призвание», во время службы в армии – в армейской газете. В 1981 году снимок Алексея Кубарева напечатала «Ульяновская правда». Алексей Кубарев стал настоящим профессионалом.

Жизнелюбием и позитивным настроением были пропитаны и жизнь Алексея Кубарева, и его творчество. А жизнь и творчество были для него неразрывны.

Юрий Николаевич БЕЛОЗЁРОВ (1939–2015)

Родился в г. Воронеже. Во время Великой Отечественной войны семья эвакуировалась в Казань. Там Юрий окончил школу, начал трудовую биографию – токарем, затем лаборантом на одном из заводов. В 1958 году работа Юрия Белозёрова призвали на срочную службу в Советскую армию. Он начал сотрудничать с газетой «За Родину» Приволжского военного округа, и журналистская стезя увлекла его. Юрий Белозёров окончил факультет журналистики Казанского университета. С 1971 года жизнь и творчество Юрия Николаевича были связаны с Ульяновской областью. Более 20 лет он работал собственным фотокорреспондентом ИТАР ТАСС по Ульяновской и Куйбышевской областям, Мордовской АССР.

В Ульяновске сотрудничал с газетами «Ульяновский комсомолец», «Вестник», «Симбирский курьер». Успешно участвовал в региональных, всероссийских, международных фотовыставках и фотоконкурсах. В последние годы жизни работал в редакции газеты «Ульяновск сегодня».

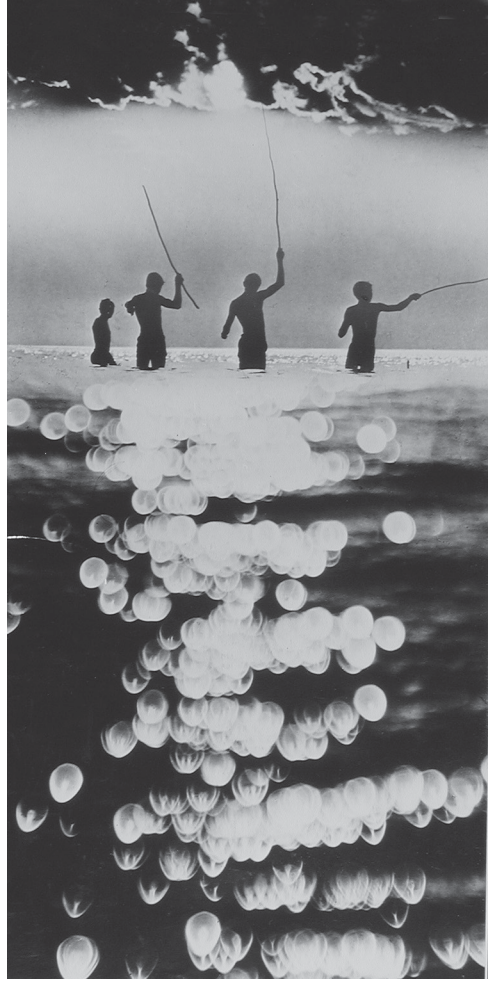

Фото Юрия Белозерова

«НЕТ, ВЕСЬ Я НЕ УМРУ...»

День памяти А.С. Пушкина
К 185-й годовщине
со дня смерти поэта

10 февраля 2022 года в литературном музее «Дом Языковых» прошел день памяти великого русского поэта А.С. Пушкина.

Открытие программы, посвященной памяти поэта, состоялось на площадке около литературного музея «Дом Языковых». Здесь собрались писатели, сотрудники библиотек, музейные работники, представители общественного движения «Волонтеры культуры», жители города.

Член Союза писателей России, главный редактор журнала «Мономах» Ольга Шейпак в своем выступлении отметила, что Пушкин продолжает жить с каждым новым поколением. Член Союза писателей России, поэт Галина Анисимова поделилась с собравшимися своим трепетным отношением к великому русскому поэту, прочитала свое стихотворение, посвященное А.С. Пушкину.

Торжественная часть программы завершилась возложением цветов к памятнику А.С. Пушкина. В церемонии возложения цветов приняли участие министр искусства и культурной политики Е.Е. Сидорова, директор Ульяновского областного краеведческого музея Ю.К. Володина, многие другие участники торжественного мероприятия.

День памяти Пушкина продолжила презентация выставки «Каким увидел этот мир...». В экспозиции представлены 46 художественных фотографий, сделанных директором Пушкинского заповедника Г.Н. Василевичем. Выставка будет работать на базе представительства музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» в литературном музее «Дом Языковых» до 30 июня 2022 года.

Состоялось также заседание учёного совета УКМ на тему «Обсуждение проекта концепции единого пушкинского пространства музеев «Дом Языковых» (г. Ульяновск) – «Усадьба Языковых» (Карсунский район)». Для музея этот вопрос актуален в связи с подготовкой празднования в 2024 году 225-летия со дня рождения А.С. Пушкина.

В течение всего дня памяти А.С. Пушкина посетители литературного музея познакомились с тематическими выставками и музейной экспозицией. А около Дома Языковых, привлекая внимание прохожих, звучали и звучали аудиозаписи стихов великого русского поэта.

«...Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит...»

КОЛОКОЛА НАД СИМБИРСКОМ

*Храм во имя Всех Святых. Ульяновск.
Фото Владимира Ламзина*

190 ЛЕТ СИМБИРСКОЙ ЕПАРХИИ

История Симбирской епархии ведёт свой отсчёт с 10 (22) февраля 1832 года, когда она получила самостоятельность. К этому времени на территории губернии действовали более 600 приходских церквей. Первым архипастырем Симбирской и Сызранской епархии стал преосвященный Анатолий (1766–1844). За 10 лет его епископства в Симбирске была открыта духовная семинария, построен и освящён в сентябре 1841 года Свято-Троицкий кафедральный собор.

В 1934–1935 годах в Ульяновске не было архиерейской кафедры. Её восстановил епископ Владимир, но через два года он вместе с 12-ю священниками был расстрелян. К этому времени в Ульяновске осталось только две действующие церкви: Неопалимой Купины на Куликовке и Воскресенский храм на кладбище. Послабление со стороны власти Церковь ощутила в годы Великой Отечественной войны. В ноябре 1941 года в Ульяновск эвакуировали из Москвы руководство Русской православной церкви. В июле 1943 года в здании бывшей Ильинской церкви состоялось предсоборное совещание, на котором митрополит Сергей был рекомендован к избранию Патриархом Московским и всея Руси. В 1959 году архиерейскую кафедру закрыли. Возрождение епархии состоялось 14 сентября 1989 года. Сегодня Симбирская епархия входит в состав Симбирской митрополии. Правящему архиерею Синод постановил иметь титул Симбирский и Новоспасский. 26 июля 2022 года исполнится 10 лет Симбирской митрополии.

Фото Ольги Тюльпа

Наградой общей, лучшей самой
Нам будет одоление зла,
Когда разрушенного храма
вновь запоют колокола...»

Елена КУВШИННИКОВА

Спасо-Вознесенский кафедральный собор. г. Ульяновск. Фото Владимира Ламзина

ЗИМНЯЯ МЕЛОДИЯ

Фотографии Евгении Ронжиной

РУССКАЯ ЗИМА

Фотографии Натальи Беленцовой

С 15 января по 28 февраля в выставочном зале Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина экспонируется фотовыставка Натальи Беленцовой «Русская зима».

Наталья Беленцова – фотохудожник, художник, писатель, член Союза фотохудожников России, член Русского географического общества.

Наталья родилась в 1975 году в г. Челябинске, где живет и работает до сих пор. В 1997 году окончила Южно-Уральский государственный университет по специальности «управление на предприятиях в строительстве». Работала экономистом на предприятии, в настоящее время занимается недвижимостью. Как фотохудожник, работает в различных направлениях: портрет, жанр, город, съемка диких животных, детей, но самым любимым направлением является пейзаж.

Наталья Беленцова – лауреат многих конкурсов. Победитель конкурса «Дикая природа России – 2012», Победитель Sony World Photography Awards 2012, Категория Недостаточная освещенность, апрель 2012; The International Photography Awards (IPA 2012), проект The Lucie Foundation, поощрительная премия; The EPSON International Photo Awards, Бронзовая награда 2012 года, Серебряная награда 2013 года. Вошла в число победителей «Лучшие фотографии России 2011». Победитель Первой открытой национальной премии «Лучший фотограф 2010» (1-е место), «Пейзаж» (2-е место) «Палитра Скандинавии 2010»; Победитель конкурса Государственного Дарвиновского музея «Кошка, которая...» (2010). Провела более 100 персональных фотовыставок. Ранее работы Натальи Беленцовой уже экспонировались в Ульяновске на фотовыставках «Планета Земля. Лики единства» и «Вдохновение цветов. Краски новой жизни».

Организация фотовыставок для Натальи некоммерческий благотворительный проект. Главная цель – показать красоту нашего мира, показать, как

природа гармонично влияет на душу человека, наполняет ее, открывает сердце, и побудить людей к бережному обращению с природой.

Цикл фоторабот «Русская зима» создавался во время путешествия Натальи Беленцовой по Южному Уралу. На фотографиях можно увидеть снимки природы удивительной красоты, сделанные с различных горных хребтов, рек, озер и перевалов. Фотографии передают весь спектр оттенков состояний зимней природы – от вьюжного буйства до ясного морозного дня и мирной благодати тихого утра.

Это оттенки зимы – искрящейся, морозной, воспетой в песнях русской зимы, о которой уже начали понемногу забывать жители городов средней полосы России. В некоторых своих работах автор использует необычную технику декорирования фотографий масляными красками.

Фотовыставка «Русская зима» успешно экспонировалась в разных городах, на разных культурных объектах: (г. Красноярск, г. Дивногорск, Музей современного искусства «АРТМУЗА», г. Санкт-Петербург, Феодосийский литературно-мемориальный музей А.С. Грина, г. Феодосия, Доминикана, г. Сосуа, Представительство Россотрудничества в Монголии, г. Нижний Новгород, г. Севастополь и др.).

Глядя на эти прекрасные работы, мы словно пускаемся в яркое фотопутешествие следом за автором этих снимков. Любуемся горной дымкой, восходами и закатами, заснеженными горными очертаниями, причудливыми узорами на ветвях деревьев, скользим взглядом по ледяной глади озер. Кажется, еще чуть-чуть – и мы сами вдохнем морозный воздух, наденем теплую одежду, встанем на лыжи и махнем туда – в эту снежную красоту!

Подготовила Лариса УТИНА

РЕКА
ВОСПОМИНАНИЙ

Владимир ЯНУШЕВСКИЙ

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

Заметки провинциала

Журнальный вариант

(Продолжение. Начало «Симбирскъ» №6-2021)

В Ленинском РОВД происшествие в кафе «Венец» восприняли всерьез и возбудили уголовное дело. Фигурантов было двое: Анатолий Чесноков и мой однокурсник Игорь Ермолин, третий их *собутыльник*, абитуриент, проходил как свидетель.

Подозреваемых отправили в СИЗО, что на перекрестке улиц 12 Сентября и Куйбышева, и разместили в разных камерах. Позднее Анатолий рассказывал:

– Открылась дверь камеры, я вошел. За порогом на полу было постелено чистое полотенце. Я, чтобы не запачкать, переступил, чего, как оказалось, не следовало делать...

По правилам *этой* камеры, полотенце служило для того, чтобы вытирать ноги (скорей всего, *воровские правила* бывают двух типов: постоянно действующие и произвольно устанавливаемые для каких-то случаев). В общем, ЗК Чесноков сразу провинился и должен был *загладить свою вину*. Наказание – участие в боксерском поединке с другим сидельцем, который вошел в камеру на час раньше. Обоим обмотали кисти рук все теми же вафельными полотенцами, натолкав между слоями ткани

косяшек домино. И они какое-то время вынуждены были лениво махать кулаками...

На историко-филологическом факультете состоялось открытое комсомольское собрание, где присутствовали некоторые преподаватели, в основном – члены факультетского партбюро. Студентки, вместе с которыми Анатолий учился, откровенно «топили» своего сокурсника. Особенно усердствовала Люда Киреева (кажется, она была комсоргом группы)

Большинством голосов собрание решило, что Чесноков опорочил звание комсомольца, а вот характеристику из деканата ему дали во всех отношениях положительную.

Н.Д. Подвицкий читал нам курс под названием «Методика преподавания литературы». Меня *напрягали* его лекции и семинары, так что и сам учебный предмет оказался в числе нелюбимых. Запомнился один-единственный пассаж, который повторился почти на каждом занятии:

– Вы спрашиваете меня, что такое народность

литературы? (*Мы ни о чем таком не спрашивали. Пауза.*) Народность – это значит писать о народе, для народа и во имя народа. (*Многозначительно возде-тый перст.*)

Уже работая в школе, я понял, что российский учитель-словесник никогда не имел и поныне не имеет эффективной методики преподавания литературы. Годы спустя я и сам стал методистом, причем довольно успешным, но мои изыскания никак не были связаны с непосредственной профессиональной деятельностью: полсотни статей и два десятка книг¹ были написаны в свободное от работы время. Моих начальников и начальниц не интересовало, что я могу. Они с меня требовали то, что я должен был делать согласно функциональным обязанностям.

В середине октября состоялся суд. Где именно – точно не помню, но, кажется, на улице Гончарова, где-то напротив «кривого дома». Не было никакой скамьи подсудимых, а просто стояли стулья. Анатолий, стриженный наголо, сидел, низко опустив голову. Игорь Ермолин задумчиво смотрел в одну точку.

Все прошло быстро и буднично. Рядом с нами расположился Юрий Вертипорох – невысокий коренастый мужчина, офицер Советской армии, муж одной из сестер Анатолия, который вместе с семьей проводил отпуск в Теньковке.

На суде выяснилось, что Игорь Ермолин уже имел судимость за какую-то шалость (хулиганство – статья 206 УК РСФСР). Он рос без отца и почти без присмотра – мать все время пропадала на работе. Причем работала она именно в колонии – той самой, куда и угодил ее сынок. Через год, когда Игорь освободился, она постаралась, чтобы тот получил «чистый паспорт» – без соответствующей отметки об отбытии наказания. И вот теперь получалось, что он – рецидивист. Ему дали один год колонии общего режима.

Анатолий получил тоже один год, но условно.

«Графомания – болезненное пристрастие к сочинительству» (словарь С.И. Ожегова). Писательница Людмила Улицкая считает, что будущий литератор непременно должен переболеть графоманией.

На первом курсе я стал посещать «Школу молодого журналиста» – кружок, который вел сотрудник газеты «Ульяновский комсомолец» Анатолий Михайлович Наумов. Он писал стихи, поэзия увлекала его больше, чем журналистика, и потому занятия наши скорее напоминали литературную студию. Например, Наумов, узнав от своих знакомых некоторые подробности занятий в поэтических семинарах Литературного института им. А.М. Горького, декламировал:

«Все живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недалекий,
И песни жен, и крик детей,
И звон (какой-то) наковальни...»

И он предлагал нам вспомнить или догадаться, какой именно наковальни. У Пушкина было так: «И звон походной наковальни».

На другом занятии он спрашивал нас: каким был журналистский псевдоним Пушкина. Разумеется, мы не знали. И тогда Анатолий Михайлович с самодовольной улыбкой отвечал сам: *Феофилакт Косичкин*.

А однажды Анатолий Михайлович процитировал нам на одном из занятий кружка Талейрана – наполеоновского, как он представил его, дипломата: «Слова даны нам для того, чтобы скрывать свои мысли». Впрочем, у Талейрана начало этого изречения имело такой вид: «Язык дан человеку для того, чтобы...» И служил Талейран не только Наполеону, но и Бурбонам.

Была ли польза от таких занятий? Трудно сказать...

В Советском Союзе существовало множество различных почетных званий, в том числе было звание «Заслуженный работник культуры». Поскольку слишком длинные слова и словосочетания в устной речи обычно подвергаются сокращению (т.н. лингвистический закон экономии) или аббревиации, то обладателей подобного звания шутники обычно называли *засрэк* или *засрэка*.

Двойной портрет: дед и внучка.
Фото Авксентия Галагозы

В областной филармонии открылась фотовыставка Авксентия Галагозы, фотокорреспондента газеты «Ульяновский комсомолец», и Анатолий Наумов повел нас, своих кружковцев, смотреть выставку. На втором этаже, в углу большого зала на двух стенах, крашенных бледно-зеленой масляной краской, были развешены несколько десятков фотографий крупного формата. Я, имея некоторый

¹ Пока набирал текст этой книги, в издательстве «Венец» вышло еще одно мое методическое пособие.

фотографический опыт, довольно легко отличал репортажные фотографии от жанровых и художественных. На последних часто встречалось изображение обнаженного женского тела. Автор фотографировал молодых красивых женщин на лесных полянах, в тени сосен и берез, на фоне старых заборов и бревенчатых стен.

Сам мастер скромно стоял возле своих работ. Он коротко и невнятно рассказал об особенностях создания репортажных и художественных фотографий, а потом незаметно исчез.

Анатолия Чеснокова исключили из комсомола, а также погнали из института и – через милицию – помогли устроиться на автозавод (УАЗ). Из общежития его тоже, разумеется, *попёрли*, и он снял комнату у старушки в деревянном одноэтажном доме в начале улицы Радищева. Голова его быстро обросла блестящими черными кудрями. Он купил себе хорошее демисезонное пальто, отъезд в заводской столовке, но положение его, конечно же, было незавидным. За разговорами он часто умолкал, задумывался и, как бы в забытьи, повторял:

– Меня очаровало слово «*Наурское*»...

Через три-четыре месяца мне удалось опубликовать одно его стихотворение в газете «Призвание» – разумеется, под псевдонимом. Просто взял наобум какое-то имя и какую-то случайную фамилию. Подлог не был замечен, даже профессиональные *стиховеды* с кафедры литературы проморгали. Впрочем, один человек безошибочно узнал «руку» Чеснокова и сказал мне об этом, когда нас никто не слышал. Это был Виктор Баскаков, который уже окончил филфак и теперь работал ассистентом доцента Бейсова на кафедре литературы.

Кстати, Петр Сергеевич Бейсов высоко ценил поэтические опыты Толяна Чеснокова и за пышную кудрявую шевелюру называл его *А-ля Блок* (фр. à la – «как», «подобно»).

Обе факультетские кафедры – литературы и русского языка – в основном были укомплектованы хорошими, как мне казалось, преподавателями. На факультете царил почти домашняя атмосфера. Всеобщим уважением и любовью был окружен декан Владимир Иванович Ртищев, к сожалению, рано ушедший в мир иной (рак печени).

Десятилетие спустя я по семейным обстоятельствам оказался в Эстонии, в городе Тарту, стал работать завучем в школе. Кто-то мне сказал, что каждый четверг в 16.00 в главном здании Тартуского университета профессор кафедры русской филологии Юрий Михайлович Лотман в рамках *спецкурса* читает лекции для своих аспирантов и студентов-дипломников. И еще мне объяснили, что на эти лекции свободно приходит «вольная публика»: учителя, научные сотрудники местного академического института астрофизики, библиотекари, журналисты... В один из таких дней я тоже собрался и отправился на улицу *Юликоли*. Наверное, я был замечен среди другой публики: на мне были костюм и галстук.

В перерыве Лотман подошел ко мне и спросил:

– Простите, а вы *кто*?

Я объяснил, рассказал, где я учился. Лотман захотел узнать имена моих преподавателей. Я назвал Никитину, Домбровского, Шахову...

– Нет, не знаю таких, – смущенно сказал Юрий Михайлович, виновато опустив голову, и отошел...

Именно Петр Сергеевич Бейсов помог Толяну в начале следующего учебного года восстановиться в институте. А пару лет спустя он же способствовал возвращению в альма-матер Игоря Ермолина. Еще один мой однокурсник Владимир Куренков завалил летнюю сессию на первом курсе, отслужил два года матросом на подводной лодке, а после демобилизации также предстал пред очи Петра Сергеевича.

Бейсов был *добрым ангелом* всех *непутевых* юношей-филологов...

Впрочем, следует заметить, что *путевых* студентов, к числу которых, по-видимому, принадлежал и я, Петр Сергеевич слегка недолюбливал: тут некому было покровительствовать. Но и мы, *путевые*, немного знали биографию доцента: когда началась Великая Отечественная война, Бейсов был деканом историко-филологического факультета; вскоре он добровольцем уходит на фронт, а вслед за ним потянулись и почти все ребята, студенты факультета. В первых же боях необстрелянные пацаны-гуманитарии пали смертью храбрых, а их предводитель, хоть и со множеством ранений, вернулся в родной институт. Вот так...

Формула Евгения Евтушенко «Поэт в России – больше, чем поэт», конечно, справедлива, но только для определенного периода истории.

В 1960 – 1980-е годы Государственные премии СССР получали поэты Ярослав Смеляков, Михаил Луконин, Александр Твардовский, Леонид Мартынов, Борис Олейник, Давид Кугультинов, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Михаил Дудин, Ояр Вацетис, Иван Драч, Евгений Евтушенко, Константин Ваншенкин, Андрей Дементьев, Александр Межиров, Евгений Винокуров, Давид Самойлов, Арсений Тарковский, Борис Чичибабин, Булат Окуджава и другие. И это было честно со стороны государства по отношению к поэтам, которые писали замечательные стихи.

Анатолий попросил в деканате, чтобы его определили в мою учебную группу – группу «Е». Недели две он смущался, чувствовал себя не в своей тарелке, а потом освоился.

На одном из практических занятий, где мы разбирали «металлические» метафоры типа *золотые руки, серебряный голос, железный характер*, он вдруг продекламировал с места:

– *А за окошком, в первом инее, // лежат поля из алюминия...*

Это были строки Андрея Вознесенского², стихи которого почти никто из нас не читал. Да и как мы могли познакомиться с творчеством Вознесенского? Знания большинства преподавателей определялись старым багажом, книжные магазины города были завалены продукцией «Политиздата».

² У Вознесенского начало этих строк такое: «А за окошком, в юном инее, лежат поля из алюминия...»

Литературные новинки, конечно же, были востребованы, но тут все ограничивалось в основном «Новым миром» да «Роман-газетой».

Вскоре всем в нашей группе стало ясно, что Анатолий превосходно знает современную поэзию. Среди особо почитаемых имен были Евгений Винокуров, Владимир Соколов, Леонид Мартынов, Юрий Кузнецов, Владимир Цыбин...

Пройдут годы, и он так определит генеральную тему своих стихов и свое место среди других поэтов: – «Нас трое *таких*: Есенин, Рубцов и я».

Зима. Вечер. В потемках не видно падающих снежинок, и только редкие фонари высвечивают прочерки снегопада. Вот еще один столб, что светится у него сверху. Кажется, что снежинки сыплются из фонаря, как из рога изобилия...

Все без исключения студенты-филологи обожали преподавательницу зарубежной литературы доцента Лидию Георгиевну Шахову. Толик Чесноков тоже относился к ней с *пиететом*, она платила ему тем же. Как и с Игорем Николаевичем Полосухиным, я познакомился с Лидией Георгиевной примерно за год до поступления в *педуху*. Она знала всех местных прозаиков-поэтов и однажды сказала мне про Толяна:

– Талант потрясающий! Но все, что он делает, происходит спонтанно, по воле импульса. А это очень опасно. Не знаю, что с ним будет дальше, но я *страшусь* за его будущее...

Во второй половине XVIII века технике версификации (не будем путать с искусством стихосложения!) учили всех. Казенные и частные типографии в больших количествах и немалыми тиражами печатали учебные пособия – «*поэтики*» и «*реторики*», которые имели подзаголовки с указанием адресатов: «для юнкеров», «для гардемарин», «для девиц» и т.д. В результате любой юноша (вспомним Ломоносова: «Науки юношей питают...») и, соответственно, любая *девица*, могли написать более или менее сносные «стихи в альбом». Позднее на этой же почве сформировалась культура эпиграммы, пик расцвета которой пришелся на первую четверть XIX века, хотя остросатирические и просто комические миниатюры у нас продолжали писать до начала тридцатых годов века двадцатого. Вот изящное двустишие Ильи Ильфа:

Марк Аврелий
Не еврей ли?

Мы с Чесноковым сочиняли нечто вроде эпиграмм во время скучных лекций, чтобы не уснуть. Вот, к примеру, я ему подсовывал клочок бумаги с таким текстом:

Настроив тома стихов,
Сев среди биографов,
Анатолий Чесноков
Раздает автографы...

Он, разумеется, в долгу не оставался и мгновенно записывал на том же клочке нечто совсем хулиганское:

Янушевский Вовик,
Ты Шарик или Бобик?
Да, Шарик ты и Бобик –
Резюме мое...

Вот вопрос: где находится улица Гоголя-Моголя?

Студенты и студентки, как водится, знакомились, влюблялись, потом женились или ссорились – кому как повезет. Но почти то же самое происходило и с некоторыми преподавателями нашего факультета.

Однажды во время лекции Л.Г. Шаховой, которая проходила в поточной аудитории на четвертом этаже (если не ошибаюсь, №440 или №442), минут за десять до окончания пары через верхнюю дверь *красудчись* вошли двое: невысокая брюнетка и светловолосый бородач, которые уселись на свободные места верхнего ряда. Такое случалось редко: по всему было видно, что они пришли к Лидии Георгиевне. Мы с Чесноковым сидели сбоку от них и все видели.

Как оказалось впоследствии, это были *смотрёны*. У Лидии Георгиевны не было подруг, у нее были *приятельницы*. Так вот, приятельница Галя Печоркина (она была женой художника Аркадия Егуткина и работала на местном телевидении редактором отдела новостей) привела друга своей семьи Виктора Сеничева. Виктор был холост, а может быть, разведен; Лидия Георгиевна, которая давно уже отметила тридцатилетие, – не замужем, вот их и решили познакомить...

Они поженились примерно через полгода, перед этим пару раз побывали в гостях у нас дома. Их называли *молодоженами*. Это были очень разные люди. Виктор плавал механиком на торговых судах, бывал за границей. Он мне рассказывал, что, отправляясь в плавание, всегда привозил на такси ящик водки и ставил в своей каюте. Если на судне возникала серьезная неисправность, которую нельзя было устранить своими силами, то при заходе в ближайший порт он находил руководителя ремонтной службы и приглашал (любопытно, на каком языке они общались?) в свою каюту... Вскоре на корабль поднимались слесари или электрики и делали свою работу. Вот такой это был мужик, «морской волк», а Лидия Георгиевна – человек академической среды, она, к примеру, дружила с женой космонавта Виталия Севастьянова, с которой познакомилась во время учебы в аспирантуре.

После второго курса, согласно программе подготовки педагогов, нам полагалось пройти так называемую пионерскую практику. Мне было безразлично, в какой лагерь ехать, и я не суетился, предоставив событиям идти естественным чередом.

Мне достался лагерь со странным названием «Ульяновский Артек», находящийся, если не ошибаюсь, на балансе завода малолитражных двигателей (ЗМД). Я оказался единственным юношей среди вожатых-практикантов, и старшая пионервожатая, а в *миру* секретарь Ленинского райкома ВЛКСМ (здесь, в лагере, она проводила отпуск вместе с трехлетней дочкой), назначила меня в первый – старший – отряд. Она, как и большинство идеологических

руководителей, в людях не разбиралась, мыслила штампами, в психологии ничего не смыслила и исходила из того, что в отряде, где много отбойных пацанов, нужна *крепкая мужская рука*.

Пацаны были в основном из района под названием *Мостовая*, а там одна отборная шпана, и они сразу же в качестве правил жизни предложили свои «понятия». Эти понятия были такого примерно рода: «кто громче *пукнет* – тот и председатель совета отряда» и т.п. Пришлось проявить характер и, преодолевая немалое сопротивление, воплощать в жизнь нормы «советской демократии». Но сплотить отряд мне все-таки не удалось, до конца смены он состоял из нескольких групп: «мостовские» пацаны были сильны в драках и спорте и всех обыгрывали в футбол, в том числе команды соседних лагерей; *музыкально-танцевальные* девчонки усердно готовились к концертам; начитанные ребята и девочки (*ботаники*) всех побеждали в игре «КВН».

Напротив нашего корпуса располагалась дача самого младшего отряда, где вожатой была моя однокурсница Света Репина. И вот как-то так само собой получилось, что Света довольно много времени проводила с моими подопечными, с которыми у нее установились вполне доверительные отношения (мои дети считали ее *своей* и воспринимали как девочку-подростка), а я – с ее малышами: читал им книжки, а на закрытии лагеря мы даже показали экспресс-инсценировку «Снежной королевы» Андерсена.

Однажды во время тихого часа я сидел в пионерской комнате, ожидая начала очередного совещания, которое, по обыкновению, затягивалось, и стал листать лежащий на столе альбом, оформленный, как и полагалось, по итогам какой-то смены. Мое внимание привлек знакомый почерк – это, несомненно, была рука Чеснокова. Так вот оно что! Годом раньше он проходил практику в этом самом лагере...

Поскольку Толян, как и я, мало был похож на бравого пионервожатого, его однажды посадили оформлять альбом (*с паршивого козла – хоть шерсти клок*), и вот с этой задачей он справился блестяще. Все подписи к фотографиям в стихах и прозе были безупречны по содержанию и форме. Мне запомнилась одна строчка, пронизанная теплотой и нежностью:

Я вас не забуду, мои незабудки...

Гений места (Genius loci), или Магическая точка пространства.

В чем суть пребывания в памятных местах? Мы в том самом месте, но в *этом* времени, где общаемся с конкретными людьми, нашими современниками.

Мне не довелось пока посетить Михайловское, или Тарханы, или Спасское-Лутовиново, зато неоднократно бывал в Ясной Поляне.

Днем дети из второго отряда играют с мячом в *пионербол*, а вечером, на *танцах* (слово *дискотека* еще не вошло в речевой оборот), танцуют *пионерский танец «буги-вуги»*.

Так получилось, что последнее занятие первого семестра на третьем курсе в нашей группе вела

Стройотрядовское лето 1972 года. Село Ермоловка Вешкаймского района Ульяновской области. В центре – Владимир Янушевский (я туда приехал в качестве представителя комитета комсомола УГПИ и корреспондента газеты «Призвание»). Слева – Вера Буланова – комиссар районного штаба ССО. Справа – Женя Корчагина, комиссар отряда «Юность» историко-филологического факультета УГПИ.

Л.Г. Шахова. У Лидии Георгиевны не было ассистента, и семинары она вела сама. Подводя итог всему, о чем говорили и спорили, она стала поздравлять нас с наступающим Новым годом, и вдруг, взглянув на Толяна, попросила его почитать что-нибудь новогоднее. Он вспыхнул, потом просиял, и тут же проникновенно продекламировал короткое, в восемь строчек, стихотворение, которое заканчивалось так: «...Елки зеленые, Новый год!»

Заметка в газете «Известия»: в Исландии каждый седьмой житель – писатель! Уж и не знаю, радоваться за жителей Исландии или сочувствовать им...

На одной из лекций Лидия Георгиевна Шахова выдала афоризм, который я хорошо запомнил: *человек за всё платит собой...*

Летом 1973 года мне довелось стать командиром студенческого строительного отряда (ССО) численностью пятьдесят человек (сорок девять девочек-филологов и один юноша – Дамир Загитов). Предполагаемая дислокация отряда несколько раз менялась, и, в конце концов, мы оказались в Старокулаткинском районе, где почти не было русских сел, а отряд наш, как на грех, назывался «Славяне». Приехали в село Кирюшкино, разместились в местной школе, кровати стояли прямо в классных комнатах. Нам предстояло строить овцеводческий комплекс, трудиться на земляных и бетонных работах.

Пришлось осваивать словарь строителя по той же методике, которую используют воспитатели детского сада и учителя начальных классов, когда показывают малышам картинки или реальные предметы и спрашивают: «Дети, это кто? А это что?»

Так и я, разбирая лежащие на деревянных мостках инструменты строителя-каменщика, взял в руку лопатку для цементного раствора под названием «мастерок» и поднял над головой: «Что это?» Мои «бойцы» молчали, потом одна девочка неуверенно произнесла слово «кельма». Пришлось объяснять, чем *мастерок* отличается от *кельмы*.

А еще мы дали бесчисленное количество концертов, читали лекции. В итоге – первое место среди институтских стройотрядов и второе в области.

Толик Чесноков в стройотряды не ездил. У него, как и у других студентов, приехавших из сельской местности, была железная отмазка: надо сено косить, помогать родителям... И это всегда срабатывало.

Дождь. Из желобков шиферной крыши, точно струны, протянулись струйки воды...

Когда Лидия Георгиевна Шахова была *на сносях* и уже оформила декретный отпуск, то захотела перечесть роман Ромена Роллана «Очарованная душа». Ей почему-то важно было отследить душевные движения героини романа, ожидающей ребенка, который должен был родиться вне брака.

Роллановская Аннета, как известно, родила сына, а у Лидии Георгиевны родилась дочь Татьяна. Вскоре наше преподавательница развелась с Виктором Сеничевым и оповестила профком института о том, что претендует на жилплощадь. Ей выделили комнату в студенческом общежитии – других вариантов просто не было. Чтобы «переселение» выглядело правдоподобным, Л.Г. решила перевезти туда кое-какую мебель: шаткий стол, старую тумбочку, пару стульев. Заказала машину: такие услуги в те годы предлагала организация под названием «Трансагентство», располагавшаяся на улице Марата, возле центрального рынка, а вот грузчиков там не было. Лидия Георгиевна попросила меня помочь погрузить-разгрузить вещи, а я позвал с собой Толика Чеснокова.

Когда мы выполнили свою миссию и пошли прогуляться по Венцу, он мрачно резюмировал:

– Шахова для того только и выходила замуж, чтобы родить ребенка...

В сентябре 1973 года в Ульяновск приехала бригада Москонцерта с большой культурной программой. В состав артистов каким-то образом затесался поэт Евгений Евтушенко: он был в меру наглым, напористым и пробивным и мог куда угодно *без мыла* пролезть. Но во время концертов ему позволялось прочитать всего несколько стихотворений. И тогда он любезно согласился встретиться с интеллигенцией города во Дворце книги – в областной научной библиотеке.

Наш четвертый курс в это время был на педагогической практике. Я пришел в библиотеку после уроков в средней школе № 3, когда читальный зал уже был заполнен. Но расторопные сотрудницы Дворца книги все подносили и подносили стулья,

расставляя их вдоль стен. Я кое-как уселся. И тут в зал в сопровождении директора библиотеки или его заместителя вошел певец Лев Лещенко, который тоже участвовал во всех концертах. Для него освободили место, и он сел, оказавшись рядом с моей однокурсницей и со-практиканткой Эммой Балаян. Она мгновенно покраснела и так и сидела с пылающими щеками до конца поэтического вечера.

Одного из наших молодых преподавателей звали Герман Федорович Павликов. Он проводил с нами практические занятия по советской литературе на довольно посредственном уровне, но однажды процитировал четверостишие популярного в те годы поэта-песенника Льва Ошанина, что моментально *отгюсти́ровало* наше понимание художественной литературы:

Литература – это исповедь,
Под видом исповеди – проповедь,
Для тех, кого ты любишь, – заповедь,
Для тех, кто ненавистен, – отповедь...

Студент Чесноков, поначалу замкнутый и погруженный в себя, со временем сделался более открытым миру и как-то наловчился узнавать то, что другим было неизвестно (одни слушают *сарафанное радио*, другие слышат *музыку сфер*, третьи – и то, и другое и что-то еще). Однажды он рассказал мне о трагической судьбе Германа Федоровича. Тот защитил *кандидатскую* по творчеству Василия Шукшина и, поскольку на родной ему кафедре не было соответствующей вакансии, *прошел по конкурсу* (была в те времена такая процедура) в пединститут украинского города Ивано-Франковска. Стал читать лекции по русской литературе XX века, но через пару лет его убили. Подробностей Анатолий не знал, а я не знал, верить ему или нет.

Мне довелось побывать в Ивано-Франковске несколько раньше – в конце 1972 года с делегацией наших студентов³, мы жили в новеньком, с иглолки, общежитии с размещением в блоках на два и три человека, с отдельным санузелом, и местные ребята и девчата, комсомольские активисты, рассказывали нам, насколько сильны на Западной Украине националистические и антирусские настроения...

«Мир лукав». Экклезиаст.

Через год у меня в комитете комсомола появился напарник – Валентин Цветков с *инфа́ка*. Он как-то проявил себя в стройотряде, и его двинули «наверх». У них на факультете стройотряды существовали в виде *сельхозотрядов*: каждое лето окончившие первый курс девочки и мальчики ездили в один и тот же совхоз на границе Волгоградской и Астраханской областей, где собирали урожай помидоров и арбузов.

³ В декабре 1972 года широко отмечалось 50-летие образования СССР, и с подачи ЦК ВЛКСМ многие вузы проводили тематические фестивали, принимали делегации из союзных республик, а потом отправляли группы своих студентов с ответными визитами.

Открывая встречу с читателями, Евгений Евтушенко просил позволить ему *курить* – не может он, дескать, ни минуты без табака. И тут же, не дожидаясь разрешения, вытянул из пачки Marlboro сигарету и щелкнул зажигалкой. Ему принесли чистую стеклянную пепельницу, и сразу началась декламация.

Читал он хорошо: вдохновенно, не халтурил, проникновенно интонируя нетвердым мальчишеским голосом, так что в каждом звуке, в каждом вздохе было слышно неповторимое *solo* его потрясающей *харизмы*. Он читал, говорил, шутил, эпатирова и гипнотизируя зал. В какой-то момент ему стало жарко, и он легко смахнул с себя пиджак – синеголубой, обсыпанный крупно мелкими белыми точечками, с ярко-алой атласной подкладкой, и повесил на спинку стула.

Он стоял, опершись рукой о белую колонну, подпирающую огороженный балюстрадой балкон, и говорил, говорил... Стихов было много. Их автор обладал отменной памятью: ни разу не запутался в словах, не споткнулся, не оговорился. Так продолжалось почти два часа. Уходя, он забыл (или сделал вид, что забыл) пиджак на спинке стула, и пожилая служительница читального зала, та самая, что приносила ему пепельницу, долго догоняла его, бережно держа в обеих руках драгоценную вещь.

Лукавое место. Лукавое время. Лукавые ночи. Лукавые дни.

Как-то раз в комитете комсомола меня попросили заглянуть в *партком* института – мол, Ерофеев приглашает. Разговор с секретарем парткома Е.С. Ерофеевым был короткий. Евгений Сергеевич, задумчиво глядя мне в глаза, сказал, что я зарекомендовал себя как активный комсомолец и пора бы мне подумать о вступлении в ряды КПСС. Я ответил уклончиво: ни да, ни нет. Но маховик был запущен, процесс пошел, и вскоре на заседании комитета ВЛКСМ мне дали рекомендацию в партию, хотя сам я ни о чем таком не просил, заявления не писал.

Рекомендацией я не воспользовался. И не то, чтобы я не верил в торжество коммунизма. Нет, я искренне считал себя *недостойным звания коммуниста*: идеологическая машина промывания мозгов подрастающих поколений работала в СССР исправно, а я до поры до времени легко поддавался любому внушению.

Как и все участники гастрольного тура, Евгений Евтушенко жил в гостинице «Венец». В один из дней пребывания в Ульяновске он отправился обедать в гостиничный ресторан, расположенный на втором этаже, в сопровождении небольшой свиты, состоящей то ли из *почитателей*, то ли из *нахлебников*.

Помимо прочих, там были студент-историк Сергей Петров, который как-то умудрился познакомиться с поэтом и даже коротко с ним сойтись, и Анатолий Чесноков, тоже желающий считать Евтушенко своим другом. Хозяин застолья всем заказал пельменей и, пока их готовили, с любопытством оглядывал присутствующих.

Толик Чесноков очень любил изящно одеваться, но у него было для этого ни соответствующих материальных возможностей, ни вкуса. И как раз в то время он обзавелся новым изысканным, как ему казалось, предметом туалета – *кружевным жабо на резинке*, которое надо было надевать через голову и, подобно галстуку, заправлять под воротник сорочки. И вот сейчас, в ресторане, он был в этом самом жабо поверх белой, не вполне свежей рубашонки. Евтушенко пристально посмотрел на это жабо, но не усмехнулся, а сделал убийственный комментарий, озвучив его под видом риторического вопроса:

– Из маминой занавески вырезали? Или из накидки на подушки?

Разумеется, после этого Анатолий не решился на задуманный им разговор с Евтушенко *tete-a-tete*. Он мне сам с горечью рассказал об этом на следующий день...

Женя Мельников и Володя Дворянсков после окончания института распределились куда-то в Среднюю Азию, кажется, в Душанбе – преподавать, если мне память не изменяет, в одном из тамошних *женских пединститутах*. Но уже через несколько месяцев оба были призваны в армию, а потом вернулись восвояси, то есть в Ульяновск. Женя поначалу работал заведующим литературной частью в театре драмы, поселился в театральном общежитии (там также имелись отдельные квартиры), который горожане называли «Кошкин дом»⁴, в это же время он опубликовал сборник стихов и повесть «Угол прицела», вступил в Союз писателей и стал работать *профессионально*, то есть не нуждался в официальном трудоустройстве. Затем женился и как профессиональный писатель вскоре получил трехкомнатную квартиру.

Историю педагогики нам читал к.п.н. Виталий Иванович Пирогов. Содержание курса стандартное: от Яна Амоса Коменского и Песталоцци до Макаренки и Сухомлинского. На одной из лекций, рекомендуя литературу по теме, он произнес имя автора одной из статей: *Пирогов*. И тут же уточнил: это не я, это – великий педагог и врач Николай Иванович Пирогов.

Сам Виталий Иванович в это день получил от нас прозвище *Невеликий Пирогов*.

(Продолжение следует)

⁴ «Кошкин дом» – четырехэтажное здание напротив Ульяновского драматического театра (ул. Советская, 16). Здание построено по инициативе и под руководством начальника областного управления культуры Михаила Михайловича Кошкина в конце 1950-х годов.

Татьяна ШАТУНОВА, член Российского Союза профессиональных литераторов.

ТЫ УЙДЕШЬ, РАСТВОРЯЯСЬ В ПРОХОЖИХ...

Памяти поэта

Алексея Громыхина (1954–2021)

С 2008 года я живу в Ульяновске. Здесь у меня сложился довольно большой круг знакомых поэтов. Я постоянно бываю на литературных встречах и горжусь книгами с дарственными надписями от авторов. Но рассказать хочу об авторе первой подаренной мне книги. С этим человеком меня связывали долгие годы любви и дружбы. Эти воспоминания будут словом памяти: 9 октября 2021 года пришла печальная весть о кончине моего друга из города Саранска поэта Алексея Александровича Громыхина, ушедшего от коварного ковида.

Наше знакомство состоялось 35 лет назад, в конце 1986 года в г. Саранске, куда я приехала работать по распределению после окончания Казанской государственной консерватории: меня направили в педагогический институт им М.Е. Евсевьева.

С конца августа я уже жила в Саранске. Съездила, как и все молодые специалисты, в колхоз руководителем студенческого отряда, познакомилась и подружилась с молодыми коллегами – все они в 1986 году приехали из разных консерваторий России, чтобы помочь Саранску сделать первый выпуск учрежденного недавно в Республике Мордовия музыкально-педагогического факультета в пединституте.

Нагрузки нам, молодым специалистам, дали самые большие, по 30 студентов в класс. Все мы понемногу втягивались в учебный процесс и привыкали к работе. Я вела класс специального фортепиано.

В конце ноября были дни памяти великого пианиста Эмиля Гилельса в Москве, где он учился, работал, концертировал и ушел из жизни в октябре 1985 года, когда я училась на 5-м курсе. Подруги по учебе сообщили мне, что наш профессор Виктор Александрович Столов, который был его учеником, едет в Москву на годовщину со дня смерти своего любимого учителя. Я отпросилась на работе у заведующей кафедрой Людмилы Борисовны Бояркиной, тоже выпускницы В.А. Столова, – она меня сразу же отпустила.

Летом, после окончания консерватории мы с Виктором Александровичем уже были в Москве на конкурсе П.И. Чайковского, и сейчас очень хотелось вновь встретиться с любимым профессором. У меня сохранилась программа концерта камерной музы-

ки, где дочь Э.Г. Гилельса Елена играла с квинтетом им. Бородина квинтет Шуберта «Форель».

Недалеко от консерватории был Дом кино, и Виктор Александрович предложил мне сходить на премьеру художественного фильма «Амадеус» о Вольфганге Амадее Моцарте. Позднее фильм с успехом шел во всех городах страны.

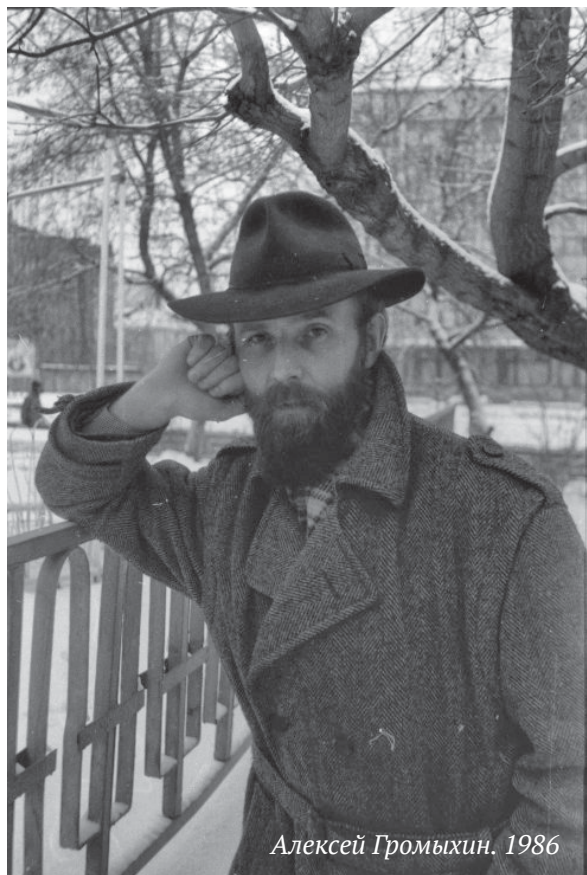
Наполненная впечатлениями, я вернулась к моему месту работы и вдруг в коридоре встретила незнакомого молодого человека с бородой. Он тоже обратил на меня внимание и первый заговорил: «Где Вы были столько времени? Я работаю здесь уже три дня, а Вас вижу впервые».

Я промолчала, а потом спросила, не поможет ли он мне найти чистый лист бумаги. Он нашел и заодно вручил мне небольшую книжечку «Исповедуюсь тебе», представившись: поэт Алексей Громыхин.

В обеденный перерыв мы встретились в диетической столовой нашего института (у нас большой институт, с несколькими учебными корпусами, тремя общежитиями и комбинатом комплексного питания). Я, взяв поднос с едой, в поисках свободного столика заметила в зале Алексея. Он уже заканчивал обедать, и я пожелала ему приятного аппетита. Когда после обеда подошла к выходу, увидела, что Алексей стоит у дверей и ждет меня.

«Какой дорогой мы пойдем на факультет? – спросил он. – Я бы хотел через Париж...»

Вечером после работы, когда я пришла в комнату общежития, где мы жили с моей подругой Любой, пианисткой из Петрозаводской консерватории, она сказала: «Приходил молодой мужчина, очень взволнованный, спрашивал, здесь ли ты живешь и где сейчас. Я сказала, что ты на работе».

Алексей Громыхин. 1986

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Алексей Александрович Громыхин родился 7 марта 1954 года в селе Татарский Шелдаис Беднодемьяновского района Пензенской области. По окончании школы поступил в Zubovo-Полянское педучилище. В 1976 году поступил на филологический факультет Мордовского государственного университета им Н.П. Огарева и одновременно – на отделение поэзии литературного института им А.М. Горького (семинар поэта Е.А. Долматовского). Стихи начал писать со школьной скамьи. Творческий процесс достиг своего апогея уже в студенческие годы. Алексей Громыхин известен далеко за пределами республики. Его стихи опубликованы в издательстве «Современник», «Библиотеке журнала «Молодая гвардия», Приволжском книжном издательстве и других.

Как выяснилось позднее, Алексей узнал в учебной части мой адрес и ждал возле входа в общежитие очень долго, на сильном декабрьском морозе, а я, закончив уроки, осталась, как обычно, поиграть на рояле и пришла очень поздно. Алексей не любил распускать шапку-ушанку, даже когда очень холодно, и сильно промерз. Он заболел и на следующий день не вышел на работу.

Я же весь вечер читала подборку его стихов из коллективного сборника мордовских поэтов, который Алексей подарил мне днем. Сборник вышел, когда он был еще студентом Московского литера-

турного института им. А.М. Горького. Стихи мне очень понравились, над некоторыми я даже плакала. Никогда не думала, что встречу в Саранске столь талантливого живого поэта.

Стихи я любила с детства. Однажды на уроке чтения в начальных классах наша учительница прослезилась и поставила мне 5 с плюсом за прочитанное стихотворение о хлебе. Дело в том, что мы с папой не раз ездили к бабушке Микалине в далекую деревню Высоково в Кировской области, и надо было пройти семь километров пешком от трассы через хлебные поля.

Книги ценили мои родители и старались пополнять домашнюю библиотеку. Во время учебы в консерватории Виктор Александрович Столов заметил во мне любовь к литературе и дарил на 8 Марта книги: сначала – Тютчева, потом – Ахматову, новеллы Стефана Цвейга, книгу о композиторе, которого называют поэтом фортепиано: «Шопен и русская пианистическая традиция».

Поскольку утром Алексей на работе не появился и не позвонил заведующей кафедрой, мы с подругой Любой, узнав в учебной части его адрес, поехали к нему, взяв с собой баночку сока и еще что-то. Алексей жил в частном секторе, неподалеку от нашего студенческого городка, снимал угол у старенькой хозяйки. Увидев нас на пороге, он просиял от счастья. Принял гостинца и предложил нам пройти в дом, но мы, узнав, что он сильно простыл, обморозили уши и температурит, вежливо отказались.

Через три дня, когда Алексей вышел на работу, заведующая кафедрой устроила ему нешуточную разборку из-за того, что он не предъявил больничный (он не любил ходить по больницам), и ему объявили выговор.

А я попросила Алексея опускать уши зимней шапки в холода, никогда больше не рисковать.

Ближе к вечеру он пригласил меня поехать во Дворец профсоюзов на концерт, и я с удовольствием согласилась, так как не была там ни разу и вообще плохо знала город. Алексей, естественно, город знал хорошо, потому что учился в университете им. Н.П. Огарева.

Во время концерта я почувствовала незнакомое мне ранее, непередаваемое ощущение присутствия его рядом. Позднее он объяснил мне, что у поэтов сильная энергия, особенно в минуты вдохновения.

Наутро Алексей протянул посвященный мне акростих, напечатанный на машинке, где обыгрывалось имя Таня.

Первые дни знакомства казались мне сказкой. Мы любили гулять по аллеям заснеженной березовой рощи, расположенной в студенческом городке за зданием музыкально-педагогического факультета. Березы были уже большие, наверно, ровесники института. Вскоре появилось еще одно стихотворение.

Снежинки и звезды. Что красивее?

Но когда ты идешь,

все снежинки похожи на звезды,

а звезды на снежинки...

Сияя, ступаешь...И как я посмею

встать у тебя на Пути...

Из разговоров с Алексеем я вскоре узнала о его детстве в селе, о том, что на его глазах сгорела во время пожара одна из двух его сестер, и после этого пережитого страха он начал заикаться. Заикание особенно давало о себе знать в минуты волнения, но, когда Алексей читал стихи, он никогда не заикался.

А вот еще одно из первых после нашего знакомства стихотворений.

*У девушки снежинки на ресницах...
Смотрю и не могу связать двух слов...
Как трудно этой девушке присниться...
Хотя она устала спать без снов...*

Из-за проблем с речью Алексей не мог взять преподавательскую работу в институте, хотя у него было два высших образования. Он устроился старшим лаборантом к нам на кафедру и, кроме того, стал руководителем литобъединения «Лира» при студенческом клубе института.

Приближался Новый год. Мы с подружкой Любой стали собираться к моим родителям в Йошкар-Олу, так как ей лететь домой к маме в Кабардино-Балкарию было очень далеко. Втроем мы дружно сходили на новогодний вечер для сотрудников института. Наутро я пришла в класс, где уже ждала ученица, и на крышке фортепиано увидела букет из девяти гвоздик. Ученица сказала мне, что заходил мужчина с бородой и просил передать цветы учительнице. Это были первые подаренные Алексеем цветы. Позднее он объяснил мне, что число 9 – символ уходящего года, поэтому он и выбрал такое количество гвоздик.

В перерыве мы встретились в коридоре, и он с волнением, с трудом говоря, подарил мне свою фотографию с надписью:

*Фото дарят к разлуке, к ожиданью ненастья...
Я – всего лишь к раздумью
о возможности Счастья...*

Последние дни 1986 года. Подпись (автограф).

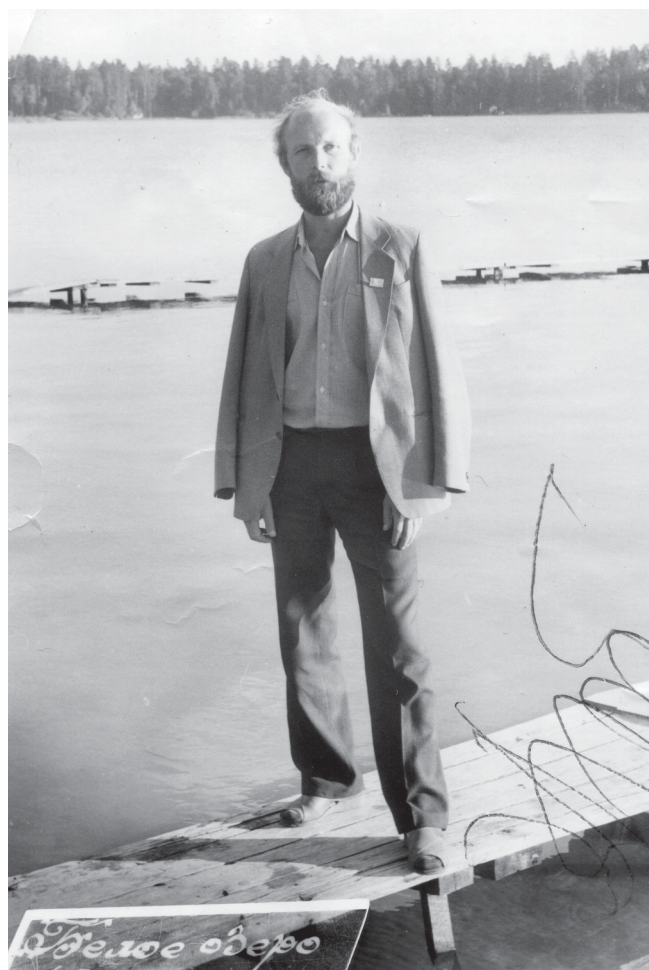
С цветами и фотографией мы с Любой уехали праздновать Новый год к моим родителям в Йошкар-Олу поездом через Казань. Родители спросили, откуда цветы, и я пояснила, что от молодого человека, и показала фото. Мама нашла его слишком взрослым и, как все матери, насторожилась.

По возвращении в Саранск снова началась трудовая жизнь. Первая сессия, Татьянин день, каникулы...

Люба улетела к маме в Кабардино-Балкарию, а я, поскольку недавно была дома, решила остаться, покататься в березовой роще на лыжах, почитать, позаниматься побольше на рояле, так как мой инструмент родители уже продали, а мне предстояло сыграть сольный концерт.

Лыжи можно было взять в прокате, недалеко от нашего общежития. Я увлекла и Алексея на лыжные прогулки и даже давала ему надеть папин теплый свитер, потому что лыжного костюма у него не было.

Однажды мы шли ко мне в общежитие попить

Алексей Громыхин. Белое озеро. 1988

чаю, и в почтовом ящике на вахте я обнаружила письмо от профессора по классу скрипки из Казанской консерватории Рустема Абдулловича Сайфуллина, с которым меня связывала дружба со студенческих времен.

В порыве ревности у Алексея появилось стихотворение «Старый скрипач». Оно заканчивалось так:

*Пианистке льстят его признанья...
О, угомонись скрипач седой...
Оживишь ли долгим ожиданьем
Струны скрипки старо-молодой?!
В этом мире чувства очень зыбки...
Что ж мне снится в чуткой тишине:
Девушка, похожая на скрипку,
К скрипачу идет, а не ко мне...*

Алексей составил мне целый список книг, которые нужно прочитать и которые можно взять в библиотеке института, а также порекомендовал журналы «Иностранная литература» и «Новый мир». Потом мы обменивались впечатлениями о прочитанном.

Когда прилетела после каникул Люба, мы стали вместе готовиться к моему сольному концерту. Я решила для начала повторить свою выпускную государственную программу. Люба готовила вступительную часть о композиторах и их произведениях. Концерт прошел успешно. Был полный зал студентов и преподавателей, и наутро Алексей принес

мне напечатанное на машинке новое стихотворение «Молитва».

*Когда я потянусь к тебе душой,
Сбежав от всех: и смертных, и бессмертных, –
Великодушно жалься надо мной,
Дай грошик счастья из богатств несметных...
И мы бродить по улицам пойдём,
И вновь закружит звездная нас вьюга...
Я знаю: мы когда-нибудь умрем...
Но только не умрем мы друг для друга...*

А через неделю Алексей договорился с редактором институтской газеты «Учитель» опубликовать целую литературную страницу своих стихов под названием «Песни берез». Так у нас обоих одновременно состоялся творческий дебют в институте.

Летняя сессия была уже легче первой, зимней, потому что мы втянулись в систему работы нашего института, и на лето разъехались в большие отпуска. У Любиной мамы случился инсульт, и подруга получила открепление (разрешение не отрабатывать три года) и уехала домой.

Алексей тоже съездил на недельку к матери в Пензенскую область, а потом вернулся в Саранск. Много писал, готовился к публикации в новом коллективном сборнике поэтов Мордовии «Гостеприимная земля». Телефона у меня не было, и ко дню рождения Алексей прислал телеграмму.

Осенью, вернувшись в Саранск после отдыха дома, мы, вся молодежь из общежитий, снова отправилась в колхозы руководить студенческими отрядами по уборке картофеля. После этого я сразу же устроилась на дополнительную работу в музыкальное училище и на курсы по подготовке к кандидатским экзаменам в университете. Удивляюсь сейчас, как я все успевала...

Однажды Алексей в одной из газет увидел объявление о системе излечения от заикания врача-логопеда Лилии Зиновьевны Андроновой, которая организовала санаторий для групп из своих пациентов на Белом озере в Куйбышевской области. Алексей написал ей письмо и приложил свои стихи. Вскоре она ответила, что без очереди возьмет его к себе на лечение. Он, оформив к весне больничный лист, уехал. Писал мне почти каждый день, прислал фотографию с надписью «Белое озеро». А в одном письме передал просьбу Лилии Зиновьевны подробно написать о нем, потому что я знала его лучше других. Позднее, вернувшись, Алексей очень благодарил и даже сказал, что я могла бы стать писателем.

Мы были рады встрече. После занятий по системе Л.З. Андроновой он сиял от счастья: к нему вернулась свободная, давно забытая речь без заиканий. А Лилия Зиновьевна доверила ему для прочтения свои научные разработки, в том числе диссертацию, чтобы он сам набрал в Саранске группу для лечения. Это, как она пояснила, принесет пользу и заикающимся людям, и ему.

Когда новая книга вышла из печати, Алексей посвятил свою подборку стихов врачу-логопеду Лилии Зиновьевне Андроновой. Один экземпляр он отправил своей издательнице от недуга по почте, а мне подарил экземпляр книги с дарственной надписью.

Учебный год подходил к концу. Пока Алексей отсутствовал, я много занималась и подготовила новую концертную программу, с которой выступила в конце года еще более успешно, чем в прошлом году. Для меня было очень важно включить в программу абсолютно новые произведения.

При огромной занятости учебный год пролетел еще быстрее, чем первый год работы. Кандидатские экзамены, рассчитанные на два года, я сдала за один год. К тому же мы успели подготовить и сыграть программу для двух роялей с коллегой из Горьковской консерватории.

Снова лето, расставание с Алексеем на каникулы, телеграммы от него и редко – письма...

Последний, третий год работы по распределению пролетел еще быстрее. Я по-прежнему работала в двух местах. Алексей получил от Лилии Зиновьевны приглашение еще раз приехать в ее санаторий и закрепить приобретенные у нее навыки хорошей речи.

Я подготовила новую сольную программу из произведений Листа, и после концерта мне предложили работу в Мордовской филармонии на ставку солиста филармонии. На тарификации присутствовал Алексей и очень гордился, что я сыграла успешно и мне присвоили самую высокую из всех возможных на тот период категорию.

А вскоре пришло письмо от родителей, где они писали, что подходит наша семейная очередь на квартиру, и звали домой, в Йошкар-Олу. Я согласилась и по окончании учебного года написала заявление на увольнение. Меня не отпустили, даже вызывал проректор по учебной работе для собеседования. Но я хотела осуществить заветную мечту: купить в новую квартиру хороший инструмент.

Алексей помог мне заколотить и перенести посылки на почту, так как вещей и книг набралось у меня довольно много, и в день отъезда приехал ко мне рано утром на такси, чтобы сопроводить с двумя чемоданами в аэропорт.

Лишь только мы доехали до места, начался проливной дождь. Он шел весь день, и мой утренний рейс задерживали. Алексею нужно было на работу, но он преданно сидел со мной до самого вечера, потому что место в общежитии я уже сдала и возвращаться мне было некуда. У нас была с собой только одна шоколадка, которую успела мне сунуть соседка по общежитию, и мы съели ее пополам.

Наконец объявили рейс. Алексею разрешили проводить меня прямо до трапа самолета, и через два часа я была в Йошкар-Оле.

Я устроилась на работу в школу искусств и в музыкальное училище (благо, они находились в пяти минутах ходьбы друг от друга). Вуза для подготовки музыкантов в Йошкар-Оле не было.

С Алексеем мы регулярно переписывались, часто приходили телеграммы от него. Он ждал выхода из печати первой своей отдельной книги стихов и прозы, которая поставлена в план Мордовского книжного издательства и с которой он должен вступить в Союз писателей.

Весной книга «Жизнь прожить» вышла большим тиражом: 10 тысяч экземпляров. Алексей выслал мне книгу в подарок по почте в Йошкар-Олу.

Цикл стихов назывался «Березовый снег» (название взято из последней строчки посвященного мне стихотворения, вошедшего в сборник), а подборка рассказов получила название «Капли росы на траве». В книге были некоторые знакомые мне уже раньше стихи и новые. Среди них – и о нашей любви.

ЯБЛОКИ

Месяц – небесный агнец.
 Девушка. Светлый взгляд.
 Яблокопадный август.
 Яблони. Яблокопад.
 Что там, за околомом? –
 Душу с укором спроси.
 Падают с тихим стоном
 Яблоки по Руси...
 Снова печаль слепая
 Сердце мое прожгла,
 Словно с церковей слетают
 Желтые купола...
 Нету в деревне свадеб...
 И не осталось родни...
 Яблоки... Не собрать их...
 Снова сгниют они...
 Так вот – по всей России...
 Так вот – по всей Руси...
 Боже, умножь нам силы,
 Чтобы ее спасти...

СНЕГ

Т. Шатуновой

Березы от снега мохнаты.
 Им горестно жить в холода.
 Спит парк... Здесь с тобою когда-то
 Бродили и мы допоздна.

Те милые дни пролетели.
 И вряд ли вернутся уже...
 Здесь скоро заплачут метели
 И холодно станет душе.

А снег будет в небе высоком
 Кружить все больней и больней.
 Чтоб после березовым соком
 Проплакать над жизнью моей...

Любимая! Ты меня помни!
 Я был безнадежнее всех...
 ...Стоишь... И тебе на ладони
 Струится березовый снег...

На фоне классической музыки
 Чуть-чуть молодеешь душой.
 На фоне классической музыки
 О жизни мечтаешь большой.
 И кажется, грезы сбываются,
 И жизни становишься рад.
 Но музыка вдруг обрывается.
 И только мечты все звучат.
 Другие созвучья рождаются,
 Что мучали нас испокон...

И тело преобразается.
 В высокий трагический фон.
 И звуки доносятся чистые,
 И тянешься к звездам душой...
 И вновь приближаешься к ИСТИНЕ...
 И к музыке новой, большой...

ОНА

А за окном – тоска берез...
 И ветер, словно Берлиоз,
 Опять на скрипке желтоватой,
 Похожей на осенний лист,
 Играет грустные сонаты...
 О Берлиоз, угомонись...
 Она не выйдет...

Все проходит...
 И все остается...
 И душа птахой раненой бьется...
 Я не знал, что за сочной улыбкой
 Будет время сухим слезам...
 В сонном сквере, где желтые листья
 Тычут в ноги мне мордочки лисьи,
 Я брожу по твоим следам...

Печаль... печаль... печаль...
 Снега... снега... снега...
 Приди ко мне пить чай,
 Ты так мне дорога!
 Но знаю, не придешь.
 Печаль не отшумит...
 С другим чаи ты пьешь.
 На этом мир стоит.
 Моей судьбы анчар
 Взрос без воды живой...
 Печаль... печаль... печаль...
 А жизнь полна тобой!..

ЮРОДИВЫЙ

Татьяне Шатуновой

Недоступный вселенскому гневу,
 Одинокий на людной земле,
 По горячему, бледному снегу
 Шел юродивый в небытие...

Равнодушное солнце горело,
 Хохотала, пьянея, толпа...
 Шел юродивый...
 И кровянула
 Под босыми ногами тропа...

О тропа! Ты как длинная строчка!
 Сколько было написано строк!
 Видно, скоро поставлю я точку,
 Поуостав от стихов и дорог.

Будет жутко от муки великой,
 От сжигающих встреч и разлук...
 И юродивый с болью на лице
 Мне счастливым покажется вдруг...

ПУШКИН

«6 июня 1984 года выпускается в обращение монета достоинством 1 рубль в связи с 185-летием А.С. Пушкина – русского поэта».

(От Министерства финансов СССР и Государственного банка СССР.)

...Читаю...

От этого становится невесело.

Надо же! Додумались! Даже злость берет!

Разве Пушкин на рубле уместится!

Уместили!

И пустили в оборот!

Что ж, без этого его померкла б слава?

А теперь по всей Руси, по всей

Пушкина бросают на прилавок,

Он в руках рвачей и алкашей!

И на Сретенке, на Галушкина,

В душных барах под пьяный смех

За коктейли швыряют Пушкина.

Пушкин терпит... Он выше всех...

Словно жизнью за все расплачивается,

Слов прощальных не говоря...

Голова на монете покачивается...

Четвертованная голова...

Мечты души нарисовать пером,

Наверно, невозможно. Но – рисую...

От этой невозможности тоскую,

Как лебедь с окровавленным крылом.

И если мне вдруг будет суждено

Приблизить к Истине нагое слово

И лебедь воспарит, то полотно

Моею кровью обагрится снова...

Эта первая отдельная книга Алексея Громыкина до сих пор остается моей самой любимой, я ее бережно обкладываю и время от времени перечитываю.

Новую квартиру пришлось ждать еще три года с половиной, и все же ожидаемый дом успели построить до увольнения мамы, потому что возраст у нее был уже пенсионный.

Мама и бабушка отпустили меня в новую квартиру, когда в ней уже было все подготовлено и поставлена кое-какая мебель. Это было 7 марта, в канун женского дня, в день рождения Алексея. Мама сказала: «Пиши Алексею письмо, что квартиру ты получила».

На мое письмо он вскоре ответил и дал совет менять квартиру в Саранск. Но я этого не сделала, потому что родители у меня были уже пожи-

лые, не за горами пенсия и у папы, к тому же они взяли участок и построили дачу, чтобы в старости было где отдыхать на свежем воздухе и растить сад-огород. Если уж переезжать, то надо было всем вместе, так как родители сказали: «Где дети, там и мы» (брата, военнослужащего, долго еще гоняли по гарнизонам). Я осталась в Йошкар-Оле. Очень грела близость Казани, где родная консерватория, куда всегда можно приехать.

А у Алексея в Саранске был только двоюродный брат – писатель-драматург, тоже выпускник Литературного института. А главное, уже давние связи в литературной среде, перспективы дальнейшей печати.

Он продолжал писать мне письма с новыми стихами, еще нигде не опубликованными. Приведу два из них.

Ты уйдешь, растворяясь в прохожих,

Заполняя стихи и картины...

Никогда и ни с кем не схожая...

Будет вечер и лунный, и длинный.

А когда-нибудь, может, встретишься

В нежном взгляде Мадонны уличной...

И в душе моей снова отметишься

Недотрогаю-умницей.

Т.Ш.

Когда я разлюблю тебя совсем,

Наверное, все звезды вмиг потухнут...

И нелюбимый без тебя никем,

Я в эту бездну сумрачную рухну...

Я полечу среди жуткой темноты,

К другим мирам, которых, может, нету...

Но я покину мнимую планету...

Планету, на которой только ты...

И кем тогда я стану без тебя?..

Наверное, уже никем не стану...

Но я тебя любить не перестану,

И оттого я разлюбил тебя...

После этого стихотворения я прекратила переписку с Алексеем.

Со временем получил квартиру и он, тоже однокомнатную, от Союза писателей, перешел работать в Союз. В последний год жизни был председателем правления Союза писателей Мордовии. К своему 65-летию юбилею, отмечавшемуся в театре оперы и балета, он подготовил 12-томное полное собрание своих сочинений.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

ИТОГИ СТУДЕНЧЕСКОГО КОНКУРСА

25 января, в День российского студенчества, были подведены итоги первого областного студенческого литературного конкурса «Пиши не в стол!» На конкурс поступило 66 заявок от студентов высших и средне-специальных учебных заведений из города Ульяновска, а также Инзенского, Сенгилеевского, Карсунского и Цильнинского районов.

Лауреатами в номинации «Поэзия» стали:

- 1 место – Владислав Тихонов (Ульяновский колледж культуры и искусства),
- 2 место – Евгения Казакова (УлГПУ),
- 3 место – Регина Алиуллова (Ульяновский техникум питания и торговли).

Лауреаты в номинации «Проза»:

- 1 место – Диана Алмакаева (УлГПУ),
- 2 место – Марина Волкова (Ульяновский педагогический колледж),
- 3 место – Полина Полуэктова (УлГПУ).

Лауреаты в номинации «Иной жанр»:

- 1 место – Виктория Шейко (УлГПУ),
- 2 место – Светлана Лапшова (Инзенский техникум отраслевых технологий, экономики и права),
- 3 место – Влада Пелевина (УлГУ).

Специальными дипломами были отмечены Юлия Заболотских (Ульяновский медицинский колледж), Анастасия Исаева (Ульяновский фармацевтический колледж), Мария Старостина (УлГУ), Даниил Борисов (УлГТУ), Анастасия Щепочкина (УлГПУ), Елена Снегирева (Сенгилеевский педагогический техникум).

Виктория Шейко была рекомендована для участия в студенческой программе Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России, которое пройдет в Москве в июне 2022 года.

Предлагаем вниманию читателей подборку стихов и рассказы лауреатов конкурса.

Публикацию подготовила Алина ОСОКИНА

ТЫ ВЫЙДИ, ВСПОМНИ ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ...

Владислав ТИХОНОВ

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ПУТИ

Поезда сходятся воедино
По знакомым линиям.
И узор на окне незримый,
Выжженный белым инеем.
Сквозь туман и дожди ненастные
Размеренно держат ход
Километры вагонов загнанных
В один бесконечный взвод.
Под покровом ночи, скомкано
На обочине дней лежат
Миллиарды крупинок скованных
Снежных бравых солдат.
Укутавшись в плед горящий,
Пройден страшнейший брод.
На краю полей открывается
Растворивший мглу небосвод.
Сотни балконов панельных домов
В одиноких квартирах брошенных –
Когда же дым сигарет и костров
Начали нам казаться роскошью?

Евгения КАЗАКОВА

«Наступаю на грабли и очень недорого.
Старые/новые – разницы нет»;
С объявлением таким пробегу я по городу,
закажу себе грабельный я трафарет.
А потом все заказы ко мне заторопятся:
«Такую услугу ещё мы не видели,
Больно на качество проверить нам!»
И в очередь встанут халаты и кители.
За ними – и смокинги, фартуки, треники
(всем надобно грабли свои протестировать).
Я числа рисую всё больше на ценнике.
«Нам денег не жалко», –
начинают скандировать.
Желание люда уважить мне надобно,
поэтому делаю шаг с нетерпением.
То радостно смотрят они, то вдруг жалобно,
А я всё топчу эти грабли со рвением.
Одни поломала, вторые – в нокауте:
сражение с ними назвать трудно бременем.
И если на грабли ступать – ваша слабость, то
всё же сломаются они все со временем.

Регина АЛИУЛЛОВА

МАРТ

Она мечтала в горькой тишине,
Что миг настанет томный, долгожданный.
И он придёт, как рыцарь на коне,
В суровый март, заснеженный, туманный.

По кружеву краплёному рука
Поднимется, багряных щёк касаясь.
Но это всё лишь замки из песка,
И смотрим вдаль мы, болью упиваясь.

Продолжит грезить этим днём,
Обманываясь в призрачных надеждах,
И пусть весь этот мир горит огнём,
Она в своих затасканных одеждах.

В безликом одеянии петард,
Писать ему, как прежде, письма будет.
Ведь сердцу её вечно снится март,
В котором он её взаимно любит...

Марина ВОЛКОВА

ПРИШЛА ВЕСНА...

Пришла весна, пришло и солнце,
Ушли сугробы, холода.
Пойди, открой свое оконце,
Оконце света и добра.

Там птицы, песни, нет морозов,
Во двор явилась детвора,
От снега лишь остался отзыв –
Пришла весенняя пора.

Ты выйди, вспомни детство, юность,
Пору отчаянной любви,
Как мы с тобой творили глупость,
Тот вечер вместе, у реки.

Пришла весна, придёт и осень –
Пора тоскливых, хмурых дней,
Но вновь вернётся солнце, юность,
И я коснусь твоих очей.

Когда польются снова реки,
Вернутся птицы к нам в леса,
С тобой услышим снова трели,
Природы звонкой голоса.

Даниил БОРИСОВ

Добро или зло,
Правда и ложь...
Я не знаю, к чему ты в конце приведешь.
Смысл и бред,
Ночь и рассвет...
Такие разные, но друг без друга их нет.
Такая тонкая грань,
Такая ясная параллель...
«Одно другим стань!» –
Закон этих земель.
Каждый элемент найдёт себе пару.
Каждому событию есть начало, конец.
Ты думаешь: «Многое знаю!»,
И тут опять ошибся малец...
Ты просто смотрел напрямую,
Не видел, что скрыто от глаз.
Не заметил ты часть вторую,
А она существует сейчас.

Елена СНЕГИРЕВА

Скрыта осень облаками,
Лунный свет в окно струится,
За лесами, за холмами
Воет старая волчица.
Снова вечер тёмно-синий
Закрывает в окна ставни,
Чьё волчица воет имя
Так безудержно печально?
Осень соберёт туманы,
В них луну и звёзды пряча,
Воем на рассвете пряном
Отзовется пёс бродячий.
То ли что-то он услышал,
То ли имя чьё-то вспомнил,
То ли вой тот безнадежный
Что-то старое напомнил.
Жизнь – ирония такая –
Лютый враг неожиданно равен:
Кто-то вспомнил свою стаю,
С кем-то в памяти хозяин.

Диана АЛМАКАЕВА

ВОР

Окно ветхого дома из погнивших досок, с которых уже давно отколупалась голубая краска, оставив за собой лишь напоминание о тогдашней красоте, было приоткрыто. Простая деревянная оправа, обрамлявшая мутное, местами поколотое стекло, распахнулась с тихим, почти незаметным скрипом. Пробраться внутрь оказалось просто. Одна за другой мои ноги ступили на пол. Старый телевизор, накрытый белой вязаной салфеткой, сервант с зеркальной задней стенкой, наполненный таким же антикварным, как он сам, сервизом, деревянные полки, уставленные всякой утварью, узорчатый красный ковер на стене и подставленный к нему диван, аккуратно заправленный покрывалом, – все это как будто застыло во времени, в далеких годах второй половины двадцатого века. В той комнате можно было услышать саму тишину. Создавалось ощущение, будто в доме вовсе нет воздуха, а вместо него – вода. Теплая вода, в которой медленно плавали подсвеченные через единственное окно уходящим золотистым закатом частицы пыли. Воздух был настолько плотный, что, казалось, было трудно дышать. Еще раз оглядевшись в полумраке, я направился к серванту. На полпути подо мной скрипнул пол, потревожив тишину. В надежде на что-то, я бросил взор вниз, на старые рыжие доски, покрытые толстым, местами неровным слоем лака. Мое тело будто парализовало, и я застыл в неестественной позе. На мгновение мне показалось, что у стен есть глаза и они стали пристально за мной наблюдать. Показалось. Стало неудобно, и я ускорил процесс. Открывая стеклянную дверцу серванта, я заметил пожелтевшее старое фото мужчины в воен-

ной форме в полный рост. За ним была какая-то шкатулка.

– Нашёл, – прошептал я чуть слышно.

Отложив фотографию в сторону, мои руки потянулись к шкатулке, и в этот момент снова послышался скрип досок, но не подо мной. Глаза резко уставились вперед, в зеркальную стенку за полками серванта. В ней я не видел ничего, кроме моих глаз, широких, наполненных испугом и полным непониманием того, что же мне делать дальше. Бежать? – нет. Что-то непонятное останавливало меня, водрузилось мне на плечи и давило, давило.

– Здесь кто-то есть? – хриплым голосом едва слышно проговорила старушка.

Разум окаменел, дыхание прервалось. Я нашёл в себе силы обернуться. Передо мной стояла бабушка. Она стояла спокойно, но я не понимал почему. Солнце уже зашло за горизонт, в комнате стало темнее. Но среди темноты я смог различить её взгляд. Он был наполнен безысходностью, как будто так и должно быть. На её лице была улыбка, но глаза её были уставшие. Возможно, они устали кричать от грусти и одиночества. Устали плакать по детям, которые забыли о старой матери, что существует где-то на окраине мира. Устали молиться день и ночь напролёт, потому что это единственное лекарство от всех болезней, которое она может себе позволить. Да и сама она устала. Она живёт этим состоянием – усталостью. А с приходом усталости отступили страх и волнение. Они больше не нужны. И тогда я понял. Этой женщине нечего терять. Всё уже давно утеряно.

– Сынок, – начала она вдруг.

Сынок? Я человек, который пришёл забрать у неё последнее, что есть, а она назвала меня...

– Если тебе что-то нужно, возьми, мне всё равно уже не понадобится. Правда, забирать-то и нечего, – старушка замолкла. Медленно оглядываясь, добавила: – Украшений нет, из техники всё старое, ломаное, – она вдруг замолчала, – а коли по мою душу...

Глаза её блеснули слезой в сумраке.

– Да что вы такое... – не досказав, упал мой голос.

В горле образовался ком. Мне было нечего сказать. Казалось бы, обыкновенное дело для меня – воровство. С детства я вынужден был заниматься этим неблагоприятным делом. Но в тот момент что-то сломалось во мне. То ли взгляд на жизнь, то ли я сам.

Чувство совести подступало всё сильнее, накрывая волнами стыда и жалости.

– Ежели какая помощь нужна, ты скажи, что случилось, я постараюсь помочь чем смогу.

И после недолго молчания, добавила:

– Бог всё видит, каждому поможет, вот и встретил нас здесь, сынок. Покайся, поговори, легче станет.

Ещё с минуту мы стояли в тишине, затем я тихо извинился и направился к выходу, через то же окно, извиняясь по пути снова и снова. Уже выбравшись из дома, я обернулся, а старушка всё стояла в той комнате и смотрела мне вслед всё тем же взглядом, но теперь наполненным не только усталостью, но и прощением.

Виктория ШЕЙКО

СВЕТ ОДИНОКОЙ ЗВЕЗДЫ

Сменяются времена года, словно на карусели проносится жизнь. Весна бесконечно далека, после осени нас ждёт завораживающий танец метели под тоскливые песни ветра. Любое наступившее время года кажется нескончаемой порой, но может хоть что-нибудь в этом мире быть бесконечным? Может ли человек быть бесконечным, как космос? Поражает поэтичное высказывание известного астрофизика Карла Сагана: «Азот наших ДНК, кальций наших зубов, железо нашей крови, углерод наших яблочных пирогов созданы в недрах сжимающихся звезд. Мы сотворены из звездной пыли». Увы, немногим удается стать звездой в течение своей жизни.

В июле 1841 года в окрестностях Пятигорска, по заросшему склону бродил Лермонтов, всматриваясь в белеющие горные хребты. Лицо было спокойно, взгляд глубоких пронзительных глаз остр, но печален. Возможно, боль, накопившаяся за годы, пряталась за сдвинутыми бровями и появившимися морщинами. Лермонтов явно был опытнее и мудрее своих двадцати шести лет. Как и всегда что-то тревожило, не давало покоя его бунтарской душе.

Никому не известно будущее, как и исход дуэли. Столько раз храбро смотревший в лицо опасности, он, пожалуй, рассчитывал на волю случая. Разве прозорливый человек, насквозь видящий других, читающий их намерения по одному только взгляду, не предполагал возможного исхода? Если допустить, что Лермонтов знал это, почему не попытался остановить неотвратимое? «И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. <...> Одни скажут: он был добрый малый, другие – мерзавец. И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить?»

Жизнь непредсказуема и сложнее, чем сочиненный роман, но часто его напоминает, ведь герои повествования почти всегда не догадываются, что с ними произойдет, какая роль им уготовлена авто-

ром. Никто не ждал трагического исхода дуэли. Почему люди никогда не ожидают худшего?

Огромная туча показалась из-за гор. Погода, словно предчувствуя, забила в истерике. Струями дождя она хлестала по щекам, попадала в глаза, словно пытаясь оттянуть роковое мгновение. И вот ещё живое сердце сделало последний удар. У Лермонтова есть доля секунды, чтобы последний раз устремить глаза в бесконечное звездное пространство. Пуля проходит насквозь, через несколько минут наступает мёртвая тишина: дыхание навсегда останавливается.

Пятигорские долины погрузились в густой сумрак. В окровавленной траве по-сиротски одиноко лежит костенеющее тело...

Рос маленький Миша у бабушки – мать умерла, когда мальчику не было еще трех лет, отца видел очень редко, он был лишен родительской любви. Умен, остёр, закрыт, но глубоко уязвим и одинок, таким стал русский Мцыри и одинокое дитя Кавказских гор. Неслучайно тема человеческого одиночества сопровождает его лирику.

Творческие натуры отличаются сложным, порой непокладистым характером. Лермонтов нередко задевал знакомых своим остроумием и колкостями. Иногда пустячные необдуманные поступки заканчиваются ссорами, а ссоры – дуэлями. «Погиб поэт! – невольник чести...» – пророческие строки. Кто мог предполагать, что Михаил Лермонтов станет классиком русской литературы и будет стоять рядом с Пушкиным, разделив трагическую судьбу?

Князь Васильчиков, «секундант» Лермонтова говорил о том роковом дне: «И перекаты грома пели вечную память новопреставленному рабу Божию Михаилу». Наконец, тучи разошлись. Сквозь вечернюю пелену проступил бледный силуэт луны, выглянули звезды. Лермонтов часто размышлял о них. Когда ему было 17 лет, он написал стихотворение «Небо и звезды».

*Ясны далёкие звёзды,
Ясны, как счастье ребёнка.*

Звёзды, возможно, служили напоминанием о беззаботном времени, о том ощущении радости, которое испытываешь только в детстве, когда ничто не омрачает твоё существование.

Земная жизнь как будто была не для него, слишком обыденна и рутинна. Мерцание звезд казалось более возвышенным, чистым, чем пустое светское общество. Ему было 17 лет, прожита почти половина жизни. Возможно, Лермонтов это предчувствовал, осознавал.

Чуждый своему окружению, он тянулся к умиротворению, покою, бесконечной космической гармонии, которую дарит звёздное небо. Эти строки неслучайны.

*Я же, напротив,
Только завидую звёздам прекрасным,
Только их место занять бы желал.*

Свет каждого человека незаметно озаряет этот мир, а затем исчезает во тьме. В чем же заключается ценность быстротечной человеческой жизни? В страданиях, в одиночестве, в ценности каждого мгновения, в том, что человек ищет свое предназначение в жизни? Но удастся ли кому-то его найти?

Уже много лет на тёмном небосводе одиноко мерцает звезда. С ясностью и чистотой освещает она землю. Свет её, искренний и правдивый, срывает туманную пелену будней, помогая людям искать свой путь в печали и в радости. Кому посчастливится попасть под её магический свет, способен почувствовать такую близкую русской душе грусть, что заставит задуматься и найдёт добрый отклик в открытом сердце. Видимо, такова судьба поэтических гениев – навсегда остаться сверкающей таинственной звездой.

Награждение лауреатов конкурса

Игорь УЛИТИН

«ЗДЕСЬ ДАЖЕ В СТОЛОВОЙ ГОВОРЯТ О КНИГАХ»

С 28 ноября по 5 декабря 2021 года в подмосковном пансионате «Звенигородский» проходил XXI форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Многим из нас известный под более лаконичным названием форум «Липки». Вот уже много лет это главное событие для русскоязычных молодых авторов. И тем более отраднo, что уже не первый год на нем представлены ульяновцы. Участниками «Липок» в разное время были Гала Узрютова, Татьяна Филатова, Данила Ноздряков, Вячеслав Савин и другие наши литераторы. В этом же году единственным участником от нашего региона стал Игорь Улитин, отправившийся туда в качестве писателя.

К «Липкам-2021» можно применить эпитет «многострадальные». Из-за ковидных ограничений долго решался вопрос с датами проведения. И когда они уже были объявлены – форум назначили на начало ноября, в России объявили локдаун. Как признавались участники юбилейных, двадцатых «Липок», у них произошло дежавю, потому что в прошлом году из-за пандемии их перенесли на весну. На этот раз перенос был не столь радикальным, но часть отобранных участников все равно не смогли из-за этого попасть на форум. (Среди них Данила Ноздряков, который изначально тоже должен был приехать на «Липки-2021».)

В итоге в пансионате «Звенигородский» собрались 160 авторов со всей России и не только. Писатели, поэты, драматурги, критики, которые почти

равномерно распределились по мастер-классам крупных литературных журналов Москвы и Питера: «Звезда», «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Костер»... А вот имена руководителей семинаров: Валерий Воскобойников, Денис Драгунский, Валерий Попов, Алексей Алехин, Сергей Куняев... Всего 15 семинаров. На одних поэты и прозаики были порознь, на других вместе. К последним относился и семинар журнала «Юность», в котором участвовал Игорь Улитин. Мастерами на нем выступили писатель Герман Садулаев и поэтесса Анна Ревякина. Хотя, как шутили и сами мастера, как минимум одну из участниц семинара тоже можно было считать мастером – писательницу Женю Декину.

– Я был только «за» за такое смешения поэзии и прозы. Во-первых, я сам пишу стихи, и мне было

На фото: Участники форума «Липки». На первом плане Игорь Улитин

интересно услышать, как проходят разборы поэтических текстов. Во-вторых, благодаря этому к нам попали замечательные авторы, которые отлично проводили разборы прозаических текстов. Например, нальчинская поэтесса и редактор детского журнала «Солнышко» Дарья Шомахова, – рассказал Игорь Улитин.

Сам Игорь представил на суд мастеров и участников подборку рассказов в двух жанрах. Первая часть – реалистичные произведения, которые он пишет под своим именем, и абсурдное фэнтези, которое подписано псевдонимом Ингевар Сооне. По словам Игоря, мнения на счет его творчества разделились. Часть участников положительно оценила его реализм. Другая же часть, и с ними были солидарны мастера, отдала предпочтение фэнтези.

Естественно, одними только мастер-классами дело не закончилось. «Липки» – это еще и встречи с интересными людьми. Чего только стоили вечера писателя Дениса Драгунского и поэта Алексея АLEXИНА! А еще неотъемлемая часть творческого процесса «Липок» – это посиделки авторов, на которых участники обсуждают свое и чужое творчество. Как кто-то пошутил о форуме: «Здесь даже в столовой говорят о книгах».

Итоги форума для Игоря Улитина стали весьма положительными. Он вошел в число стипендиатов, а его фэнтези-рассказ «Война самурая Мацумото» был рекомендован к публикации в журнале «Юность».

Ингевар СООНЕ

ДУРА КРЫЛАТАЯ

Меркун и Мрница шлёпали вдрызг промокшими ногами по дороге, давным-давно превратившейся в одну сплошную снежную кашу. Настолько давно, что уже мало кто мог вспомнить когда.

– Тут несколько часов. Быстро пройдем. Пошла бы ты со своим «быстро пройдем»! Третий день плетёмся. Сегодня опять под каким-нибудь деревом ночевать будем! – брюзжал Меркун, до того два дня подбадривавший спутницу весёлыми разговорами.

– Ну, не ходил бы, – бурчала Мрница.

– Да, тебе 15 лет, а я бы тебя одну отправил. Уж извини, но по документам я твой папаша. И еще года три обязан за тобой следить. Послали боги доченьку.

– Ну, не брал бы.

– Знал бы, может и не взял. Но на том хреновом куске рванины, в котором я тебя нашёл, не было написано, что мне придётся таскаться по Стране вечно тающего снега из-за «отличного» чувства юмора этого грязного существа!

Мрница молчала. Поглядела на отца. В общем-то, то, во что они были одеты сейчас, мало отличалось от того, в чем он ее нашёл. Рванина и есть рва-

нина. По десятку раз заштопанные куртки, засаленные до блеска джинсы. Ладно хоть сапоги кирзовые ему на день рождения украла, а то сейчас бы уже все ноги отморозил. Тот, мать его, советчик, что им подсказал сюда идти, говорил, что дорога там естественная. И что, хоть не часто, но машины проезжают. Примерно по тем же делам, что и Мрница с Меркуном. Пару раз за день точно. Но вот уже третий день ни машин, ни мотоциклов, никого, кроме них, на этой раскисленной дороге.

– Короче так, если мы сегодня к вечеру хотя бы какой-нибудь сарай не найдем, то завтра я ухожу назад. А ты можешь шлёпать дальше. Дорога тут всё равно одна. А можешь вообще летом. Крылья у тебя теперь есть.

– Хватит, а!

– Чего хватит! Шутница хренова! – взорвался Меркун. – Думать нужно, прежде чем говорить. А в кости лучше вообще не играть. Дура!

– Да, дура! Да, пошутила, что крылья хочу. Я знала, что этот хрен колдун?!

– Спросила бы.

– А он бы прямо так и сказал.

– Да, сказал бы!
 – С какого перепоя?
 – Не с перепоя, а обязан сказать. Колдун, если не скажет, что он колдун, на три дня шерстью обрастает. Весь, с головы до пяток. Причём сразу.

– С чего ты взял?
 – Бывало, играли тоже в детстве. И вообще-то, когда в кости садятся играть, сначала спрашивают: «Кто тут колдун?» – вещал Меркун.

– А чего ты мне не сказал?
 – Я тебя в кости играть не посылал. И начнем с того, что ты сказала тогда, будто с Кшницей пойдёшь пироги печь. Напекла.

Мрница молчала. Наверное, молчать было бы легче, если бы пейзаж был поразнообразнее. Но увы, кругом был только вечно тающий снег, да очень редко мелькавшие деревья, с черными островками земли вокруг них. Не удивительно, что отсюда все ушли. С ума сойдешь в такой стране жить. Ладно, не все. Один остался...

Если бы здесь было видно солнце, то можно было бы сказать, что оно начало садиться. Но солнца здесь не было видно уже много лет, поэтому просто начало темнеть.

– Па, смотри, что там? – сумела улыбнуться Мрница.

– Батюшки, неужто изба! Ну, радуйся, я завтра не уйду.

– А так бы будто бы ушёл? – хитро улыбнулась Мрница и встряхнула короткими, чёрными, давно не мытыми волосами.

– Не знаю, – буркнул Меркун. – Давай побыстрее, там хотя бы ветра нет.

До избы они буквально долетели. Хотя ноги их еле несли. А избенка оказалась не просто целой, да ещё и с «удобствами». Хоть окна в ней были без стекол, но ставни никто не сорвал и не унес. Так что в избе было хоть и темно, но довольно тепло. А в одной из комнат даже осталась койка с панцирной сеткой. И здесь же, в углу, валялась полусгнившая солома. Наверное, ее постелил кто-то предусмотрительный из таких же, как отец и дочь Цыцары, отправившихся снимать чары.

– Па, здесь даже печка есть! Давай растопим.

– Дрова-то ты где найдешь? Да и сил моих нет. Ложись. Ты на шконарь, там с крыльями, наверное, удобнее будет. Я в угол.

– Может, пожрем чего?

– У нас как будто выбор блюд, как при царском дворе.

– Ну, нет. Галеты. Будешь. Две на ужин, две на завтрак. А на оставшиеся дни, может, Хвичин нам что даст.

– Догонит и ещё добавит. Готовься голодать. Главное, чтобы твой шутник не оказался сильнее Хвичина.

– Он же вроде самый крутой?

– В наших краях да. Ты же говоришь, этот твой чернявый был.

– Ну, тёмненький.

– Может он из Страны незаходящей луны был. Там вообще лютые колдуны. Могут и сильнее Хвичина быть.

– Да, нет. Это вряд ли. У него даже акцента не

было, – сказала Мрница, выколував из карманов своего порванного пуховика четыре галеты.

С чем проблем здесь не было, так это с водой. Она была под ногами, капала с крыши этой едва ли не единственной в стране избы. Иногда, когда сюда залетали иностранные тучи, здесь шёл снег, крупа, а очень редко дождь. Так что ладно хоть не в сухомятку есть приходилось.

Обойдя другие комнаты, Меркун нашёл в одной из них несколько обрывков грязной мешковины.

– Вот, дочь, у нас сегодня одеяла есть, – улыбнулся он. – Вроде даже сухие.

Мрнице отец отдал то, что было почище и поцелее, а себе взял то, что осталось. Промокшее за эти дни тряпье они повесили на торчавшие из стен гвозди. Когда Мрница укладывалась, Меркун грустно вздохнул, глядя на пару чёрных крыльев, которые были аккуратно сложены у нее на лопатках. За эти три дня они немного подросли. Лишь бы колдун помог. Меркун уже почти заснул, когда услышал голос дочери.

– А если Хвичин и вправду окажется слабее? Тогда что?

– Как тебе этот хмырь сказал: взмахнёшь крыльями и станешь вороной, – попытался пошутить Меркун.

– Козёл ты, папа.

– И тебе спокойной ночи.

Меркун так устал за эти дни, что не помнил, как Мрница переложила его ночью на койку. А проснулся он от какого-то шума и... запаха жареной картошки. Все это было настолько неправильным в этой стране, что Меркун даже осознал, что нужно вскакивать – вдруг это опасность. Но под мешковиной так было тепло, что он только разлепил глаза. Мрницы в комнате не было. Но голос, доносившийся из другой комнаты и напевавший какую-то современную попсу, явно был её. Меркун всё-таки встал, но одеваться не стал, а завернулся в мешковину.

– Доброе утро! – радостно провизжала Мрница.

– Доброе!

– Одевайся, и давай к столу. Ну, как к столу. Завтракать, в общем.

– Нет, одеваться не хочу. Оно сырое всё.

– Сухое уже. Я печку таки истопила. Здесь чулан есть, я там какие-то поленья нашла. И вот, вуаля!

– Спички-то не отсырели?

– Нет, я ж, как ты учил, в целлофан их завернула.

– А картошка откуда?

– Там же нашла. Мороженая, правда, но ничего.

А жарила вот прямо на шестке.

– Хозяйка. Вернемся, в повара тебя учиться отдам.

– Деньги-то где возьмёшь? – грустно улыбнулась Мрница.

– Сапоги продам, – улыбнулся Меркун.

– Но-но, сапоги этой мой подарок. Я их на военных складах ukrала. Ой, проболталась. – Закрывает рот руками Мрница.

– Ц-ц-ц, – причмокнул языком отец. – Ладно, будто я сам не воровал.

Отец и дочь уселись прямо на пол и начали завтракать. Для них это было удивительно. Они и в Своей стране не всегда горяченьким могли себя

попотчевать. А тут, в Стране вечно тающего снега, нате вам. Даже как-то уютно.

– Слушай, а почему здесь всегда лежит снег? Люди-то, получается, здесь когда-то были? Мы три дня идём, а я всё не спрашивала, – поинтересовалась Мрница, отхлебнув кипяток, согретый в обломке кровельного железа.

– Жили, – посмотрел куда-то в сторону Меркун. – Война тут была. Долго была. За что воюют, здесь уже и забыли. От неё люди и уходить стали. Остались только самые злые и самые трусливые, кто этих злодеев боялся. А потом снег пошёл. Всё здесь засыпал, заморозил. Говорят, те злодеи и трусы до сих пор под снегом лежат.

– А почему именно здесь? Почему над Нашей страной он вечно не идёт.

– Я как знаю, так и расскажу. Как говорят – не тронь колдуна, чтобы не колдовал. Люди могут что угодно делать друг с другом, пока это колдунов не касается. А эти, как говорят, злодеи-то, решили штурмом холм и дворец Хвичина взять. Ну, он и психанул. Ему, говорят, в снегу нормально. А людям, как видишь, не очень.

– Да уж, не очень... – протянула Мрница. – Ну что, допивай, и пошли.

До холма Хвичина идти от избы оказалось не так уж много. Всего-то часа четыре. По сравнению с тремя днями это так, плёвое дело. Холм был не так уж и высок. Но видно его было издалека. Это была единственная зеленая точка во всей Стране вечно тающего снега. Да еще и единственное место освещенное солнцем. Правда, то, что называли в Их стране дворцом, на поверку оказалось крепкой избой с мансардой.

– А что ему говорить нужно? – забеспокоилась Мрница.

– Я откуда знаю. Я к нему ни разу не ходил. Советчик твой тебе ничего не сказал?

– Неа, он только сказал куда идти.

Цыцары остановились у самого подножья холма. Стояли молча. Наконец, Мрница решила попробовать первой.

– Хвичин! Дедушка Хвичин!

Тишина. И уже вдвоём.

– Дедушка Хвичин!!!

Из избы наконец вышел невысокий седой бородастый мужик в красном свитере. Опираясь на посошок, он подошёл к Цыцарам.

– Чего орём? Колдовство, чай поди, снять надо.

– Надо.

– Ну да, ну да. Как воровать да в кости мухлевать, так это сами. А как расколдовать, так Хвичин.

– Ты мухлевала, что ли? – повернулся к Мрнице Меркун.

Дочь виновато развела руками.

– Я тебе куртейку приглядела в секунде. Нор-

мальную такую. Думала деньжат поднять.

– Эх, дура, – выдохнул Меркун.

– И зачем ты эту дуру только подобрал, да, Меркун? – немного по-злому улыбнулся Хвичин.

– Чтобы не сдохла.

– Вот видишь, папаня-то у тебя человек добрый. А ты – злодейка!

Мрница вспомнила рассказ отца про злодеев и трусов, шлёпнулась коленями прямо в снег и закричала.

– Дядя Хвичин, я не со зла! Я папке подарок сделать хотела!

– Ладно. Не злодейка, а просто дура. Дура крылатая. Всё, вставай и поворачивайся.

– А крылья?

– Поворачивайся, тебе говорят, некогда мне с вами. Я сегодня овец стригу.

Мрница опустила голову и зарыдала навзрыд. Меркун грустно посмотрел на колдуна, дёрнул щекой и, подняв дочь, сказал:

– Пошли, доча. Значит, так.

– Вот-вот, – проворчал Хвичин.

Цыцары развернулись и уже собрались идти назад, как вдруг Мрница почувствовала ужасную боль между лопаток.

– Аааааа, дед, ты что! – завопила она, рухнув в снег.

За спиной стоял улыбающийся белоснежной улыбкой Хвичин, только что заехавший девчонке промежду лопаток посохом.

– Давно я никого по хребту посохом не бил! Эх, хорошо попал! – выдохнул он. – Вставай, дура бескрылая.

Меркун, собравшийся было врезать что есть силы старику, вместо этого задрал дочери ее рваные куртку и кофту и действительно не увидел там уже надоевших ему вороньих крыльев. Только синяк от посоха расплзался вдоль спины.

– Мрница, крыльев нет, – прошептал он.

Дочь снова закрыла лицо и продолжила плакать.

– Ну, вставай, вставай. Неча тут, вам ещё назад идти, – уже по-доброму проговорил Хвичин.

Мрница встала, поглаживая спину, всхлипывая, пробормотала.

– Спасибо, дедушка.

– Всегда пожалуйста. Только в кости больше не играй. Второй раз не расколдую. Да, вот нате вам ещё помидорку. Поужинаете. – И Хвичин пошел назад.

Цыцары переглянулись.

– А с нас что? – крикнул Меркун.

– Не быть злодеями и трусами. Мне хватит. Бывайте. – Махнул рукой дед.

– Ну, это мы умеем, – улыбнулся Меркун.

Отец и дочь пошли назад. Домой идти оно быстрее. А в избе вроде как ещё картошка осталась.

ЛУКОМОРЬЕ

Юлия МАНАХОВА

ПРО «ВСЁ»

Сказка

*Каждый из нас в любую минуту и в любом месте
является героем своей истории...*

В обычном городе, на обычной улице, в обычном доме жила-была девочка. Разумеется, это была самая обычная девочка. Поэтому не будем называть её имени и описывать её внешность. Пусть это сделает за меня ваша собственная фантазия. Вообще, природа зря ничего не делает. И нужно почаще пользоваться воображением, раз уж у нас оно имеется. И вот наша история, конечно же, совершенно случайно, произошла именно с ней. Вы можете возразить. Как это обычная девочка оказалась героиней? Что в ней такого? Но, я вас уверяю, чтобы стать героем, не надо никаких особых способностей, а нужна самая малость – оказаться в нужное время в нужном месте. Вы опять можете не согласиться, ведь найти это время и место совсем не малость, если не сказать, что с этого и начинается любая сказка или рассказ. Да, вы абсолютно правы. И если рассуждать дальше, то каждый из нас в любую минуту и в любом месте является героем своей истории, даже здесь и сейчас. А вот чем закончится эта история, будет уже зависеть от вас, если, конечно, не вмешаются некоторые волшебные обстоятельства.

Теперь вернёмся к нашему рассказу, и если вы

ещё не убедились, что наша героиня самая обычная девочка, то сейчас вы это поймёте. Так вот, когда нашей девочке исполнилось семь лет, то она, как все обыкновенные дети этого возраста, пошла в самую обычную школу. Но вот для девочки поначалу это не было таким уж обыкновенным событием по ряду причин.

Портфель был куплен родителями ещё летом, неоднократно примерялся, поэтому так не терпелось использовать его по назначению вместе с другими школьными принадлежностями. В одночасье у неё появилась целая куча новых друзей. А это ни много ни мало целых двадцать восемь человек – именно столько ребят училось в её классе. Девочка с удовольствием по утрам собиралась в школу, подгоняемая желанием поскорее поделиться новостями с друзьями и узнать столько нового от учителей. Несмотря на то, что ей нравилось радовать родителей хорошими оценками, она очень любила перемены. Ведь после того, как звучал звонок с урока, вся школа превращалась в один большой колокольчик. Ребята бегали одни от других, словно муравьишки, превращая коридоры в зоны повышенной

опасности, учителя в это время отсиживались в своих кабинетах. И у девочки возникло впечатление, что они с не меньшим нетерпением ждали звонка на урок, чем дети звонка на перемену.

Было ещё кое-что приятное в этих коротких промежутках времени между занятиями. Всем детям родители собирали в школу что-нибудь вкусненькое. А после работы в классе и беготни по коридорам это приходилось как раз кстати. Особенно девочке нравилось обмениваться угощениями с одноклассниками. И оказалось, что бутерброд с колбасой очень неплох вприкуску с конфеткой. Если случалось забыть еду дома, то ребята приходили на выручку и делились своим завтраком.

Но вот раздавался звонок на урок, и как по волшебству в классе устанавливались тишина и порядок. Это тоже очень забавляло девочку. Она решила, что перемена – самое подходящее название для времени отдыха между уроками, ведь всё и все так быстро меняются.

Так часто, если не сказать обычно, случается, что если что-то необычное и новое регулярно повторяется, то оно становится обычным. И вот обычный будний день начинался в семь утра с попыток открыть сразу два глаза. Потом начинались утренние процедуры – умывание, одевание, завтрак. И пожалуй, единственное, что не нравилось девочке, было причёсывание головы – уж больно мама торопилась на работу, и поэтому расческа частенько запутывалась в волосах, что вызывало весьма непри-

ятные ощущения, а с ними иногда и плаксивые возражения дочки. На это у мамы следовало предложение остричь волосы «под мальчика», о чем никак не мечталось девочке. Поэтому процедура продолжалась под тихие охи-вздохи обеих участниц.

Школа находилась в трёх минутах ходьбы от дома. Но между ними на пустом месте возвели стройку, и приходилось идти в обход, а это порядочно удлиняло путь.

После занятий начиналась продлёнка и кружки. Последние заслуживают отдельного упоминания. В школе был такой большой выбор внеклассных занятий, что хотелось посещать всё и сразу. Но так как это было невозможно, то путём долгих терзаний девочка определилась. Она никак не может обойтись без уроков игры на фортепиано, хора, кружка по вязанию и бальных танцев.

Девочку обычно забирал из школы кто-то из родителей. Остаток вечера был посвящен подготовке уроков. И так проходили дни с понедельника по пятницу. А в выходные удавалось встретиться и погулять с друзьями.

И, по общей закономерности, девочка быстро привыкла к насыщенному расписанию дня, и все эти события утратили свою новизну, а вместе с тем и ощущение необычности. Но вот однажды начали происходить непредвиденные изменения. Она стала ходить в школу всё быстрее и быстрее, но, несмотря на все старания, опаздывала каждый день. Сначала на чуть-чуть, а потом аж на целых десять минут. С другими ребятами и учителями происходило то же самое. Девочке начинало казаться, что время ускорило свой ход. Уроки проходили так быстро, что учителя не успевали объяснить новую тему до конца. Детям это даже нравилось поначалу, но и перемены в свою очередь пролетали незаметно. Времени не хватало ни на разговоры, ни на завтраки.

Дома родители не успевали переделать все дела, как нужно было уже укладываться спать. Девочка очень старалась выполнить всё домашнее задание, но у неё не хватало времени. Самое обидное, что это касалось и кружков. Занятия по фортепиано заканчивались сразу после разминочных упражнений. До разучивания новой мелодии дело просто не доходило, ведь нужно было уже бежать на занятия по пению, которые проносились так же молниеносно. И, к ужасу девочки, пришлось бросить вязание, а потом и бальные танцы. А это уже совсем никуда не годилось.

Так в суете мелькал день за днем. Ночи не хватало для сна. Утром приходилось просыпаться всё раньше и раньше. Все люди стали непривычно много зевать. Страшно сказать, в какие муки превратилось причёсывание головы по утрам и для мамы, и для девочки. Последняя начала переживать, что идея о стрижке «под мальчика» могла воплотиться в жизнь в самом скором времени. С погодой тоже творилось что-то непонятное. В середине октября резко похолодало и выпал первый снег, которому на этот раз дети не могли так радоваться, ведь на игры совсем не оставалось времени. Деревья не успели скинуть листву, а птицы – улететь в теплые края. Разумеется, происходящие странности замечали все окружающие, но учёные только разводили руками. Получилось, что все из обыкновенного вдруг

стало совсем необычным. И девочка заметила, что на этот раз радости ей это не принесло.

И вот одним обычным необыкновенным утром девочка так опаздывала в школу, что решила послушаться родителей и сократить путь, пройдя через стройку. Она старалась идти осторожно, чтобы не испачкать сапожки, как вдруг услышала неподалёку кошачье мяуканье. Оно было таким настойчивым, и девочка решила, что это зов о помощи. И она пошла на этот звук, раз уж всё равно в школу опоздала. Оказалось, что источник беспокойства находится прямо в строящемся здании, куда заходить было категорически запрещено. Но в этот день стройка была пуста, вокруг не было ни души, поэтому девочка, поколебавшись, залезла по деревянной строительной лестнице через будущий главный вход прямо внутрь. Пройдя через пару комнат, она увидела ту самую кошку, которая сидела напротив стены и продолжала настойчиво мяукать.

– Потерялась и заблудилась, – решила девочка. И только она потянулась к кошке и хотела взять её на руки, как вдруг произошло что-то скорее странное, чем необычное. Какая-то неведомая сила потащила девочку и бедное животное прямо к стене. И когда она зажмурила глаза и выставила руки вперёд, готовясь к неизбежному столкновению, то в этот самый момент она почувствовала, что куда-то проваливается. Девочка летела куда-то с большой скоростью вместе с кошкой. При этом они вертелись как белки в колесе, не ощущая вокруг себя и под собой никакой твёрдой поверхности. Это продолжалось не очень долго, но достаточно для того, чтобы девочка потеряла сознание.

Очнувшись, девочка огляделась по сторонам, но ничего не увидела, кроме чёрной-чёрной темноты. Поэтому она решила, что провалилась в шахту лифта на стройке. И тут в этой темноте засверкали чьи-то глаза.

– Кошка, – подумала про себя девочка.

– Да, кошка, – раздался чей-то спокойный голос.

– Кто здесь? – быстро спросила девочка, надеясь, что это строитель прибежал на шум и сейчас поможет им выбраться.

– На твоём месте я бы на это не рассчитывала, – прозвучал всё тот же голос. – Единственное человеческое существо здесь – это ты.

Девочка растерялась, а потом начала громко звать на помощь:

– Мама, папа, помогите! Кто-нибудь!

– Не шуми. Как я не люблю шум! Если хочешь выбраться отсюда, то тебе придётся слушать меня и помогать мне, а для этого нужно сначала успокоиться. Из-за твоего крика я не могу сосредоточиться. Встань и выдохни и вместе со мной подумай о том, как выйти отсюда.

– Как это поможет? Да и откуда я могу знать, что делать? Здесь абсолютно ничего не видно! – подумала девочка, решив, что над ней кто-то зло шутит, и только ещё больше расплакалась.

– Элементарно! Вы, люди, всё усложняете! – голос прозвучал более настойчиво. Чтобы выйти, нужно как минимум найти выход, а чтобы это сделать, нужно сначала об этом подумать. Так вот я не могу думать за нас двоих. Давай встань, сосредоточься и подумай о выходе!

Звук незнакомого голоса внушал ей доверие. Приглушив в себе тревогу и страх, она почувствовала, что надо шагнуть вперёд и руками пошарить в темноте. И только она потянула руку вперёд, как наткнулась на стену, на которой нащупала рычаг.

– Жми! – потребовал голос.

Девочка подчинилась, и вдруг часть стены выдвинулась вперёд и повернулась по часовой стрелке вместе с ней и вторым кем-то. На другой стороне её ослепил яркий свет. Как только глаза привыкли к нему, девочка обнаружила, что находится в просторном белоснежном зале, а рядом – та кошка со стройки. Девочка окинула взглядом пространство вокруг в поисках человека, который помог ей выбраться из темноты, но никого не увидела.

– Всё никак не поймешь, что к чему, – раздался знакомый голос, но к ее величайшему удивлению, говорил с ней не человек, а кошка.

– Это дурной сон. Я просто из-за постоянного недосыпа уснула по дороге в школу или вообще ещё сплю. Вот сейчас лягу спать во сне и проснусь дома в своей постели, и всё будет как прежде, – подумала про себя девочка.

– Думай, как хочешь, – продолжала спокойным тоном кошка, – но тебе нужно быстрее прийти в себя, если не хочешь застрять здесь навечно.

– Это всё – полная ерунда! – возразила девочка, удивляясь сама себе, что ведёт беседу с животным. – И всё-таки я спрошу. Ты кошка и ты разговариваешь?

– Ну наконец-то, это уже что-то, молодец, человеческий детёныш! – ответила кошка.

– Но кошки не говорят! И вообще, где мы? – продолжала опрос девочка.

– Правильный вопрос! Мы здесь. Но здесь – это не дома.

– Так давай пойдём домой, – сказала девочка, не веря ещё, что обращается к животному с предложением.

– Ты долго будешь идти. И вообще, что за вздор, здесь, чтобы куда-то попасть, ходьба не используется, – продолжала кошка, при этом причудливо шевеля усами и тем, что в данных условиях можно назвать губами.

Тут у девочки на глазах стали появляться слёзы. В голову пришла мысль, что они умерли и теперь на небе.

– Не выдумывай чепухи! – прервала поток грустных мыслей кошка. – Мы не умерли. У меня осталось ещё восемь жизней, так что этот вариант не обсуждается!

Девочка вдруг поняла, что кошка не только разговаривает, но ещё и читает её мысли. И пока она находилась в некотором замешательстве от всего этого, кошка воспользовалась моментом и продолжила.

– Я лишь выполняла свои инструкции, а тут ты мне свалилась на голову. Теперь придётся исправлять ситуацию.

– Инструкции? – спросила девочка.

– Эх, люди-люди! – проронила кошка и начала своё повествование.

– Мы, животные, в отличие от людей, которые слишком заняты собой, выполняем общественно полезную работу. Мы наблюдаем. Этому меня нау-

чила моя мама, а её – её мама и так далее. Мы наблюдаем за ходом вещей и времени, за всеобщим порядком. И как только заметим странности, то должны найти место на Земле, где в небо поднимается столб энергии. Именно в таких местах мы посылаем сигнал тревоги через особый канал. Этим-то я и занималась, когда ты мне помешала.

– Значит, вы тоже заметили странности в природе? – спросила девочка, вспомнив про все изменения, случившиеся за последнее время.

– Конечно, и это недобрый знак. Я не знаю, какой именно, но надо что-то делать. Но это ещё не всё. Мама меня предупреждала, чтобы я остерегалась этих каналов, так как они обладают способностью захватывать предметы и переносить их в место, из которого назад не дойти, – продолжала кошка. На последних словах она начала помахивать хвостом, невольно выдав своё беспокойство. И тут она заметила ещё больший испуг и отчаяние в глазах девочки и поспешила её успокоить.

– Но если такое случается, то нужно действовать по инструкции. Дверь мы уже открыли, теперь поищем передатчик. Я, правда, не представляю, как он может выглядеть. На всё про всё у нас двадцать четыре часа.

– Двадцать четыре часа! Меня же родители будут искать! – вскрикнула девочка.

– Не о том ты думаешь, – высказала кошка.

– А что это за место? – ещё раз задала свой вопрос девочка.

– Это – всё и везде – часть космического про-

странства, связанная с нашей планетой энергетическим каналом.

– То есть мы в космосе? И значит, в космосе животные умеют разговаривать и читать мысли? – зачастила девочка, не зная, что же её интересует больше.

– Ну, это ещё неизвестно, кто поумнел – я, потому что разговариваю, или ты, потому что меня понимаешь, – было заметно, что подобное предположение искренне возмутило кошку.

– То есть ты хочешь сказать, что всегда умела говорить? Но я ведь на Земле слышала только одно мяуканье, – засомневалась девочка.

– Вздор полный! – возмутилась кошка. Упрямство собеседницы её начало раздражать, отчего движения хвоста стали резче и более размашистыми. – Кошки всегда говорят, что думают, просто люди нас не хотят понимать. Кошки вообще на всё имеют своё мнение, но говорят мало, исключительно по делу. Вы, люди, наоборот, слишком болтливы и всегда готовы высказаться, даже когда вас не спрашивают, по делу, которое вас вообще не касается и зачастую даже не ваше собственное мнение. Но больше всего меня удивляет, когда один человек берётся выложить точку зрения другого человека, даже когда этот другой вслух её не высказывал. Неуместная расточительность времени и сил, по моему кошачьему мнению. Но меня, собственно, никто не спрашивает.

Тут кошка очнулась от своих рассуждений и, выйдя из своего поучительно-гордого образа, выговорила:

– Вот, опять ты завела разговор не в ту сторону! Нельзя терять времени, а то портал закроется, и мы останемся здесь навеки. А это в мои планы не входит.

– Что же делать? – спросила с готовностью девочка.

– Вот, правильно. Нужно найти передатчик и позвать на помощь, – ответила кошка.

Они пошли по залу. С каждым шагом это белоснежное пространство менялось, появлялись пол, потолок, стены, двери – всё какое-то неправильное, необычное.

– Так мы точно не успеем! Ты что, забыла, о чем я тебе говорила, чему учила? – сказала кошка тоном, подходящим скорее для классного руководителя, – Тогда я ещё раз повторяю: чтобы что-то найти, нужно для начала об этом подумать. Твои сумбурные мысли мешают мне.

И тут девочка обратила внимание, что всё вокруг меняется не просто так, а как бы в ответ на её мысли. Потолок появлялся тогда, когда она смотрела вверх и искала его взглядом. Коридор поворачивал направо тогда, когда она этого ждала. Только двери возникали сами собой, но тут же исчезали.

– Ну конечно, – прервала ход её мыслей кошка, – это я тут всю стараюсь найти дверь, ведущую в комнату с передатчиком, а твои мысли меня сбивают.

– Дверь, дверь, передатчик, передатчик, передатчик, – сосредоточенно начала твердить про себя девочка.

И тут они оказались перед большой дверью. И она, в отличие от прежних, никуда не исчезла.

И девочка даже не успела найти ручку, как дверь сама распахнулась. Взору наших путешественников предстала серебристо-зеркальная комната. Она была совершенно пуста, ничего особенного. Девочка огляделась вокруг, ничего не обнаружив, кроме своих многочисленных отражений.

– Здесь обязательно должно быть что-то, а иначе зачем мы здесь? Мы же обе думали о передатчике, – обратилась кошка к девочке.

Но та уже стояла с глазами, полными отчаяния и слёз, прислонясь к стене.

– Ну вот, опять я должна думать за нас двоих, пока ты стоишь тут без толку и только загораживаешь моё отражение... – начала было ворчать кошка. И тут зрачки её резко расширились.

– Я не отражаюсь! – вскрикнула она.

Девочка резко отпрянула от стены и оглянулась назад. И правда, на этой стене их отражений действительно не было. Кошка подскочила к стене и дотронулась до неё лапой. Тут поверхность зеркала заволновалась, словно вода в пруду.

– Передатчик! А теперь молчи и не мешай мне, – обрадовалась кошка. И тут же стала передавать сигнал – последовательность слов и цифр, по мнению девочки, абсолютно не связанных друг с другом.

Когда кошка утихла, зеркало успокоилось, и наступила полная тишина. Кошка огорчилась, подумав, что допустила ошибку в своём сигнале, но через некоторое время на поверхности вновь пошли волны и откуда-то изнутри послышался голос. Сначала далёкий и тихий, затем он становился всё громче и громче, ближе и ближе, пока наши герои не начали чётко различать слова.

– Абсолют приветствует тебя и твой мир. Если ты послал сигнал о помощи, то случилась беда с вашим миром. Назовись, кто ты и из какого ты мира.

– Мы земные существа: я кошка и со мной человеческий ребёнок.

– Что? Человек? Но как? – раздался голос.

– Всё произошло случайно, – начала оправдываться кошка.

– Я хочу домой, – чуть не плача проговорила девочка.

– Домой? Дом везде и всюду. Если кошка передала сигнал тревоги, то скоро вам некуда будет торопиться. Привыкайте к новому месту обитания, – спокойно ответил ей голос.

– Как? – проронила девочка. Кошка тоже взволнованно наострила уши, потеряв присущий ей спокойный и самодостаточный вид.

– Там, где вы находитесь, – часть пространства, которое принадлежит феи. Фея – хранитель кристалла, – раздался голос.

– Фея? – подумала про себя девочка.

– Да, фея, – продолжил голос, отвечая на её мысли. – Это ваша фея. Фея Земли. Она хранитель кристалла. Фея и кристалл – одно целое. Их прочная связь лежит в основе порядка на вашей планете. Погода, чередование времен года, дня и ночи, течение времени – всё подчинено этому порядку. С Земли вы видите это взаимодействие как свет звезды на ночном небе. У каждой планеты, на которой есть жизнь, есть такая звезда. Но недавно произошло непоправимое – звезда исчезла. Мы пытались связаться с феей, но она не отвечала нам. А это может

значить только одно: что её нет в этом пространстве. Без неё кристалл потух.

– Что это значит? – с ужасом спросила девочка.

– Время на вашей планете ускорится, победит. Это нарушит весь порядок. И в конце концов ваше Солнце перегорит, а на его месте образуется дыра, в которой будут исчезать время и пространство. Землю поглотит дыра времени. И это произойдёт очень скоро, через двадцать четыре часа.

– Значит, надо найти эту фею! Где она может быть? Такое легкомыслие, а ещё фея целой планеты! – пробурчала кошка, снова начав недовольно подёргивать хвостом.

– Что же делать, ведь все погибнут? – заплакала девочка.

– Ничего. Без своей феи кристалл не проснется, – ответил голос.

– Я хочу его увидеть! – всхлипывая, произнесла девочка.

– Хорошо, – согласился голос.

Тут пространство вокруг изменилось, и девочка с кошкой оказались в темном зале, таком огромном, что не видно было ни стен, ни пола, ни потолка. В самом центре зала стоял большой куб серо-чёрного цвета, подобно графиту. Девочка подошла к нему. Он был вдвое выше её.

– Это наш кристалл? – спросила она.

– Да, – ответил голос.

– Я понимаю, тебе здесь очень одиноко одному без своей феи. Мне тоже очень не хватает дома и родителей. Я знаю, ты меня понимаешь. Кристалл, пожалуйста, сохрани мой мир и дом в целостности и сохранности! – произнесла она и заплакала ещё сильнее.

– Опять ты плачешь в самый неподходящий момент. Слёзы нам тут не помогут, – вмешалась кошка.

Но тут кристалл стал светло-серым и заморгал разными цветами.

– Кристалл ещё жив, – прозвучал голос.

– Что это значит? – спросила девочка.

– Это значит, что он ещё живой, – повторил голос.

– Это мы уже слышали, но...

– На что это может повлиять? – перебила её кошка. Наблюдательная от природы, она знала, что только на точный вопрос можно дать точный ответ.

– Это значит, что у Земли есть шанс на существование, но только если кристалл найдет себе хозяйку. Прежняя фея исчезла, но ты, девочка, можешь согласиться стать новой феей Земли. Если ты сильно этого захочешь всем сердцем и добровольно займешь её место рядом с кристаллом. Но ты не должна его покидать никогда. Ты сможешь только наблюдать за своим домом отсюда.

– Это значит, что я никогда не увижу Землю, родителей, друзей?.. – в отчаянии сказала девочка.

– Да... – эхом прозвучал Голос.

– Но если я вернусь домой, то вся планета погибнет и всё исчезнет? – переспросила девочка.

– Да... – вновь раздалось эхо.

Тогда она задала следующий вопрос:

– Но вдруг я не справлюсь с обязанностями феи? Я же ещё маленькая?

– А тебе надо только хотеть, чтобы был порядок. А кристалл, подвластный твоему желанию, сам всё

сделает. Просто думай о порядке, – разъяснил голос.

– Я согласна, – тихо произнесла девочка.

– А что делать мне? – вмешалась кошка.

– А ты вернёшься назад через коридор, и он закроется за тобой.

Девочка представила, что останется одна в этом непонятном пустом пространстве. Рядом никого, с кем можно поговорить, даже кошки с её непростым характером. Она не обнимет больше своих родителей перед сном. Ей стало очень грустно, но она сдержала слёзы и ответила:

– Я согласна. Я очень хочу, чтобы Земля и все её обитатели продолжили своё существование.

– Да будет так! – раздалось громкое эхо. – Поднимись на куб!

Девочка подошла к этому странному предмету серого цвета, обошла его вокруг в поисках лестницы и сказала:

– Как же мне на него подняться?

И в этот самый момент неведомая сила перенесла её в мгновение на самый верх кристалла.

– А теперь приступай к своим обязанностям – сильно-сильно пожелай, чтобы восстановился порядок.

Девочка присела, закрыла глаза и подумала о доме, родителях, вспомнила свой первый месяц в школе. Первый и последний. И по её лицу ручьём побежали слёзы, но, к удивлению девочки, этот момент горечь и печаль ушли куда-то далёко. А откуда-то изнутри возникло и стало нарастать, постепенно окутав всё тело, ощущение теплоты. Это было чувство счастья и радости за то, что она сможет сохранить дорогих сердцу людей, а вместе с ними и всю Землю. В конце концов, она успокоила себя мыслью о том, что сможет за ними наблюдать и заботиться.

Кристалл становился всё прозрачней и прозрачней, ярче и ярче, пока не засверкал ярким тёплым светом, озарив всё вокруг.

– Звезда вновь зажглась! – раздался эхом голос.

– Теперь я смогу отправиться домой, – обрадовалась кошка. – Спасибо тебе, девочка, я даже поменяла своё мнение о людях. С вами можно иметь дело.

И только кошка приблизилась к двери, через которую они попали сюда, как перед ней неожиданно появилась девушка, явно сильно запыхавшаяся.

– Мой кристалл! – воскликнула она.

Это была та самая фея Земли.

– Где ты была всё это время? – спросил строго, но спокойно голос.

– Что я наделала! – начала фея. – Но я вовсе не думала, что так получится. Я не хотела ничего плохого! Я просто так долго наблюдала отсюда за Землёй, за её обитателями. Мне стало так одиноко, я захотела погостить на моей планете, пожить, как обычная девушка. Совсем ненадолго, на чуть-чуть, и сразу обратно. Но как только я прибыла на Землю, то стала забывать, кто я и какое моё предназначение. А кристалл без моего внимания потух, и я совсем всё позабыла.

– Какое безрассудство! Но как же ты попала назад? – поинтересовалась кошка, взирав на гостью с таким осуждением, с каким могут смотреть только кошки.

– Просто в один миг я увидела свет вновь родившейся звезды, он был очень ярким. И в тот же момент ко мне вернулась память. А когда поняла, что натворила, то побежала назад, к входу в портал, через который прибыла на Землю. Я почувствовала ужасную тоску по своему кристаллу. Мы с ним крепко связаны, как одно целое. Ты, девочка, пожертвовала собой, чтобы спасти своих близких и всю Землю, хотя знала, что никогда не сможешь вернуться домой. Это не что иное, как любовь в наивысшем её проявлении. Это чувство обладает огромной энергетической силой. Энергия твоего желания разбудила кристалл. Он вновь засиял. Я увидела вспышку света, и память ко мне вернулась. Я поняла, что очень скучаю по своему кристаллу и своим легкомысленным поведением чуть не погубила свой мир, кристалл и себя.

– Теперь девочка свободна от обязательств и может возвращаться домой, – обратилась фея к Голосу.

Да, – прозвучал ответ.

Фея Земли заняла отведённое ей по праву место на кубе-кристалле, тот засиял прежним, знакомым ей светом. После чего Фея, позаботившись о том, чтобы гости благополучно вернулись на Землю, закрыла портал.

Девочка вдруг снова очутилась на стройке, рядом сидела её умная спутница.

Девочка от переизбытка чувств схватила кошку на руки и крепко прижала к себе. Надо сказать, что та проявила невероятное для кошек терпение в ответ на такую по кошачьим меркам бесцеремонность и лишь слегка поёжилась.

– Уважает, – подумала про себя девочка и, не дожидаясь, когда кошка сама спрыгнет, девочка опустила её на пол.

– Уважает, – поняла про себя кошка. Она замурчала и, подмигнув своим огромным раскосым зелёно-жёлтым глазом, выпрыгнула в окно.

Девочка радостно воскликнула:

– Кошка опять стала обычной!

Полная радости, побежала она в свою обычную школу. И сколько радости девочке доставил самый длинный за последний месяц урок. А когда прозвучал звонок на перемену, девочка отложила беседы и беготню с друзьями на потом, нарушив этим обычный распорядок. Она достала из портфеля свёрток с едой, который, как обычно, положила ей мама. И начала медленно есть свой обычный, но необыкновенно вкусный на этот раз, завтрак. Теперь у неё было достаточно времени, что всё успеть.

*Иллюстрации
Алины КУДРЯШОВОЙ*

**ULYANOVSK
UNESCO
CITY OF LITERATURE**

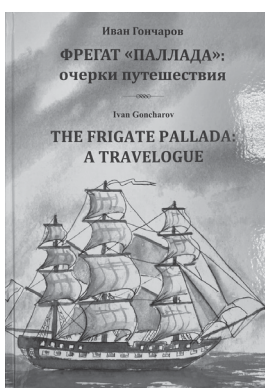
**УЛЬЯНОВСК –
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО**

**Подробности всех новостей
на сайте программы
«Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»
<http://ulyanovskcreativecity.ru>**

**В МОДЕЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ПРОШЛА
ПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЫСТАВКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
К ТРЭВЕЛ-СКЕТЧБУКУ КНИГИ
И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА»**

В декабре 2021 года в рамках программной деятельности ООГО «Российский фонд культуры» совместно с Централизованной библиотечной системой г. Ульяновска был издан роман Ивана Александровича Гончарова «Фрегат «Паллада» на русском и английском языках в формате трэвел-скетчбука. Трэвел-скетчбук – популярный сегодня формат зарисовок или записей в пути. Современные путешественники ведут такие скетчбуки для себя и делятся ими в социальных сетях. Автором иллюстраций к трэвел-скетчбуку «Фрегат «Паллада» стала ульяновская художница Юлия Узрютова. Работа над книгой продолжалась на протяжении 4 месяцев. Презентация трэвел-скетчбука и иллюстраций к нему состоялась 18 января 2022 г.

**THE ONLY QUESTION:
МЕЛЬБУРН – ГЕЙДЕЛЬБЕРГ: ЭНН РИХТЕР И ДЖУДИТ
РОССЕЛЛ**

Дирекция программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» продолжает публиковать материалы международного проекта The Only Question (Authors in conversation). В проекте принимают участие 40 авторов из 18 литературных городов ЮНЕСКО. Новыми гостями проекта стали авторы из Мельбурна и Гейдельберга – Джудит Росселл и Энн Рихтер. В ходе проекта дирекция программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» предложила авторам из литературных городов представить, что у них есть возможность

задать всего один вопрос писателю, поэту или переводчику из другого города сети. Инициатива помогает познакомиться авторов из городов сети друг с другом и наладить их диалог. Проект также позволяет понять, какие вопросы волнуют авторов разных стран сегодня. Кроме того, он дает возможность читателям узнать новых писателей. Вопросы и ответы авторов (на русском и английском языках) вместе с краткой биографией каждого участника регулярно публикуются на сайте программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО».

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ
«ОТЛОЖЕННОЕ СЧАСТЬЕ»**

Еще один международный проект города Леувардена (Нидерланды), в котором Ульяновск принял участие. Писателям со всего мира было предложено поразмышлять на тему жизни и ее уклада в непростой период пандемии: как быть, жить здесь и сейчас или отложить всё на потом, когда наступит лучшее время? Произведения авторов будут публично представлены местными чтецами в садах и на других площадках Леувардена в период с 7 мая по 14 августа 2022 года. Нашу страну представит писательница, музыкант и фольклорист Ирина Богатырёва с одноименной пьесой «Отложенное счастье».

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНТОЛОГИЯ ТЕКСТОВ THE HEAT IS ON: YOUNG WRITERS ON THE CLIMATE CRISIS ЛИТЕРАТУРНОГО ГОРОДА ЮНЕСКО НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ – ДАНИДИНА

Ульяновск принял участие в проекте литературного города ЮНЕСКО Новой Зеландии – Данидин. По условиям конкурса к участию приглашались авторы из литературных городов ЮНЕСКО в возрасте до 20 лет.

Тема проекта – климатический кризис на планете.

По результатам конкурсного отбора от каждого литературного города ЮНЕСКО было выбрано по одному представителю. Ульяновск представил Артем Даллакян, дипломант молодежного литературного конкурса «Первая роса – 2020» в номинации «Поэзия». Выпуск антологии запланирован на лето 2022 года и приурочен к Всемирному дню окружающей среды.

ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ «DECODING ORNAMENT»

В феврале 2022 года в Ульяновске стартует новый международный междисциплинарный проект в формате творческой мастерской «Decoding ornament». Мастерская предоставит участникам возможность провести авторские исследования визуальных и орнаментальных традиций титульных народов Поволжья и проявить свой индивидуальный почерк в создании арт-проектов на основе проведенного исследования. Итогом

совместной работы станут авторские арт-продукты, которые будут представлены на международной выставке с возможностью их дальнейшего интегрирования в глобальные информационные процессы. Прием заявок проходит до 20 февраля 2022 года включительно.

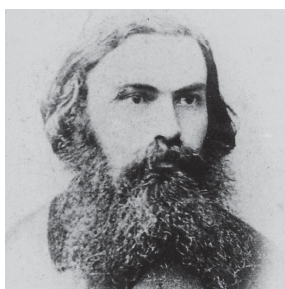
АРТ-КВАРТИРНИК ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

26 января 2021 года в современном уютном коворкинг-пространстве модельной библиотеки №17 «Содружество» на арт-квартирнике «Зачётный день» собралась творческая молодежь Ульяновска: молодые литераторы, музыканты, барды. В неформальной обстановке и в команде единомышленников молодые люди читали авторские стихи, исполняли песни под гитару, а также узнали от руководителя программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» Натальи Дашук о том, как выйти на международный уровень в креативных индустриях.

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

ФЕВРАЛЬ 2022

Александр ШКЛЯРЕВСКИЙ (1837–1883)

2 февраля – 185 лет со дня рождения писателя Александра Андреевича Шкляревского (02.02.1837, ныне с. Ирклиев Черкасской обл. Украины – 05.11.1883, г. С.-Петербург). Жил в Воронеже и Петербурге. Несколько месяцев работал в должности удельного стряпчего в Симбирске; приходилось преследовать в судах за различные проступки удельных крестьян в Симбирской, Казанской и Пензенской губерний. Выйдя в отставку, вернулся в Петербург, занялся литературной работой. Получил известность «русского Габорио» как автор повестей и романов уголовного содержания: «Доля» (1870), «Старый суд» (1873), «Убийство без следов» (1878), «Самоубийца ли она?» (1882), «Новая метла» (1886) и др.

СЕКРЕТНОЕ СЛЕДСТВИЕ (отрывок из повести)

В свежий и прохладный декабрьский вечер 187* года, в половине одиннадцатого часа, к освещённому подъезду «Бельгийской гостиницы», находящейся в одной из многолюдных петербургских улиц, подъехала извозчичья карета. Швейцар подошёл к ней, отворил дверцы и, заметив внутри женскую фигуру, громко провозгласил обычное: «Пожалуйте!»

Ответа не последовало.

«Должно быть, заснула», – подумал швейцар и обратился к извозчику с вопросом:

– Ты кого привёз?

– А кто его знает, – флегматически ответил чухонец, – взял я на площади у Большого театра. Шли две какие-то барышни, и за ними лакей. Ну, вот он-то позвал меня и договорил везти к вам; одна барышня села – я и повёз, а другая с лакеем повернула назад.

Швейцар пошёл в подъезд за фонарём и, возвратившись, осветил им внутренности кареты; в сидевшей женщине он тотчас же, по костюму, узнал действительно квартировавшую в его гостинице недавно приехавшую из провинции даму. Это была прелестная молодая блондинка, лет двадца-

ти двух-трёх, с роскошными тёмно-русскими волосами, вьющимися от природы локонами, которые извлекли её от всяких шиньонов, с нежным абрисом профиля и всего её миловидного личика, светившегося какою-то невыразимо-стыдливой улыбкой, и добродушным взглядом кротких голубых глаз. В данное время она сидела или, правильнее, полулежала, вытянув ноги и откинув в самый угол кареты голову, которая страдальчески уклонилась в левую сторону. Костюм дамы составляли бархатная бурка, подбитая мехом ангорской козы, чёрное платье и шляпка, накрытая белым шерстяным пушистым платком, из-под которого выбились её красивые волосы. «Так и есть: спит», – мысленно сказал швейцар, но вслед за тем, взглянув пристальнее на лицо сидевшей, он вздрогнул и отшатнулся назад: оно было обезображено страшными судорогами и скалось в гримасу, как бы для произнесения тяжкого стоны, а эти добрые голубые глаза теперь смотрели стеклянным, блестящим и безжизненным взглядом, заставлявшим невольно содрогнуться.

– Сударыня! – громко и испуганно вскричал швейцар, сильно дёрнув незнакомку за шубку. Головка немного пошатнулась, но отклика не последовало.

– Чёрт! – крикнул он извозчику. – Ты к нам привез ведь мёртвую.

– И, что ты, – протянул тот, – живую. Мы и десяти минут не ездил... Как садилась, весёлая была, смеялась с подругой.

Швейцар ещё раз заглянул в карету, с недоумением развёл руками и решил крикнуть во всё горло: «Го-ро-до-вой!». Блюстителю порядка не замедлил тотчас же явиться, подобрав палаш и поправляя щетиные усы. Карета и подъезд вмиг были окружены толпой любопытных прохожих; из гостини-

цы также высыпала прислуга. Выслушав швейцара, прибывший городской подал свисток своему товарищу, чтобы сдать ему пост около кареты, а сам, пылая рвением известить поскорее о происшествии начальство, схватил с азартом за вожжи первого проезжавшего свободным легкового извозчика, вскочил к нему в пролётку и, вытянув, как водится, по спине палашом, чтобы тот не отговаривался, велел мчать себя в участок. Толпа всё более и более увеличивалась, несмотря на то что явившиеся околочные надзиратели и городские просили её «честно и благородно разойтись». Тут же, около кареты, стояла выскочившая из гостиницы в одном лёгком платье горничная приезжей дамы, молодая девушка, со скрещенными руками и опущенной головой; по лицу её лились горячие слёзы; рыдать и причитать, как было она начала, ей запретили. Наконец прибыли старшие чины полиции и я, исправлявший в то время должность местного участкового судебного следователя, и, позднее всех, врач. Последний предложил для осмотра трупа отправить умершую в больницу, и карета двинулась под конвоем полиции, в сопровождении врача и меня. Номер, занимаемый приезжею дамою в гостинице, был запечатан, и к нему приставлен городской. Я заметил, что прибуду в гостиницу тотчас же по составлении судебно-медицинского акта.

По документам умершая оказалась женою коллежского асессора Зинаидой Александровной Можаровской. Муж её Аркадий Николаевич, сорока лет, как объяснила горничная, помещик одной из подмосковных губерний и служит председателем земской управы. Можаровские выехали из своего имения вместе, сначала в Москву, а затем в Петербург, чтобы провести здесь предстоявшие рождественские праздники...

Наиль ТАИРОВ (р. 1952)

2 февраля 70-летний юбилей отмечает историк, публицист Наиль Измаилович Таиров (р. 02.02.1952, с. Калда Барышского р-на Ульяновской обл.). Окончил УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1973). В 1973–1975 гг. работал учителем истории в школах Ульяновской обл. С 1978 года преподаватель Казанского института культуры. Доцент (1999), доктор исторических наук (2012). Опубликовал более 150 трудов и монографий: «Театр и кино в Казани в годы первой мировой войны» (2006), «Габдулла Тукай и фабриканты Акчурины» (2014), «Татарский театр и меценаты Акчурины» (2016) и др. Автор книги «Акчурины» (2002). Заслуженный работник культуры РТ (2002). Награждён медалью «В память 1000-летия Казани» (2005).

АКЧУРИНЫ (отрывок из книги)

Хасан Тимербулатович проявил интерес и внимание к творчеству самого Г. Тукая. В 1908 году (по другим утверждениям – в 1909 г.) по приглашению мецената поэт гостил у Акчуриных в Гурьевке.

Это случилось в конце первого десятилетия XX века. С появлением стихов поэта на страницах прессы Хасан Акчурин заинтересовался творчеством и личностью Тукая. В связи с этим у известного мецената возникло желание личной встречи с поэтом. Хасан нечасто бывал в Казани. Поэто-

му он пишет письмо казанскому купцу Б. Апаанаеву с просьбой пригласить поэта в Гурьевку. Апаанаев удалось через друзей уговорить Тукая поехать к Акчуриным. Для организации поездки фабрикант отправил в Казань и деньги. Казанские адресаты Акчурина и друзья Тукая, не сообщив поэту о денежном переводе, приделали его и проводили в Гурьевку. Купец Апаанаев извещил Акчуриных об отъезде поэта. Судя по воспоминаниям, поэт поехал один.

На железнодорожную станцию Барыш, которая

находилась в трёх километрах от Гурьевки, за Тукаем приехали Хасан-бай, его родные и близкие на двух тройках. Растерянного застенчивого поэта посадили в первый экипаж, рядом с Хасаном. Тройка, управляемая любимым кучером мецената Хайруллой Манеевым, быстро доставила дорогого гостя в Гурьевку. На лужайке перед домом Акчуриных поэта встретила вторая группа людей. Все Акчурины, от Хасана до маленьких детей, потомков Тимербулата, были одеты в праздничную одежду. В парадной форме были и кучера.

Хозяева отвели гостю прекрасную комнату, которая находилась рядом с бильярдной. После традиционного татарского чаепития Хасан заявил поэту, что на фабрике есть немало людей, знающих его творчество, желающих познакомиться с поэтом. Меценат, один из богатейших людей из татар России, попросил у Тукая разрешение устроить в его честь званый вечер. Гость дал согласие. По пути в отведённую поэту комнату К. Кадыри завёл Тукая в бильярдную. Здесь он научил поэта премудростям игры.

Вечером в библиотеке Акчуриных собрались гости. Появление поэта они встретили стоя. За столом Хасан Тимербулатович произнёс немало тёплых, искренних слов в адрес гостя. Встреча продолжалась долго. Кроме хозяев, здесь присутствовали рабочие, служащие суконной фабрики, ученики и учителя местной школы. Поэту задавали вопросы, на которые он коротко отвечал.

Поэт гостил у Акчуриных 7–10 дней. Каждый день для него устраивались подобные встречи. Тукай посещал и фабрику...

Кадыри пишет, что всё свободное время они с Тукаем проводили в бильярдной. Нам трудно по-

верить в это. Потомки фабрикантов рассказывали нам, что Тукаю показывали лучшие места отдыха, населённые пункты. Акчуриным было куда везти и что показать поэту. Миллионеры имели десятки прекрасных дач, разбросанных в самых красивых местах Карсунского, Сенгилеевского и Сызранского уездов губернии.

Будучи в Гурьевке, поэт, видимо, побывал и у других представителей рода Акчуриных. Безусловно, речь идёт о татарских деревнях Старое Тимошкино и Калда. У Акчуриных и здесь были прекрасные места для отдыха.

Недалеко от торфяного болота, что в 4–5 километрах от д. Калда, в сосновом бору, была построена летняя дача Акчуриных. Чистый, наполненный запахом сосновой живицы воздух действовал на человека благотворно. Созданное руками человека небольшое озеро кишело рыбой. А природа вокруг дарила божественную красоту и покой. Кроме того, в десяти минутах ходьбы было болото, покрытое белым мхом, где произрастала клюква.

В эти райские места Акчурины привозили особо уважаемых гостей. Таким дорогим гостем для фабрикантов был и Тукай. Пребывание поэта в Гурьевке было коротким, но оно осталось в памяти фабрикантов, их близких и тех жителей Гурьевки, кому удалось видеть Тукая.

Весной 1913 года, узнав о его смерти, педагоги и ученики местной школы Акчуриных провели траурный митинг, учебные занятия были отменены. По утверждению современников, жители Гурьевки, Старое Тимошкино и Калда с особой любовью относились к творчеству Тукая. Его книги имелись практически во всех татарских семьях...

Анатолий ЧЕБАНОВ (1937–2011)

3 февраля – 85 лет со дня рождения чувашского поэта, прозаика и драматурга Анатолия Сафроновича Чебанова (03.02.1937, д. Новые Шигали Дрожжановского р-на ТАССР – 20.06.2011, с. Большое Нагаткино Цильнинского р-на Ульяновской обл.). Окончил Курганский сельскохозяйственный институт (1962), около 40 лет работал зоотехником в Большом Нагаткине. Автор около 40 книг стихов и прозы: «Невеста» (1992), «Полезные комедии» (1995), «Ландыши» (1997), «Листопад» (2004), «Благородное дело» (2004), «Тяготы жизни» (2007), «Наследие» (2008) и др. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Чувашской Республики (1997). Почётный гражданин Цильнинского р-на.

ТОСКА

Вечер тёмный, ворон чёрный,
Окровавленный закат...
Сеет сумрак ночи зёрна,
Думы душу бередают.

Злые тучи небо кроют,
Дождь холодный моросит,
Беспреданно сердце ноет,
Ноет сердце и болит.

Ну зачем, зачем, родная,
Ты покинула меня,
Унеся красоты мая,
Чувства праздничного дня?

Ветер в поле мнёт ковыли,
И печали не унять,
Отобрали, срезав, крылья,
Как у птицы – дар летать.

Без тебя нет счастья в жизни,
Нет и солнышка в окне,
Мысли тяжкие о тризне
Не дают забытья мне.

Слышу музыку – и жажду
К ней, свободной, где покой,
И так горько, что однажды
Я повенчан был с тоской.

ЦВЕТОК

Нашёл на тропинке в долине
Я сорванный кем-то цветок:
Лежит запылённый он ныне,
Без жалости брошен у ног.

И на полумёртвом соцветье
Росинка, как будто слеза,
И листья покачивал ветер,
И было утешить нельзя.

Недавно тянулся он к свету,
Над ним трепетала пчела,
Дарил он прохожих приветом,
Покуда беда не пришла.

Лежит он, погубленный рано,
На тропке цветов голубой,
Как чья-то сердечная рана
С обманутой чьей-то мечтой.

ВЕРЬТЕ В РОССИЮ

(Благословенье просветителя)

Чтите, любите русский народ.
В нём ваша сила, в нём ваш оплот.

Верьте в Россию, славьте её,
С ней обретёте счастье своё.

Верной дорогой, к знаниям, вперёд
Русский с любовью вас поведёт.

К храму познания, в светлый дворец,
Как эстафету, вручит венец.

К звёздным высотам, помня завет,
Смело шагайте в истинный свет!

*Перевёл с чувашского
Александр Сидоров.*

Жан-Клод ПЕРЬЕ (р. 1957)

3 февраля 65-летие отмечает французский писатель Жан-Клод Перье (р. 03.02.1957, г. Париж). Автор более 30 книг: «Французский рэп» (2000), «Де Голль глазами писателей» (2000), «Краткая мифология гаванской сигары» (2003), «Вкус индийских городов» (2005), «Загадка де Сент-Экзюпери» (2011) и др. В сентябре 2012 года приезжал в Ульяновск в рамках проекта «Литературный глобус. Известные писатели на родине И.А. Гончарова». Посетил областной Дворец книги, УлГУ; встречался со студентами, с участниками французской гостиной «SaFr» и Клуба любителей Сент-Экзюпери. Лауреат премии Луи-Барту Французской академии (2010). Рыцарь ордена Искусств и литературы (2012).

Григорий ФЁДОРОВ (1902–1985)

4 февраля – 120 лет назад родился краевед Григорий Нилович Фёдоров (04.02.1902, д. Кузьминское, ныне Удомельского р-на Тверской обл. – 20.03.1985, г. Ульяновск). Окончил Ленинградский политико-просветительский институт (1931). В 1939–1945 гг. лектор Ульяновского ГК, 2-й секретарь Ленинского РК, зав. отделом пропаганды и агитации Ульяновского ОК ВКП(б). Преподавал в областной партийной школе (1945–1959). Член Союза журналистов СССР. Автор книг «Боевой восемнадцатый год» (1963), «Председатель губкома» (1965), «Младенец-младший» (1983), «В небе Ульяновска» и др. Редактор и составитель сборника «Край Ильича» (1985). Лауреат премии Ульяновского комсомола (1980).

Фёдор РАСКОЛЬНИКОВ (1892–1939)

9 февраля – 130 лет со дня рождения дипломата, журналиста, писателя Фёдора Фёдоровича Раскольникова (09.02.1892, г. С.-Петербург – 12.09.1939, г. Марсель; похоронен в г. Ницца, Франция). В 1918 году зам. наркома по морским делам, член Реввоенсовета Восточного фронта; в июле из Нижнего Новгорода выезжал в Симбирск расследовать обстоятельства Муравьёвского мятежа; командовал Волжской военной флотилией. Член Союза писателей СССР (1934). Был полпредом СССР в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии. Не вернулся в СССР, жил в Париже. Автор трагедии «Робеспьер» (1930), книг «Кронштадтцы. Из воспоминаний (1917)» (1931), «Рассказы мичмана Ильина» (1934), «Рассказы комфлота» (1934).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СТАЛИНУ (отрывок)

Сталин, вы объявили меня «вне закона». Этим актом вы уравнили меня в правах – точнее, в бесправии – со всеми советскими гражданами, которые под вашим владычеством живут вне закона. Со своей стороны отвечаю полной взаимностью: возвращаю вам входной билет в построенное вами «царство социализма» и порываю с вашим режимом.

Ваш «социализм», при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решёткой, так же далёк от истинного социализма, как произвол вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата. Вам не поможет, если награждённый орденом, уважаемый революционер-народоволец Н.А. Морозов подтвердит, что именно за такой «социализм» он провёл пятьдесят лет своей жизни под сводами Шлиссельбургской крепости.

Стихийный рост недовольства рабочих, крестьян, интеллигенции властно требовал крутого политического манёвра, подобно ленинскому переходу к нэпу в 1921 году. Под напором советского народа вы «даровали» демократическую конституцию. Она была принята всей страной с неподдельным энтузиазмом. Честное проведение в жизнь демократических принципов демократической конституции 1936 года, воплотившей надежды и чаяния всего народа, ознаменовало бы новый этап расширения советской демократии.

Но в вашем понимании всякий политический манёвр – синоним надувательства и обмана. Вы культивируете политику без этики, власть без честности, социализм без любви к человеку. Что сделали вы с конституцией, Сталин?

Испугавшись свободы выборов, как «прыжка в неизвестность», угрожавшего вашей личной власти, вы растоптали конституцию, как клочок бумаги, выборы превратили в жалкий фарс голосования за одну единственную кандидатуру, а сессии Верховного Совета наполнили акафистами и овациями в честь самого себя. В промежутках между сессиями вы бесшумно уничтожали «зафинтивших» депутатов, насмехаясь над их неприкосновенностью и напоминая, что хозяином земли советской является не Верховный Совет, а вы. Вы сделали всё, чтобы дискредитировать советскую демократию, как дискредитировали социализм. Вместо того, чтобы пойти по линии намеченного конституцией поворота,

вы подавляете растущее недовольство насилем и террором. Постепенно заменив диктатуру пролетариата режимом вашей личной диктатуры, вы открыли новый этап, который в историю нашей революции войдёт под именем «эпохи террора».

Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удасться ли ему избежать ночного ареста, никому нет пощады. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и Маршал Советского Союза – все в равной мере подвержены ударам вашего бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели.

Как во время извержения вулкана огромные глыбы с треском и грохотом рушатся в жерло кратера, так целые пласты советского общества срываются и падают в пропасть. Вы начали кровавые расправы с бывших троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, потом перешли к истреблению старых большевиков, затем уничтожили партийные и беспартийные кадры, выросшие в гражданской войне, вынесшие на своих плечах строительство первых пятилеток, и организовали избиение комсомола. Вы прикрываетесь лозунгом борьбы «с троцкистско-бухаринскими шпионами». Но власть в ваших руках не со вчерашнего дня. Никто не мог «пробраться» на ответственный пост без вашего разрешения.

Кто насаждал так называемых «врагов народа» на самые ответственные посты государства, партии, армии, дипломатии? Иосиф Сталин.

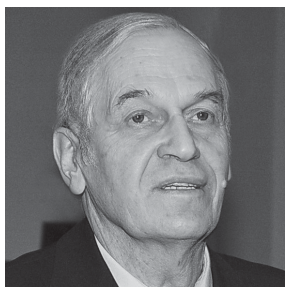
Прочитайте старые протоколы Политбюро: они пестрят назначениями и перемещениями только одних «троцкистско-бухаринских шпионов», «вредителей» и «диверсантов». И под ними красуется подпись – И. Сталин.

Вы притворяетесь доверчивым простофилей, которого годами водили за нос какие-то карнавальные чудовища в масках.

– Ищите и обряцете козлов отпущения, – шепчете вы своим приближённым и нагружаете пойманых, обречённых на заклание жертв своими собственными грехами.

Вы сковали страну жутким страхом террора, даже смельчак не может бросить вам в лицо правду...

Дмитрий ТОЧЁНЫЙ (р. 1942)

12 февраля 80-летний юбилей отмечает историк, публицист Дмитрий Степанович Точёный (р. 12.02.1942, г. Ташкент Узбекской ССР). Окончил Куйбышевский пединститут (1963). Доктор исторических наук. В 1970–1980-х гг. возглавлял кафедру истории в УлГПИ, был проректором по научной работе (1984–1987). С 1988 года возглавлял кафедру истории УлГУ. Автор книг: «Симбирск. Октябрь 1917» (1987), «Младенец старший: историческая повесть» (1994), «Россия в конце XIX – начале XX вв.» (2002), «Симбиряне в 1917 году» (2004), «Родина Ленина в условиях культа Сталина» (2015), «Штрихи симбирской-ульяновской истории» (2017, совместно с Н.Г. Точёной) и др. Почётный гражданин Ульяновска (2013).

ШТРИХИ СИМБИРСКОЙ–УЛЬЯНОВСКОЙ ИСТОРИИ

(отрывок из монографии)

В начале июня 1911 года в Симбирской губернии установилась невиданная жара. Отовсюду шли тревожные новости. Из Буинского уезда сообщили: «Земля пересохла, и образовались трещины в 2–3 вершка глубиной. Трава выгорела. В связи с этим во всех селениях замечается усиленный падеж скота. Раньше у нас о лесных пожарах и помину не было. В нынешнем году лес горит очень часто».

В Сенгилеевском уезде картина была столь же печальной. «Как-то уныло, – писал очевидец, – выходят крестьяне на полевые работы; уныло косят пустую рожь и так же уныло выпалывают на яровых посевах сухую и колючую траву. Плохи надежды на урожай, и крестьяне молебствуют о дожде. В пыли и жаре ходят с иконами и хоругвями по полям и молятся».

В начале июля прошли ливни. Растительность оживилась. Но радость оказалась преждевременной. Стало холодно. Дожди не переставали, кажется, до середины сентября. 7 октября из Карсуна в губернскую земскую управу пришла телеграмма: «Голод уже заглянул в деревню: многие свой хлеб съели до Покрова».

Власти в Симбирске отчётливо представляли весь трагизм продовольственной статистики. Он выражался в трёх цифрах. У населения имелось 2 млн пудов хлеба, а требовалось для самого скромного питания 13 млн. Симбирский губернатор А.С. Ключарёв обратился в Совет министров России. В правительстве сказали, что окажут необходимую поддержку, но порекомендовали и самим искать средства, поскольку голод охватил и другие поволжские районы.

Помощь голодающим оказывалась в различных формах. Во-первых, были организованы в сельской местности в больших масштабах общественные работы. На выделенные правительством средства строились дороги, мосты, плотины. В общественных работах приняли участие крестьяне 103 сёл и деревень. Платили им в день от 40 коп. до 1 руб. 20 коп. Много это или мало? Обед в трактире сто-

ил тогда 5–7 коп. Руководили общественными работами инженеры и техники симбирского земства, а также присланные из других городов сапёры.

Во-вторых, российское правительство ассигновало голодающим симбирянам 300 000 руб. для проведения врачебно-питательной и благотворительной помощи. К 11 февраля 1912 года в губернии были созданы 425 бесплатных столовых в 341 селении.

Документы сохранили живописные эпизоды питания детей в Кирпичносарайской школе. «В понедельник 12 марта, – повествует в отчёте один из гласных городской думы Симбирска, – мне удалось посетить столовую во время горячих завтраков... Хлеб раздавал сам учитель, щи разливали по чашкам сторожихи. Ели громко и быстро.

– А что, вкусный завтрак? – спрашиваю я.

– Вкусный очень! – хором раздаётся ответ.

– А где вкуснее, дома или здесь?

– Здесь! – опять хором отвечают.

– А часто вы дома горячее-то едите? Каждый день?

– Редко! Куды там!»

Бесплатные столовые были спасением в первую очередь для стариков. Об этом писал корреспондент одной из симбирских либеральных газет в апреле 1912 года, побывавший в селе Мокрая Бугурна Симбирского уезда: «Существенную услугу для «лишних ртов» в крестьянских семьях – детей, старух и больных – оказала открытая для них земством столовая. В неё ходит что-то около 100–120 человек, и как это число ни мало по сравнению с истинным количеством действительно нуждающихся, но и эта помощь имеет большое значение, избавляя по крайней мере пожилых от попреков семьи за «даровой» хлеб».

Там, где столовые организовать по ряду причин не удалось, земство выдавало продовольственные пайки (по 30 фунтов ржаной муки и 5 фунтов пшеница на одного едока в месяц)...

Наталья МИРОНОВА (р. 1957)

12 февраля 65 лет исполняется филологу, библиографу, краеведу Наталье Валентиновне Мироновой (р. 12.02.1957, р.п. Чуфарово Вешкаймского р-на Ульяновской обл.). Окончила историко-филологический факультет УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1979). Работала учителем русского языка и литературы, библиотекарем, библиографом, зав. сектором информации по культуре и искусству в областном Дворце книги. С 1998 года преподаёт в УлГУ, доцент, кандидат филологических наук (2012). Автор монографии «Жизнь и творчество В.Н. Назарьева» (2016); литературных статей «Пространство в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова» (2003), «Валериан Назарьев – первый биограф И.Н. Ульянова» (2006) и др.

ОЧЕРК В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В.Н. НАЗАРЬЕВА

(отрывок из диссертации)

История творческих исканий В.Н. Назарьева в какой-то мере схожа с исканиями большинства очеркистов того времени. Начав с путевых очерков («Путевые заметки в Крыму (в 1857 году)», «Город Старица», «Поездка в Новый Иерусалим»), он затем обращается к описательным очеркам («Беглый очерк Симбирского и Сенгилеевского уездов»), пробует свои силы в сращении очерка и рассказа (циклы «Наша сельская жизнь», «Очерки с натуры») и т. д., что повторяло путь развития этого жанра в русской литературе.

В ранних очерках В.Н. Назарьев вырабатывает свой очерковый стиль, используя наработки предшествовавших очеркистов. Его ранним очеркам присущи приёмы противопоставления, цитации, ярко выраженное авторское начало. Всё это он будет использовать и в дальнейшем творчестве. Интерес к цифре, статистике, использованию точных данных присущ уже и ранним очеркам В.Н. Назарьева, но особенно разовьётся в его более поздних очерках.

В 1872 г. В.Н. Назарьев начинает сотрудничество с «Вестником Европы», где на протяжении восьми лет с перерывами (1872, 1876, 1879, 1880) печатался цикл «Современная глушь». Назарьев поделил его на две неравные по объёму части: «Современная глушь. Воспоминания мирового судьи» и «Современная глушь. Мученик захоlustья». Первая часть состоит из тринадцати документальных очерков-статей, а вторая – из одного (художественного). В 1872 г. в №2 и 3 опубликованы шесть очерков, темами которых является судебная реформа, в 1876 г. в №3 и 5 тема очерков – школьная реформа.

Очерк «Весна и осень мировых учреждений» (1879, №5) посвящён изменениям, которые произошли в мировых учреждениях за годы реформ. Это наблюдения, размышления, выводы человека, который принимал активное участие в общественной жизни края, который поверил в «новые порядки». Обилие фактического материала, включение в структуру текста цитат из судебных протоколов, отрывков из дневника и т. п. приближает очерки Назарьева к жанру исследования, аналитической статьи. В то же время – с точки зрения проблемно-тематического измерения жанра – это типичные проблемные очерки, количественное преобладание которых характерно для 70-х годов XIX века. Очерк

второй части цикла «Современная глушь. Мученик захоlustья» (1880, №3) воспроизводит «воплощённого героя современного романа» и стилистически приближен к беллетристическим очерковым формам (очерк-повесть).

Кроме того, В.Н. Назарьев, обращаясь к актуальным вопросам времени, использует и другие очерковые формы: очерк-репортаж «Симбирские добровольцы» посвящён событиям войны на Балканах и тем добровольцам, которые решили помочь «братьям-славянам», и очерк-«отклик» (очерком «Из симбирской глуши» он откликнулся на публикацию писем «Из деревни» А.Н. Энгельгардта) и т. д.

Долгое время главная тема его очерков – жизнь пореформенной глуши, которая продолжилась после «Современной глуши» в цикле «История одной волости», дающем обзорные жизни Ново-Никulinской волости Симбирского уезда за более чем двадцать пореформенных лет. События в очерковом цикле объединены хронологически, что подчеркнуто «календарными» названиями очерков. В данном цикле Назарьев выразил разочарование происходящими процессами, что было в известной степени характерной чертой 1880-х годов.

В 1880–1890-е гг. В.Н. Назарьев всё чаще прибегает к воспоминаниям, мемуарам. Его мемуарные очерки «Из симбирской старины» интересны симбирскими реалиями; они раскрывают ряд биографических подробностей (взаимоотношения в семье, имена друзей отца, места проживания писателя и его родных, отношение к слугам и т. п.), помогают выявить круг чтения (произведения Н.М. Загоскина, Н. Мышицкого, А. Марлинского, А.С. Пушкина и др., журналы «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» и т. д.), интересы и увлечения симбирских помещиков средней руки (охота, театр, поездки в гости и на ярмарки, в т. ч. известную даже за пределами Симбирской губернии Карсунскую ярмарку).

Таким образом, В.Н. Назарьев в своем творчестве обращается к различным видам очерков: путевому, физиологическому, очерку-рассказу, очерку-статье, очерку-репортажу, мемуарному очерку и т. д., а объединение очерков в циклы даёт ему возможности рассмотрения одной и той же проблемы под различными углами...

Евгений ГРИШКОВЕЦ (р. 1967)

17 февраля 55-летний юбилей отмечает режиссёр, драматург, писатель Евгений Валерьевич Гришковец (р. 17.02.1967, г. Кемерово). Окончил Кемеровский университет (1994). С 1998 года живёт в Калининграде. Автор романов и повестей «Рубашка» (2004), «Реки» (2005), «Асфальт» (2008), «А....а» (2010); пьес «Зима» (2005), «Сатисфакция» (2010), «Уик энд» (2014); сборников «Планка» (2006), «Следы на мне» (2007), «Боль» (2014) и др. Был на гастролях в Ульяновске со спектаклями «Как я съел собаку» (2011), «+1» (2011), «Прощание с бумагой» (2013), «Одновременно» (2014), «Шёпот сердца» (2015); провёл здесь 8 июня 2018 года презентацию своей новой книги «Театр отчаяния, или Отчаянный театр».

ПОСЛЕДНИЙ ПРАЗДНИК (отрывок из рассказа)

Мне удалось подкопить денег ко дню рождения. Я откладывал два месяца половину своего крохотного денежного довольствия, и родители прислали немного. У нас было принято на день рождения угощать ближайших своих сослуживцев и накрывать стол на вечерний чай для своей боевой части (в моём случае для боевой части 3, то есть для минёров и торпедистов, в общем, для двенадцати человек).

По негласному, но строго соблюдаемому правилу в день рождения юбиляра освобождали от вахт и других работ на весь день, от подъёма и до отбоя. Как правило, того, у кого был день рождения, вызывал к себе командир и поздравлял его. Командир приглашал к себе в каюту и говорил что-нибудь доброе, желал счастья, здоровья, успехов в службе и пр. Это было важно. В каюте командира матросу удавалось побывать редко, а то и вовсе не удавалось побывать за всю службу. Командир же был чудесным существом.

– Ну-у? Угостишь нас завтра? – спросил за вечерним чаем Лёша Милёв, старшина нашей команды, добрый жилистый парень. – Хочется хорошего чаю попить. Крепкого чайку, – сказал он, делая ударение на слове «крепкий» и подмигнул мне.

Раздобыть и принести на борт спиртное было очень трудно. И если кому-нибудь удавалось такое сделать, то это свидетельствовало о лихости, смелке и смелости. Молодые, прослужившие с нами в б. ч. 3 по полгода матросики смотрели на меня с надеждой. Они ждали просто сладостей, элементарных конфет, печенья, сгущённого молока или чего угодно другого, лишь бы сладкого. Я помнил, как в первый год службы хотелось сладкого. Хотелось так, как в детстве не хотелось.

Я не рассчитывал на подарки или хотя бы на подарок. Подарки у нас друг другу не дарили. Хотелось только немножко праздника и хотелось почувствовать магию цифр. Двадцать лет! Что это?

Снег шёл, когда мы ложились спать. По громкой связи прозвучало: «Команде отбой. Ночное освещение включить». Яркий жёлтый свет погас, и загорелась синяя лампа ночного освещения, только трап, ведущий в кубрик, светился жёлтым, падающим из

верхних помещений светом. Я закрыл глаза. Нужно было уснуть.

Я вспомнил, как в детстве ждал дня рождения и в ночь перед ним долго не мог уснуть. Сердце никак не успокаивалось, оно громко и часто стучало от волнения. Я ворочался и уговаривал себя заснуть, понимая, что как только я засну, сразу наступит завтра. То есть, надо уснуть, и день рождения настанет. Но из-за того, что я так напряжённо об этом думал, именно от этого и не мог уснуть, ворочался, громко вздыхал, или лежал и слушал тишину в других комнатах, тиканье часов, да звуки редко проезжавших машин. Как же я ждал дня рождения!

Хотя чего я ждал? Я знал заранее, что утром мне мама даст белую рубашку, потому что в школе в день рождения мне нужно быть нарядным. Родители меня поздравят, но сразу все подарки не дадут, придётся ждать вечера. В школу я брал с собой конфеты, чтобы всех угостить. Учительница в начале первого урока сообщала классу, что у меня сегодня день рождения и не тревожила потом вопросами и не вызывала к доске.

Вечером ко мне приходили друзья, бабушка и тётя с маленькой моей троюродной сестрой. Все дарили какую-нибудь ерунду, бабушка дарила книгу и тайком от всех совала мне в руку сложенную вчетверо купюру: «Сам себе что-нибудь купишь, и сходи в кино», – шептала она.

Родители дарили, конечно, что-то ценное, не всегда то, что я хотел, но всё же ценное. Друзья, пришедшие меня поздравить, сначала родительским подарком восхищались, но вскоре находили в нём массу недостатков и раскритиковывали его, доводя меня чуть ли не до слёз. Потом мы ели, потом пили чай с маминым тортом. Потом недолго бесились, ссорились, кто-то уходил раньше остальных.

Мне казалось, что мои приятели затевали какую-то интригу против меня и вообще недостаточно мне благодарны за праздник и угощение. Потом папа праздник заканчивал.

– Всё! Давайте-ка по домам. Завтра в школу, – говорил он, – за уроки-то ещё не садились...

Гая ГАЙ (1887–1937)

18 февраля – 135 лет назад родился герой Гражданской войны, автор военных мемуаров Гая Дмитриевич Гай, настоящее имя и фамилия – Гайк Бжишкян (18.02.1887, г. Тебриз, Персия, ныне Иран – 11.12.1937, г. Москва). В 1918 году командир Сенгилеевско-Ставропольской группы; с 27 июля по 20 ноября начальник 1-й сводной Симбирской Железной дивизии, освободившей Симбирск от белогвардейцев. Поддерживал связь с Симбирском, приезжал в Ульяновск в 1928 и 1933 гг. Автор сочинений «Первый удар по Колчаку» (1926), «В боях за Симбирск» (1928), «На Варшаву! Действия 3-го конного корпуса на Западном фронте» (1928). Расстрелян в ходе массовых репрессий. Его именем назван проспект в Ульяновске (1967).

В БОЯХ ЗА СИМБИРСК (отрывок из очерка)

После продолжительной «программной» речи на фракции левых эсеров в здании городского театра Муравьев направляется в губисполком вместе с эсерами на совместное заседание, чтобы привлечь на свою сторону и комфракцию... Через два часа его труп был вынесен из губисполкома. Верной рукой красногвардейца 1-го Латышского полка была закончена авантюристическая жизнь этого левозерского бонапарта.

Но авантюра Муравьева не прошла даром. Приказ о мире с чехословаками и предложение им вернуться на Волгу поставило под угрозу Симбирск... Вскоре чехословаки большими силами, переходя в решительное наступление, заняли Бугульму, Мелекесс, Ставрополь и др. города. Наши отряды стали в панике отступать в Симбирск. Везде и всюду красногвардейцы видели измену и предательство со стороны левых эсеров. Другая группа красногвардейцев под названием «Ставропольский отряд», наступавшая из Мелекесса на Самару, была окружена и прижата чехами к Волге. Одновременно чехи начали наступать на пароходах из Самары вверх по Волге к Сенгилею. Группа генерала Каппеля, захватившая Сызрань, перешла в наступление через Тереньгу на Симбирск. 20 июля, заняв ст. Охотничью, группа Каппеля после артиллерийского боя ворвалась в Симбирск с востока...

Санитарный пароход «Фортуна» с 50 больными... стал полным ходом уходить вверх по Волге, спасая раненых, среди которых началась паника. Тогда неприятель, отлично видевший флаг Красного Креста, сосредоточил свой огонь по пароходу, но благодаря искусным манёврам... из 10 выпущенных по судну снарядов только один, разорвавшись у самого борта, осколками расщепил деревянные части верхней палубы и стенки каюты 2-го класса, контузив двух человек...

Утром 22 июля пристань Сенгилея кишела народом и красноармейцами... У цейхгауза происходили отвратительные сцены мародёрства вследствие объявления о раздаче беднейшему населению Сенгилея военных запасов; мирные жители (среди которых были и спекулянты) кинулись расхищать запасы, из-за обладания которыми происходили драки и перебранки...

22 июля отряд... под общим моим командованием ночевал в Тушне. Здесь по настоянию части больных, не желавших ехать дальше на тряских подводах и требовавших отправления в больницу, 14 человек были отправлены в Тушинскую больницу, где они были расстреляны на следующий день пришедшими чехами...

В Суровке всем служащим и красноармейцам было уплачено жалованье, т. к. ввиду скудного питания консервами и хлебом отступающим приходилось покупать у крестьян продукты. Отношение к крестьянам было корректное, требовали лишь постой и смену подводы; за продукты и фураж расплачивались наличными...

Для поднятия дисциплины, кроме широкой политической работы, начали разбирать дела дезертирства, грабежа, пьянства, разбоя и проч. За малейшие проступки наши дивизионные трибуналы при полной поддержке штадива выносили высшую меру наказания – расстрел, не считаясь ни с должностью, ни с заслугами обвиняемого. Помню случай: старый комендант штаба Сушко, посланный на Чуфарово отыскать помещения для штадива, обратил излишнее внимание на спрятанные сундуки местного священника и брал взятки от местных кулаков, освобождая за это их дома от постоя. За подобное бесчинство он был расстрелян в тот же день на глазах жителей ст. Чуфарово. Подобными, может быть зачастую беспощадными, мерами мы приобрели двойную пользу: во-первых, в глазах местных жителей сильно поднялся авторитет дивизии, и, во-вторых, военная дисциплина была поставлена на должную высоту...

У ст. Охотничьей произошёл кровопролитный бой, где отличился Интернациональный полк, голову разбив белых и взяв много пленных, мобилизованных крестьян молодых возрастов, большею частью чувашей и татар, обутих в лапти и очень плохо обученных...

Защищать Отраду был выставлен отряд чувашей, мобилизованных белыми перед тем. Эти невольные защитники, оборванные, разутые, голодные, необученные, почти все были взяты в плен и отпущены на свободу...

12 сентября в 12 часов 30 мин. Симбирск был взят окончательно.

Сергей НОСОВ (р. 1957)

19 февраля 65-летний юбилей отмечает прозаик, поэт, драматург Сергей Анатольевич Носов (р. 19.02.1957, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1988). Член Союза писателей России (1991). Работал в журнале «Костёр», на «Радио России». Автор сборников «Внизу, под звездами» (1990), «Поздние петербуржцы» (1995), «Полтора кролика» (2012), «Закрывание темы» (2019), «Сторожение» (2019) и др. Был в Ульяновске 14 сентября 2016 года на VI Международном культурном форуме; передал в фонд областного Дворца книги романы «Франсуаза» и «Фигурные скобки»; побывал в детской школе искусств №8 в Ульяновске и в библиотеке Сенгиляя. Живёт в Санкт-Петербурге.

ПОЛТОРА КРОЛИКА (отрывок из рассказа)

Жуть, а не погода. Особенно ветер.

От автобусной остановки до библиотеки было метров двести, зонтик бы всё равно поломало. Рудаков натянул капюшон, прижал подбородок к груди. Вместо обещанного дождя бил в лицо снег – острый, как пыль стекловаты. На витрине магазина летней одежды с трудом сдерживали злорадство два манекена – там был у них рай.

Его заметили прежде, чем он перешёл улицу. Магда Васильевна, встречая, предупредительно держала открытую дверь – она вышла без пальто, только в шерстяном платке, накинутом на красное платье. Рудаков ускорил шаг, потом и вовсе побежал.

– Мы уже думали, не придёте.

Входя, царапнул её не по-доброму взглядом. Впрочем, быть неприветливым он не хотел.

– Неужели кто-то пришёл? – прохрипел Рудаков.

– А как же!

И верно, в конференц-зале сидели какие-то личности, об их числе, находясь в вестибюле, Рудаков мог только догадываться. Он снимал куртку – так сказать, вешался. По всему судя, ему ещё предстояло иметь дело с телевизионщиками.

Их наличие Рудакова искренне удивило. Камеру установили здесь же, при входе. Местный канал, обзор культурной жизни по понедельникам.

– Это недолго, – сказала Магда Васильевна, не прочтя восторга на лице Рудакова.

– Я не смотрю телевизор, – сказал Рудаков тем двоим.

– Мы тоже, – ответил один, затевая возню с микрофоном.

Он же был за оператора, другой – вопрошатель (в кадре не предусмотренный, он стоял слева от камеры).

Первый сказал: «Снимаем». Второй спросил:

– Скажите, что вас побудило написать эту книгу?

– Что меня побудило? – повторил вопрос Рудаков, откашлявшись. – То и побудило, что написал. – Он ещё произнёс несколько фраз в том же духе.

Интервьюер помахал кистью руки у себя перед

носом, призывая Рудакова смотреть на него, а не в потолок. Каждую фразу Рудакова он сопровождал одобрительным кивком – наверное, этому учат в их институтах.

– Объясните, пожалуйста, название вашей книги.

– То есть вы её не читали, – сказал Рудаков, прищурясь.

– При чём здесь «полтора»?

– Не читали, – повторил Рудаков.

– Честно говоря, ещё нет. Прочту обязательно.

– Для любого, кто читал мою книгу, название, полагаю, понятно. Но если угодно, я объясню.

Он объяснил.

– Как вы относитесь к современной литературе?

Рудаков глубоко вздохнул. Помолчал. Поморщился. Стал нехотя объяснять, как он относится к современной литературе. Собственно, никак. То есть как-то так никак, собственно. То есть как-то. Как-то так.

– Большое спасибо.

Магда Васильевна, деликатно исчезнувшая на время съёмки, вновь появилась в вестибюле. Провожая Рудакова в конференц-зал, поинтересовалась: «Не любите?». Рудаков посмотрел вопросительно. Магда Васильевна уточнила вопрос: «Ну, давать интервью...» Рудаков промолчал, отвечая мысленно. «Плохо спали, наверное», – донимала догадками. Вместе вошли.

Конференц-зал был небольшим – просто комната. «Больше десяти», – прикинул Рудаков.

Больше десяти ненавязчиво приветствовали Рудакова, а он их.

Сел вместе с Магдой Васильевной за стол.

Читательницы. И один читатель.

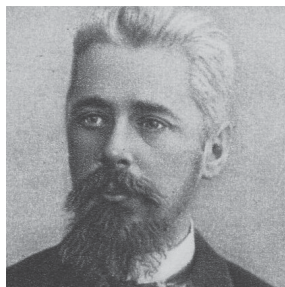
Магда Васильевна представила Рудакова. Сказала:

– Несмотря на непогоду, у нас практически аншлаг.

– Одиннадцать, – сосчитал Рудаков.

Мест свободных действительно не было – вероятно, стулья вносили по мере прибавления публики. Придёт двенадцатый – внесут стул...

Николай ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ (1852–1906)

20 февраля 170 лет назад родился прозаик и публицист Николай Егорович Гарин-Михайловский (20.02.1852, г. С.-Петербург – 10.12.1906, там же). В 1900 году взял в аренду землю близ с. Тургенево Ставропольского у. Самарской губ. (позже Чердаклинского р-на Ульяновской обл.). Не раз бывал в Симбирске. Управлял имением жены В.А. Садовской в с. Ахматово – Белый Ключ Симбирской губ. (ныне Вешкаймского р-на Ульяновской обл.). Автор тетралогии «Детство Тёмы» (1892), «Гимназисты» (1893), «Студенты» (1895), «Инженеры» (1907); очерков «Несколько лет в деревне» (1891), «В сутолоке провинциальной жизни» (1900) и др. Его имя присвоено Вешкаймской центральной библиотеке (2014).

ДНЕВНИК ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ (отрывок)

В Симбирске сел на наш пароход «Некрасов» один из пионеров нового многопольного хозяйства. Человек предприимчивый, но очень склонный к риску. Повёл дело в широких размерах, истратил более миллиона и теперь находится при последнем издыхании. Вся его надежда на урожай этого года, но его управляющий того мнения, что никакой надежды нет.

Реакционный элемент торжествует. Грабящие его ростовщики всевозможных типов и шаблонов, возбуждаемые злобным шипением этого элемента, чувствуют себя и действуют открыто, вовсю. Чуть не кричат:

– Мошенник!

А этот «мошенник» рассыпал населению этих мест больше миллиона. Выстроил железную дорогу, ввёл в течение двадцати лет целый ряд прочно установившихся новых культур: люцерну, клевер, подсолнух, мак, чечевицу; завёл непосредственные сношения по сбыту всех этих хлебов с мировыми рынками, представители которых завели теперь здесь постоянные конторы.

Придёт, конечно, и для него история, но его уже не будет. Судьба пионера и дело его бесповоротно проиграны.

Он добродушно говорит:

– И вот, подите, что значит русский человек! Надо, чтобы пропали лучшие годы жизни, масса труда, масса денег, чтобы каждый, наконец, стал рассуждать. В сущности, чего я хотел? Доказать, что в некультурных условиях можно культурно устроиться? Что некультура ничему не мешает?!

Он смеётся:

– Всё-таки я понял, в конце концов, что я – культурный одиночка... А отсюда всё та же непоколебимая вера в себя, как русского.

– Да, миллионы – большие деньги, и, исходя из принципиальной постановки вопроса, на эти день-

ги, в общекультурном направлении их, как много можно было бы сделать!

– Можно, можно, – торопливо соглашается мой спутник и, опираясь локтями о стол, нервно ерошит свои уже поседевшие волосы.

Коммерсант за соседним столом кончил свой ранний завтрак, ковыряет в зубах и, слушая наш разговор, так смотрит, точно думает: «Дурак-то, дурак!»

Пионер добродушно обращается к нему и спрашивает:

– Как дела?

Не меняя лица, коммерсант бросает:

– Не веселят...

И, помолчав, прибавляет:

– Угнетение большое: на биржу хоть не ходи, – неловко складывается дело. Вы что, до Самары?

– Да.

– Вот она.

Мы поворачиваем и подходим к пристани.

Есть места, которые только раз в жизни достаточно увидеть, и то за наказание, но, вероятно, много у меня грехов, что так тесно я связан с этим прозаичнейшим городом в мире.

Мы шагом пробираемся в гору по отвратительной булыжной мостовой. Солнце, жара; ветер вихрями крутит пыль и засыпает лицо, глаза, шею.

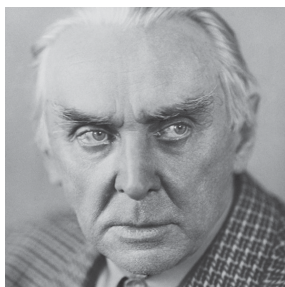
Какие сонные, какие прозаичные лица! Из очень немногих живых, с инициативой, людей живший в этом городе Яков Львович Тейтель переведён отсюда. И в несколько месяцев от всех его общественных затей ничего не осталось.

И, Боже мой, как рады этому любители тишины и покоя, и как сладко спят на лаврах без доктора Газа здешние места!

Да, правы, пожалуй, китайцы, говоря, что и от одного хорошего человека весь мир делается уже лучше...

1904

Константин ФЕДИН (1892–1977)

24 февраля – 130 лет со дня рождения писателя Константина Александровича Федина (24.02.1892, г. Саратов – 15.07.1977, г. Москва). С февраля по октябрь 1919 года жил в городе Сызрань Симбирской губ., редактировал журнал «Отклики». По дороге из Москвы и обратно проезжал через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово. Автор сборника рассказов «Пустырь» (1923); романов «Города и годы» (1924), «Похищение Европы» (1935), «Санаторий «Арктур» (1940); трилогии «Первые радости» (1945), «Необыкновенное лето» (1948), «Костёр» (1965) и др. Академик АН СССР (1958), Герой Социалистического Труда (1967). Первый секретарь и председатель правления Союза писателей СССР (1959 – 1977).

РИСУНОК С ЛЕНИНА (отрывок из рассказа)

Сергей нашёл место в ложе для журналистов, против трибуны. Отсюда хорошо были видны скамьи президиума. Он раскрыл альбом и стал готовиться к рисованию.

Внезапно хоры зашумели, и, всё поглощая грохотом, вниз начал сползать глетчер рукоплесканий. Сергей поднялся вслед за всем залом и стал глядеть в места президиума. Но там никто не появлялся. Он посмотрел в зал, и вдруг у него выпал из рук альбом: он начал аплодировать.

Прямо на него, через весь зал, впереди разноплеменной толпы делегатов, шёл Ленин. Он спешил, наклонив голову, словно рассекая ею встречный поток воздуха и как будто стараясь скорее скрыться из виду, чтобы приостановить аплодирование. Он поднялся на места президиума, и пока длилась овация, его не было видно.

В момент, когда он появился, раскрылись все двери зала, и на хоры и в амфитеатр внесли огромные корзины красных гвоздик. Цветы разлетались по рукам, вовлекая длинные ряды скамей в красочную переключку с альбами полотнищами знамён и декораций. Оглядывая зал, Сергей увидел неподалеку двух пожилых художников, которые ещё недавно были его учителями. Они уже уселись на места, а он всё ещё стоял. Спыхватившись, он поднял альбом и взялся за карандаши.

Но неожиданно, когда стихло, он опять увидел Ленина, очень быстро поднимавшегося вверх между скамей амфитеатра. Его не сразу заметили, но едва заметили, снова начали аплодировать и заполнять проход, по которому он почти взбегал. Он поравнялся с одним человеком и, весело улыбаясь, протянул ему руку. Тот встал навстречу Ленину, здороваясь неторопливо, с какой-то степенной манерой крестьянина и с ласковой сдержанной улыбкой. Они разговаривали, всё больше наклоняясь друг к другу, потому что овация росла и люди обступили их кольцом.

– Это Миха Цхакая, – услышал Сергей, – грузинский коммунист. Он жил с Лениным в Швейцарии.

Кольцо людей вокруг них сужалось, и Ленин, пожав руку товарища, почти прорвал неподатливую толпу, устремляясь вниз, явно недовольный громом и толчеей. Сергей следил за каждым шагом Ленина. Ему казалось, что он успел заметить очень важные особенности движений этого невысокого, лёгкого человека и уже видел их пойманными карандашом в своём альбоме.

Ленин, войдя в места президиума, на минуту исчез, потом вновь показался, и Сергей увидел, как он вынул из кармана бумаги и присел на ступеньку в проходе. Это случилось быстро, нечаянно, просто, и лучшей позы нельзя было ни ждать, ни вообразить. Сергей почувствовал, что его соседи-художники уже рисуют. Он сжал в пальцах карандаш, но не мог оторвать взгляда от Ленина.

Так хорошо была видна его голова – большая, необычная, запоминавшаяся в один миг. Ленин положил бумаги на колени и, читая, низко нагнулся над ними. Взмах его лба, темя, затылок с завитушками светлых жёлтых волос, касавшихся воротника, резко преобладали во всём его облике. Сергей хотел сравнить Ленина с каким-нибудь образом, знакомым из истории или современности, но Ленин никого не повторял. Каждая чёрточка его принадлежала только ему.

Сергей наконец коснулся карандашом бумаги. Одним мягким, нащупывающим скольжением он прочертил контур ленинской головы и поднял глаза. Ленина уже не было.

Сергей увидел его снова, когда он ступил на трибуну для доклада.

Восторженная, несмолкающая овация встретила Ленина. Ему пришлось вынести её до конца. Он долго перебирал бумажки на кафедре. Потом, высоко подняв руку, тряс ею, чтобы уgomонить разбушевавшийся зал. Укоризненно и строго поглядывал он по сторонам – один среди клокотавшего шума. Вдруг он вынул часы и показал их аудитории, сердито постукивая пальцем по циферблату, – ничего не помогало. Тогда он опять принялся нервно пересматривать, перебирать бумажки, пока овация, словно исчерпав себя, не обратилась во внимающую тишину.

Ленин начал говорить. Сергей увидел его в движении, передававшем мысль. Вот именно это и мечтал художник изобразить в рисунке. Черты Ленина, несколько минут назад совершенно точно уловленные, как будто исчезли в Ленине-ораторе и заменились новыми, в непрерывном живом чередовании. Одну за другой отмечал их в памяти Сергей, но они возникали и не повторялись, и он боялся упустить их, и всё не решался начать рисовать, и уже не мог бы сказать, что делает – изучает ли жестикоуляцию Ленина или слушает его речь.

Полная слитность жеста Ленина со словом поразила его...

Михаил ПОПОВ (р. 1957)

25 февраля 65 лет отмечает поэт, прозаик Михаил Михайлович Попов (р. 25.02.1957, г. Харьков Украинской ССР). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1984). Член Союза писателей СССР (1988). Секретарь правления Союза писателей России; возглавляет здесь совет по прозе. Автор поэтических сборников «Знак» (1987), «Завтрашние облака» (1989); книг прозы «Пир» (1988), «Баловень судьбы» (1991), «Цитадель» (1996), «Барбаросса» (1998), «Подмосковные вечера» (2015), «На креслах восточных» (2017) и др. Лауреат Всероссийской литературной премии к 200-летию юбилею И.А. Гончарова за роман «Москаль»; был в Ульяновске на её вручении 20-21 июня 2009 года. Живёт в Москве.

ЖАЛОБЫ

У меня нет мнения о Гоголе,
у меня нет мнения о Сталине,
я хочу, чтобы меня не трогали,
но притом, чтоб не совсем оставили.

Мысль моя боится выйти смелою,
но при этом хочет быть свободною.
Ничего, пожалуй, я не делаю
лишь тогда, когда всю работу.

Хочется, чтоб знанье было точное,
а отчаянье от этого не полное.
Чтобы государство было прочное,
но, однако же, и добровольное.

Всё вокруг неудержимо вертится,
ничего при этом не случается.
Бог ведь есть, но мне в него не верится.
Смерть страшна, а жизнь не получается.

Наш пруд внезапно застеклило
ночным дыханием зимы.
Всё было сыро и уныло,
и вдруг разбогатели мы.

Над миром мокрым и промозглым
не тяжек наш вчерашний вес,
мы льдистым пользуемся лоском,
как крышею иных небес.

Под нами кущи, и неволен
их сон в разливе стройной мглы.
Позёмка над прозрачным полем
летит в метельные углы.

Как одуроченные звери,
мы пробуем холодный лёд
подошвами, глазам не веря,
и смех со всех сторон плывёт.

ГРОЗА

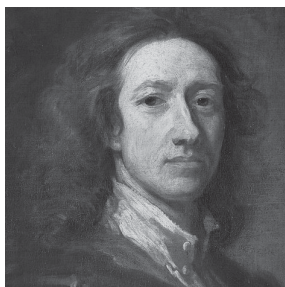
Повинуясь незримому знаку
и неслышной команде внемля,
выворачиваются наизнанку
серебристые тополя.

И дрожат перед клубом пыли,
что предпослан себе грозой,
и на каждом древесном шпиле
преломляется луч косою.

Производят ребристые громы
чёрно-жёлтые жернова.
Тучи движутся, как паромы,
все нахмурены, как братва.

Шлют растерянные проклятья,
коромысло швырнув на ведро,
опрavляя вздутые платья,
целых пять Мэрилин Монро.

Корнелис де БРЮЙН (1652–1727)

370 лет назад родился нидерландский художник, путешественник, писатель Корнелис де Брюйн, в старину – Корнилий де Бруин (1652, г. Гаага – 1727, г. Утрехт). В 1701 году отправился в путешествие по России; познакомился с русским царём Петром I. В конце апреля 1703-го продолжил поездку на судне вниз по Москва-реке, Оке и Волге, от Нижнего Новгорода до Астрахани; 11 мая посетил Симбирск. В пути делал зарисовки городов, древних развалин, надписей, людей, животных, растений. Побывал в Персии, на Цейлоне и Яве, затем тем же путём вернулся через Россию в Голландию. Издал книгу «Путешествие через Московию в Персию и Индию» (1711), где описал Симбирск и Сенгилей.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ МОСКОВИЮ В ПЕРСИЮ И ИНДИЮ (отрывок из записок)

В 3 часа пополудни подул северо-восточный ветер, и мы подняли парус, а в 5 часов проплыли мимо одного длинного острова на левой стороне, называемого Старицей, в сорока верстах за Тетюшем, а вечером доплыли до многих других островов, покрытых деревьями. Тут опять настала тишь, почему снова должны были грести по реке, которая в этом месте шириной более мили, а на правом её берегу воздымались высокие горы. Так как ветер в это время поднялся чрезвычайно сильный и противный нам, то часть ночи мы простояли на якоре.

11-го числа утром я вышел на берег с моими армянами и несколькими русскими для покупки продовольствия близ города Симбирска, лежащего на правом берегу, на горе, в трёх верстах от реки. Рассказывают, что некогда это был очень древний город, разрушенный великим Тамерланом. Но следов этого не оказалось никаких, по которым мог бы я точнее узнать о городе, а время не позволяло мне пройти в самый город. Некоторые думают, что тут же есть несколько и других городов и местностей более высоких, развалины которых и теперь будто бы находятся налицо, но всё это весьма сомнительно. Меня уверяли, впрочем, что близ Царицына находятся ещё следы древнего замка и стен его. Наконец, утверждают, что есть ещё много чрезвычайно древних и весьма значительных городов между Казанью и Астраханью, и в числе их город Ахтуба на реке Уфе, о которых, впрочем, я ничего не мог узнать верно. Правда, что река Уфа известна; известно также, что она находится между Саратовом и Царицыном, по ту сторону Волги, впадает в эту последнюю и что протекает прежде разные земли до самой Сибири. Знают также, что город Ахтуба лежал на этой реке, но теперь от него не осталось ни малейших следов, все каменные материалы из него вывезены для постройки Астрахани и других мест.

Вышед на берег, я нашёл предместье, или слободу, Симбирска, довольно обширное, разбросанное частью вдоль реки, частью же на горе, на которую нужно было взойти, чтобы добраться до торгового. Здесь я увидел пожар; огонь охватил уже несколько домов, находившихся на горе: пять-шесть домов были объяты пламенем, а через полчаса пламя охватило уже более двадцати домов, которых нельзя

было загасить и отстоять по причине сильнейшего ветра, препятствовавшего разобрать вовремя соседние дома, чем бы можно было ещё приостановить распространение огня.

Что касается до продовольствия, то тут мы нашли его таким же дешёвым, как и в Нижнем. Я весьма желал пройти в самый город, но не мог этого сделать, потому что барка наша спешила идти далее. Я увидел, впрочем, что город довольно велик и окружён деревянной стеной, что в нём восемь каменных церквей, три или четыре монастыря и более десяти тысяч домов, в которых обитают только русские; татары живут лишь в ближних слободах. Около двух часов мы возвратились на свою барку на вёсельной лодке, что было не без опасности, потому что река в некоторых местах круто и быстро поворачивала и была очень глубока, отчего здесь бывает такое сильное движение волн, которое лёгкая лодка едва может выдерживать и одолевать. Город этот отстоит от Казани на сто восемьдесят вёрст. Затем мы видели множество островов на реке, поросших деревьями, на вид довольно красивыми, и по берегам – горы, видневшиеся из-за сих дерев.

Тридцать вёрст далее от последнего города мы проехали мимо селения Сенгилея, которое довольно большое и расположено вдоль реки. Также мимо некоторых других, заселённых русскими, со стадами овец, пасущихся тут на пажитах, но на левом берегу не было заметно вовсе деревьев.

Около семи часов показалось на правой руке село Бектяшка, а час спустя – другое, по имени Новодевичье село, довольно обширное, густо застроенное, раскинутое как бы между двух гор: одной частью на горе, а другой – вдоль реки, – с несколькими церквями и высокою колокольней. Мы проехали мимо гор, которые зеленели и представляли красивый вид.

Ночью мы встретили барку на вёслах с русскими, которые спросили нас, откуда и куда мы плывём и что за барка наша. Мы отвечали, что мы – его величества и что мы советуем им держаться подалее от нас, чтоб их не принудили силой к тому, как врагов, после чего эти люди оставили нас, конечно, из опасения...

Ту Ли ЧЭНЬ (1667–1740)

355 лет назад родился путешественник, автор путевых записок Ту Ли Чэнь (Тулишэнь). Маньчжурский чиновник и дипломат империи Цин (Китай). Был назначен послом к калмыцкому хану Аюке в его кочевье близ Астрахани. В 1712–1715 гг. совершил путешествие из Сибири к устью Волги через города Селенгинск, Иркутск, Тобольск, Казань. Побывал в Симбирске 3–9 ноября 1713 года, зимовал в Саратове. Вёл путевые «Записки о чужих землях»; опубликовал их в маньчжурском путеводителе (1723). На русском языке записки были изданы в Петербурге под названием «Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге» (1764).

ПУТЕШЕСТВИЕ К КАЛМЫЦКОМУ АЮКЕ-ХАНУ

(отрывок из сочинения)

ГОРОД КАЗАНЬ. Стоит от Хлынова на западополудне, в расстоянии более 500 ли, река Волга величиною против Оби, течёт от западосевера к востокополудню, от Казани в расстоянии 5 ли; река Кама пришед от востокосевера, пала в Волгу от Казани на востокополуденной стороне, в расстоянии 600 ли. От Хлынова до Казани помалу спускались к низу, по дороге пологие горы, леса и рощи, растёт ель, сосна, осина, берёза, клён, дуб, верба, ива, липа, орешник, деревень близко 20, живут смешенно. Русские, татары, черемисы имеют пашни, близ самой Казани места ровные, по сторонам рощи и пашни, округ жилия обнесено деревянным забором, а во всём заборе 8 ворот; вокруг забора поболее 8 ли, пред забором есть несколько предместий, а пред предместиями округ всего города надолбы.

В городе рынок. Церквей каменных – 5, деревянных – 3. Домов более 5000, составленных из целых брёвен наподобие чердаков. Живут русские, татары, черемисы, торгоуты. Казанский губернатор Фёдор Самойлович. Малых начальников человек с десять. Войска 2000 человек. Люди таким обычаем живут, как в Тобольске. Воду употребляют колодезную. Есть ханду (пшено сорочинское), жёлтое просо, ячмень, пшеница, гречиха, горох, яблоки разных родов, орехи кедровые, лесковые и грецкие; ягоды роза, черёмуха, черника, вишни, рябина, калина, себорник; мёд; из рыб севрюга, сёмга, сомы, сазаны, караси, лини, сизи и стерляди.

Черемисы похожи совсем на татар, головы бритые, говорят своим языком. Прежде жили около Казани и Астрахани особыми княжествами, а после (с того времени, как русские их завоевали) поселены около одной Казани, и тому, как стали быть подданными российскими, много лет.

По русским государственным законам, бунтовщиков, изменников и поднявших руки на вышние власти казнят смертию, переломив руки и ноги; кто с баталии убежит, также разбойнику и душегубцу смертная казнь; кто кого в драке до смерти убьёт, тому взаимная смерть; кто кого ножом или другим оружием если умертвит, то смертная казнь, а если

только поранит, руку отрубает; за похищение казённого интереса посылают в ссылку, отрезав нос или уши, и жестоко бив и жаря на огне; за делание воровских денег заливают горло растопленною медью; за партикулярную продажу вина и табаку посылают в ссылку, жестоко бив и оконфисковав пожитки; если жена, сжившись блудно с чужим мужем, умертвит своего мужа, за то её на смерть вкапывают в землю по голову, а прелюбодея её вешают за шею на дереве; за обыкновенное прелюбодеяние женщину, жестоко наказав, отдают законному её мужу (а не разводят); с мужчины прелюбодея берут в казну штраф деньгами. Если малой с девкою в блудном деле окажутся, жестоко наказав, венчают.

В Казани, в ожидании подвод и провизии, пробыли мы восемь суток; вон выехали 30-го числа и чрез три дни приехали в Симбирск.

ГОРОД СИНБИРСК. Стоит от Казани на самом полудне, в расстоянии более 300 ли; река Волга проходит мимо города по полуденной стороне от востокосевера на западополдень; по дороге ровная степь, есть деревни и пашни, живут смешенно русские и черемисы; город деревянный поменьше Казани, имеет 8 ворот, пред городом вокруг надолбы, в городе домов более 1000, живут одни русские. Есть рынок. Церквей – 4. Градоначальник – 1. Войска 500 человек.

В Симбирске, в ожидании подвод и провизии, пробыли пять суток, то есть из города выехали в 9-е число. В дороге проехали место, называемое Сайран, а к вечеру 12-го числа был ужасной ветер, таковой, что нельзя было ехать, и мы принуждены остановиться на берегу у Волги. В 10-е число приехали в российский пограничный город Саратов.

ГОРОД САРАТОВ. Стоит от Симбирска на западополудне, в расстоянии с лишком 500 ли. Здесь двух владений – Российского и торгоутского – пограничное место. Река Волга пришла к Саратову от востокосевера и мимо пошла на полдень, вода мутная, течение тихое. Торгоуты называют реку сию Эдзилем...

Павел СУМАРОКОВ (1767–1846)

255 лет со дня рождения драматурга, прозаика Павла Ивановича Сумарокова (1767 или 1760, г. Москва – 18.09.1846, г. С.-Петербург). Племянник поэта и драматурга А.П. Сумарокова. В 1821 году был назначен сенатором. Автор сочинений: «Эпитафия самому себе» (1802), «Досуги крымского судьи» (1805), «Зелёный корсет» (1805), «Модник» (1806), «Орлы и скворцы» (1806), «Марфа Посадница, или Покорение Новаграда» (1807), «Черты Екатерины Великой» (1819), «Прогулка за границу» (1821), «Федора, или Бель с примесью» (1830) и др. В 1838 году посетил Карсун, Симбирск и село Елианка на Свяге. Написал об этом в книге «Прогулка по губерниям с историческими и статистическими замечаниями» (1839).

ПРОГУЛКА ПО ГУБЕРНИЯМ

(отрывок из книги)

Карсун, хотя в нём каменного строения только одна церковь и два-три дома с лавками по обе стороны, – хороший городок. В нём правильная площадь, прямые улицы и две речки – Барыш и Карсунка – заслоняют недостатки. В Карсуне ежегодно бывает славная конская ярмарка, прибыльная для обывателей; съезжаются из разных мест и покупают лошадей барышники, для казны, и охотники, другие для себя.

Здесь уже поговаривают о Волге, мы приближаемся к ней и обгоняем толпы людей. Идут на ту сторону знаменитой реки: мужчины – косить траву, наниматься на барки, женщины – для жнитва. Усталые лежат под развесистыми деревьями, другие, прихрамывая, продолжают путь.

Рожь созрела, просится в закрома, на нивах слышны песни, и копы желтеют в прямых колоннах. Бедные жаворонки, перепёлки вспархивают стадами и покидают гнёзда, птенцов своих. Предметы стали изменяться, степная равнина уступила место возвышениям, в правой стороне чернелись высокие горы, открылись частые селения и засветилась вдали знаменитая Волга. Одно это название веселит чувства и ручается за довольство, за жизнь приятную. Волга то приближалась к нам, то удалялась, мы любовались её величием.

Вот другая большая река – Свяга, и вот Симбирск. Мы поднялись на крутую гору, расположились в хорошем трактире, и губернатор пригласил меня к себе обедать. Я нашёл там много гостей, и надлежало чиниться, знакомиться, меняться пустыми приветствиями. Сели за стол, и стерлядь в ухе, другая разварная в аршин, прельщали вкус петербургского жителя. У нас то означало бы богатый банкет или свадебный, торжественный случай, напротив, здесь те кушанья обыкновенны, не дорогой цены.

Путешествие не причиняло мне усталости, и любопытство влекло познакомиться с городом. Симбирск под 54°19' северной широты, стоит при двух больших реках. Волга не видна, она катит свои струи у конца города, Свяга же имеет странное течение, протягивается почти рядом, параллельно с тою, только в противную сторону, приблизясь к ней, тотчас удаляется, и не прежде как у города Свяж-

ска соединяется с нею. Струи обеих долго не смешиваются, сохраняют свой цвет.

Удивительно, что при двух таких реках жители затрудняются в получении воды. Берега Волги круты, неприступны, до Свяги далеко, и также на гору подниматься надлежит. В Симбирске два монастыря – мужской и женский, 16 церквей, домов каменных 89, деревянных 1355, и жителей 17739.

Новый собор походит на Казанский в Петербурге, но купол не в меру, давит собою здание. Улицы правильные, и главнейшие из них – Московская, Саратовская, Покровская – шире Невского проспекта, что несоответственно целому, потому ещё более, что они не вымощены и грязны. Гостиный двор, в двух полукружиях, с колоннами, делает немалую красу. Площадь у губернаторского дома обширна, и предположено воздвигнуть на ней памятник историографу Карамзину, здешнему уроженцу. Садов по скатам много, но плоды не всегда созревают, гибнут от морозов.

Пред окнами моими толпятся татары, расхаживают в длинных рубашках, в белых шляпах. Но какой странный неизвестный экипаж остановился у нашего трактира! Сидит с полдюжины барынь, везёт одна лошадь, а минут через пять показали и у извозчиков такие же повозки. Это тарантас, род линеек, лучше сказать длинные, простые роспуски, которые здесь и в деревнях в большом употреблении, заменяют коляски и брички. Тарантасы имеют великие удобства, спокойны, доски гнутся как ресоры, поместительны, укладисты, легки, недорого стоят, не опрокидываются, и повреждения всякий крестьянин починить может. Один порок в них: неповоротливы в тесных, излучистых местах. Говорят, что стали заказывать тарантасы в семьсот и тысячу рублей. Чего не испортит у нас роскошь!..

Мы сказали, что жители нуждаются в воде, и безобразный среди города овраг, с бедным, едва приметным ручьём, снабдил бы достаточно сею первою потребностью. Стоит только сделать тут плотину, и пропадающая теперь вода составила бы обширный, красивый пруд.

Волга вне города – шириною на версту, а весною разливается вёрст на пятнадцать, потопляет луга, пашни и походит тогда на великолепный морской залив...

Анна НАУМОВА (1787–1862)

235 лет назад родилась поэтесса Анна Александровна Наумова (около 1787, д. Наумовка, ныне с. Зюзино Рыбно-Слободского р-на РТ – ?.03.1862, там же). С 1803 года воспитывалась у родственников в Симбирске и в с. Архангельское (ныне Чердаклинского р-на Ульяновской обл.); её старшая сестра вышла замуж за симбирского губернатора с. Н. Хованского. Дружила с поэтом А.К. Маздорфом, была знакома с В.П. Ивашевым и Д.И. Завалишиным. После 1815 года переехала в Казань; жила в Наумовке. Большая часть стихов осталась неизданной. В библиотеке Казанского университета хранятся три сборника стихотворений 1816–1832 гг., а также драмы в стихах «Владимир и Мстислав...», «Этпитида, или Любовь и мщение» (1821).

УНЫЛОМУ ПОЭТУ

Полно голосом плаксивым
Милых женщин воспевать!
Если хочешь быть счастливым,
Слушай, что хочу сказать.

Рыцарем не представляйся
Ты столичным красотам;
По портретам не влюбляйся;
Воли не давай мечтам.

Не трать время по-пустому,
Рифму к рифме подбирать;
Демону стихов презлому
Не давай себя терзать.

Брось жеманное вздыханье,
Романический весь бред:
Идеальное терзанье
И уму и сердцу вред!

Слёз горячих понапрасну
На бумаге ты не лей;
Мнимую любовь несчастну,
Прелесть голубых очей,

Тонкий стан и рост высокой,
И коричневые власы
Ты красавицы жестокой
Нам в свободные часы

Опиши – читать мы станем,
Посмеёмся над тобой;
Но красотки не заставим
(С кроткой, ангельской душой)

Заплатить за рифмы страстью:
Курс давно на них упал;
И с мечтательной напастью,
И с стихами ты пропал!

Лучше дни ведя с друзьями,
Смейся с ними, весел будь
И заёмными слезами
Не кропи унылу грудь!

За совет не рассердися
Дружбы ревностной моей;
На меня ты не косися:
Пользы я хочу твоей.

1819

Михаил РЫБУШКИН (1792–1849)

230 лет со дня рождения журналиста, историка, литератора Михаила Самсоновича Рыбушкина (1792, г. Симбирск – 1.04.1849, г. Казань). Окончил Казанский университет (1812). В 1814 году напечатал в Москве трагедию в прозе «Иоанн, или Взятие Казани», на что А.С. Пушкин откликнулся эпиграммой «На Рыбушкина» (1815). В 1834-м издал труд «Краткая история города Казани»; послал книгу А.С. Пушкину и получил от него в дар экземпляр «Пугачёвского бунта» (1835). Писал стихи, басни, очерки. В 1832–1834 гг. издавал в Казани частный журнал «Заволжский муравей». Директор училищ Астраханской (1835–1843) и Пензенской (1843–1846) губ. В 1841 году напечатал в Москве «Записки об Астрахани».

ЗАПИСКИ ОБ АСТРАХАНИ (отрывок из сочинения)

Астрахань, находясь на границах России и Персии, к выгодному своему местоположению для торговли обращает на себя особенное внимание не только россиян, но и всех любознательных иностранцев; ибо она в течение 600 лет замечательна по важнейшим в нашем отечестве рыбным промыслам, по разведению виноградных лоз, по строению судов мореходных, а ещё более по разнохарактерности жителей, состоящих из россиян, армян, персиан, калмыков, бухарцев, индийцев и других азиатских поколений.

Мы сообщаем читателям нашим краткое описание этого города в историческом, географическом и статистическом отношениях и начнём с того времени, когда он, а вместе с ним и всё царство Астраханское, покорены под державу Российскую.

Из приведённых нами повествований Нестора и других писателей видно, что Астрахань, если разуметь под сим именем древнюю Тмутаракань, от времён Владимира Великого до нашествия Батыева, т. е. в продолжение 200 лет, составляла участок Государства Российского, но в XIII столетии, сделавшись

принадлежностью татар, как самый город, так и некоторая часть берегов моря Каспийского, именовалась ордою Кипчакскою или Золотою, находясь под управлением своих ханов, преемников Батыевых.

Хотя в продолжение времени страшное для России могущество Золотой Орды, с одной стороны от раздробления на части, а с другой – от непрерывных междоусобий мало-помалу клонилось к упадку; хотя царство Казанское, соседственное и по обстоятельствам своим неразлучное с судьбою Астрахани, требовало величайшей осторожности со стороны Великих Князей Московских, но торговая Астрахань, опираясь на покровительство Крыма и Персии, продолжала своё существование до времён Иоанна IV, не имея, впрочем, особенного влияния на политическое состояние тогдашней России и не причиняя собою такого опасения восточным пределам нашего отечества, какое ощущаемо было от возростающего могущества надменной Казани.

Несмотря, однако, на распространение орд татарских в странах Заволжских до моря Каспийского, и невзирая на могущество некоторых из потомков Чингисхановых, Астрахань впоследствии времени то покорялась орудиям Российскому, то изменяла клятве в верности. В таком сомнительно-опасном состоянии находился город сей до 1554 года, когда последний властитель его, ограбивший посла Государева, положил конец терпению престола Московского.

Уже прежде сего некоторые мурзы ногайские, недовольные самоуправством своих ханов, приносили России жалобы на их притеснения и требовали себе защиты. Итак, вот решительные причины, побудившие Иоанна IV, уже страшного властителя

царства Казанского, смирить непокорных ордынцев совершенным уничтожением царства Астраханского. Тридцатитысячный корпус русской армии под предводительством некогда изгнанного татарами царя их Дербыша, воеводы Шемякина-Пронского, Головина, Вяземского и Ширия Кобякова прибыл в Астрахань и почти без кровопролития покорил город сей во 2-й день июля. Владелец её Ямгурчей скрылся к Тюмени; жёны его пленены победителями, которым досталось также множество пушек и пищалей. Жители Астрахани и рассеянные по пространству обширных степей её татары покорились русскому оружию, признав над собою власть Дербыша и воевод Государевых, оставленных для водворения порядка в стране покорённой.

Слухи о завоевании царства Астраханского разнеслись быстро от берегов моря Каспийского до Константинополя, уже сто лет подвластного поклонникам Магомедовым. В 1564 году султан Селим, в намерении присоединить Астраханское царство к державе своей, отправил сюда водою и сухим путём многочисленную армию, которая, однако, была разбита русскими, а непроходимые Маджарские степи, голод, недостаток воды и стужа довершили погибель последнего войска неприятелей, которого возвратилось в Турцию весьма малое количество. Устрашённая Порта отказалась совершенно от домогательства на Астрахань, и Золотая Орда с городами и селениями по Волге от Казани до моря Каспийского сделалась всегдашнею принадлежностью России.

Присяга в верности взята была снова, и сверх того татары обязались ежегодно платить Двору Московскому по 1000 руб. и по три рыбы матёрые...

Николай МАНДРЫКИН (1842–1894)

180 лет назад родился журналист, писатель Николай Александрович Мандрыкин (1842, г. Симбирск – 16.08.1894, там же). Учился в Симбирской гимназии, Казанском университете. Служил в пароходном обществе «Самолёт», плавал по Волге. С 1869 года работал в Симбирском губернском статистическом комитете. Жил в Симбирске на Московской улице по соседству с семьёй И.Н. Ульянова. В 1874 году возглавил «Симбирские губернские ведомости»; сотрудничал с поволжскими газетами. Описывал жизнь обывателей, создавал колоритные образы из охотничьей жизни. Автор рассказов «Курослепов», «Первый выстрел», «Волчья яма», «Из дневника», «Марья Леонтьевна», «Таволтанов», «Афонька Беспалый» и др.

Михаил АНАНЬЕВ (1877–1919?)

145 лет со дня рождения литератора, журналиста Михаила Николаевича Ананьева, литературный псевдоним – Михаил Стоговский (1877, с. Стоговка Сенгилеевского у. Симбирской губ., ныне Кузоватовского р-на Ульяновской обл. – не ранее 1919, ?). Родной брат А.Н. Ананьевой, ставшей в 1903 году женой писателя С.Г. Петрова-Скитальца, не раз останавливавшегося в доме Ананьевых в с. Золотиловка (Стоговка). Жил в Симбирске; с 1907 года был редактором газеты «Вести с Волги». Издал сборник «Басни, сказки, пародии, стихотворения» (1907), тираж которой был конфискован полицией. После революции оказался в г. Ново-Николаевске (ныне Новосибирск), работал в местной газете «Русская речь».

Фёдор КУТАНОВ (1902–1959?)

120 лет назад родился поэт, писатель, журналист Фёдор Петрович Кутанов, литературный псевдоним – Фёдор Подвальский (1902, с. Новодевичье, ныне Шигонского р-на Самарской обл. – не ранее 1959, г. Кузнецк Пензенской обл.). Первые стихи опубликовал в 1919 году в сызранском журнале «Отклик» (редактор К.А. Федин). Участник созданной в Ульяновске литературной группы «Стрежень» (1924–1928). До 1929 года опубликовал в журналах, сборниках, газетах более 100 стихотворений и поэм. Встречался с А.С. Неверовым, А.А. Караваевой, В.В. Маяковским, В.Я. Брюсовым, С.А. Есениным и др. Трудился в Серпухове, Ульяновске, Саратове, Кузнецке, Пензе. Был собкором газеты «Правда» в Поволжье.

ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

МАРТ 2022

Юрий ПАНЮШКИН (1952–2017)

2 марта – 70 лет назад родился поэт, автор-исполнитель Юрий Михайлович Панюшкин (02.03.1952, г. Куйбышев, ныне Самара – 31.07.2017, г. Тольятти). С 1988 года более 15 лет трудился в Тольяттинском театре кукол. Член союза театральных деятелей РФ (1995). Член Союза российских писателей (1999). Был почётным гостем и членом жюри фестивалей авторской песни в Норильске, Челябинске, Ульяновске, Казани, Ноябрьске, Нижневартовске. Автор пьесы в стихах «Царь Кондрат, или Кто виноват?» (2004); сборников стихов и прозы «Где моя качнулась лодка» (1995), «Пиво, секс и авторская песня» (1996), «На берегу моём» (2000), «В начале повторения пути...» (2011), «Добрая сказка нашего детства» (2013) и другие.

ЗЕРКАЛА

Будь благодарен зеркалам –
За необдуманную лживость
И за дарованную милость
Быть здесь и сразу где-то там...

В лучах последнего огня
Дано увидеть на мгновенье,
Куда уходит отраженье
Тобою прожитого дня.

Там, за мерцающим стеклом –
Другая жизнь и звук приглушен,
И двойники, как наши души,
Нас смотрят под своим углом...

И гнули осоку большие стрекозы,
И всё было явью, и всё было сном:
Шатёр кочевой и счастливые слёзы,
Разлука до встречи и встреча потом.

Всё той же походкой по летнему полдню,
По лугу, по небу на берег земной,
А губы и сердце: «Я помню, я помню –
Стоял здесь когда-то шатёр кочевой».

Не надо по небу, не надо по лугу,
По летнему полдню на берег земной
Другая пригрезилась милому другу,
Далёко отсюда шатёр кочевой.

Подруга, он песню твою не услышит,
Осока взошла по дороге домой,
Лишь ветер её мимоходом кольшет.
Счастливые слёзы. Шатёр кочевой.

ЖИГУЛЁВСКАЯ КРУГОСВЕТКА

Пожелай мне всего на прощание:
Завтра утром, как солнцу взойти,
Мы уйдём в кругосветное плаванье,
Где три дня – половина пути.

Этой ночью у ночи – бессонница,
А гитара опять о своём.
Жаль, не всё, что увидим, запомнится,
Да не всё, что услышим, споём.

Скоро ял на волне закачается,
Он спешит, и ему невдомёк,
Что назад с тихой грустью оглянется
Где-то около Переволок.

И вздохнёт капитан на мгновение
В непонятной кому-то тоске –
Он бы рад повернуть, да течение
Слишком быстрое в Волге-реке...

Но пока есть у нас утро раннее
И вдогонку друзей голоса.
До свиданья, счастливого плаванья
И попутных ветров в паруса!

Софья ЧИЧЕРИНА (1867–1918)

3 марта – 155 лет со дня рождения педагога, публициста, этнографа Софьи Васильевны Чичериной, в замужестве – Бобровниковой (03.03.1867, г. Париж – 26.02.1918, г. Казань). Сестра наркома иностранных дел СССР г. В. Чичерина. В 1899 году помогала голодающим Самарской губ. Оказывала помощь Симбирской чувашской учительской школе, в которой не раз бывала. Летом 1904-го в сопровождении И.Я. Яковлева посетила чувашские поселения Буинского и Симбирского у. Симбирской губ. Издала книгу «У приволжских инородцев. Путевые заметки» (1905). Автор сочинений «Как началось дело просвещения восточных инородцев» (1907), «О языке преподавания в школах для восточных инородцев» (1910) и др.

У ПРИВОЛЖСКИХ ИНОРОДЦЕВ (отрывок из путевых заметок)

По приезде в Симбирск я прямо направилась в чувашскую учительскую школу к И.Я. Яковлеву. Учения в школе ещё не было, и из преподавателей я застала там лишь одного законоучителя чувашина.

Обозревая здания школы, я была поражена их многочисленностью. Кроме прекрасно устроенной церкви, школа имеет 4 или 5 поместительных домов и большое усадебное место.

Особое внимание посетителя здесь привлекает обширное помещение мастерских, в которых, между прочим, сделан весьма красивый иконостас для школьной церкви. Всё это приобретено для школы И.Я. Яковлевым путём искусного ведения хозяйства школы, многолетнего личного труда и затраты личных средств.

Число учащихся, по сообщению И.Я. Яковлева, в мужской школе достигает 170, в женской – 100 человек. Симбирская школа разделена на 3 класса, из которых каждый имеет двухгодичный курс, поэтому приём и выпуск бывают в 2 года один раз. Симбирская школа дала большое количество учителей и учительниц. Многие из учителей впоследствии были рукоположены во священники. За 30 лет вышло из этой школы свыше 450 учителей, священников, диаконов и псаломщиков.

Я намеревалась из Симбирска проехать в некоторые чувашские местности; И.Я. Яковлев любезно предложил проводить меня и лично показать мне некоторые чувашские сельские школы. 7 августа, в 8 часов утра, мы выехали из Симбирска в село Кошки-Новотимбаево Буинского уезда, родину Ивана Яковлевича. Так как нам предстояло проехать около 70 вёрст, мы дорогой останавливались несколько раз, чтобы переменить лошадей и осмотреть школы тех селений, которые попадались нам по дороге.

Первое училище, которое мы видели, было министерское, в деревне Елшанка Симбирского уезда. Это огромное селение состоит приблизительно из 800 дворов и очевидно составилось из различных отдельных обществ, которые постепенно слились в одно огромное селение. В одном конце живут крещёные чуваша, затем тянется около 400 дворов татар-магометан и чуваш, отпавших в 60-х годах и со-

вершенно отатарившихся. Подобно мусульманам, они бриты и ходят в тюбетейках, так что отличить их от татар нет возможности.

Две мечети возвышаются в центре селения. Мы минуем их, проезжаем несколько улиц и снова видим около домов чуваш без тюбетеек. Оказывается, что оба края деревни заселены христианами. В этом конце находится одноклассное министерское училище; оно помещается в небольшом деревянном здании, и рядом с ним, в школьной усадьбе, положен фундамент для нового, более обширного дома. Эта постройка была начата И.Я. Яковлевым в бытность его инспектором, с целью обратить эту школу в двухклассную церковь-школу, так как церковь в пяти верстах и народу трудно туда ходить. Но увольнение И.Я. Яковлева остановило дело, и теперь некому им заняться. Я побеседовала с учителем и спросила его о положении школьного дела. Учитель окончил курс в Симбирской школе, получает в год 360 рублей (это нормальное жалованье для учителей из Симбирской школы), преподавание ведёт по системе Ильминского. Курс в школе четырёхлетний, приём учеников производится в два года один раз. Учеников – 65.

Разговорные уроки русского языка начинаются после Рождества первого учебного года. Учитель вёл одно отделение, благодаря чему, хотя он преподавание русского языка начинал поздно, но достигал, по его словам, очень хороших результатов. Теперь, следуя новому направлению Казанского учебного округа, введённому попечителем С.Ф. Спешковым, учитель стал раньше бросать чувашский язык и переходить к русскому.

Я просила учителя собрать мне несколько учеников, живущих недалеко от школы. Вскоре явились 5 учеников 1-го отделения, проучившихся один год, других за недостатком времени не успели позвать. Эти 5 мальчиков читали по-чувашски не бегло, потому что ещё не прошли всего букваря. По-русски они читают и понимают маленькие статейки. Запас русских слов у них порядочный, но разговорного русского языка они ещё не понимают...

Аркадий КОШКО (1867–1928)

4 марта 155 лет назад родился писатель-мемуарист, сыщик Аркадий Францевич Кошко (04.03.1867, имение Брожка, ныне Бобруйского р-на Беларуси – 24.12.1928, г. Париж). Окончил Казанское пехотное училище (1887). В 1887–1888 гг. служил в 5-м Калужском полку, который был расквартирован в Симбирске; писал, что эти годы службы «протекали спокойно и беззаботно, однако монотонно». В 1888-м уволился в запас; первая жена с сыном осталась жить у тётки в Симбирске. С 1894 года работал в сысской полиции в Риге, Петербурге и Москве. Автор криминальных рассказов «Очерки уголовного мира царской России» (в трех книгах; изданы в 1926 и 1929 гг. в Париже). По его рассказам в России сняты кинофильмы.

ВАСЬКА СМЫСЛОВ (отрывок из рассказа)

Ваську Смыслова Московская сысская полиция знала прекрасно.

Он уже несколько раз нами арестовывался за мелкие кражи; но, отбыв тюремное наказание, снова принимался за своё «ремесло».

Как-то дня через два после довольно значительной кражи в одной из квартир на Поварском, кражи, ещё не раскрытой, вдруг раздаётся звонок по моему служебному телефону. Я подхожу:

– Алло! Кто говорит?

– Это вы, господин начальник?

– Я.

– Желаю вам здоровьица, с вами Васька Смыслов говорит.

– Здравствуй, Васька, что скажешь?

– А ваши-то дураки третьева дня опять меня прозевали!

– Ну-у?! Врёшь!..

– Ей-Богу! Ведь на Поварском-то моя работа!

– Ну, что же? Везёт тебе, Васька, но только смотри, не попадись!

– Ну уж нет, господин начальник, теперь мы наловчившись, не поймают, шалишь!

– Ох, Васька, смотри не бахвалься!

– Будьте без сумления, не попадусь!

И Васька повесил трубку.

Смыслов был жизнерадостным малым с хитринкой и, как ни странно, с большим добродушием. Он, видимо, не лишён был и юмора и, чувствуя весь комизм моего положения, принялся с этого дня звонить мне всякий раз после удачно совершённой кражи. Стянув благополучно в одном из ювелирных магазинов на Кузнецком мосту несколько часов, при помощи выдвинутого стекла в витрине, Васька звонил:

– А это опять я, господин начальник! Что, чисто сработано на Кузнецком?

– Да что и говорить, молодец! Комар носа не подточит!..

– То-то и оно, а вы говорите – поймаете, да ни в жисть!

– Поживём, Васька, увидим!

– Да и смотреть нечего! Сказал, не поймаете.

Сделав паузу, Васька продолжал:

– А вот что я вам скажу, господин Кошкин, подготавливаю я здесь дельце покрупнее, как сработаю, беспременно вам позвоню.

– Ох, Васька, лучше не звони, дразнишь ты меня!..

Васька хихикнул в трубку от удовольствия:

– Ничего, господин начальник, уж вы потерпите, это вам пользительно!..

И Васька дал отбой.

Создавшееся глупое положение начинало меня изводить. Я был уверен, что Васька сдержит обещание, и решил принять меры.

Мною было отдано следующее распоряжение: лишь только я трема долгими звонками позвоню из своего кабинета в дежурную комнату, дежурный чиновник немедленно должен броситься к одному из свободных телефонов и тотчас же справиться на центральной станции о номере, разговаривающем в данный момент с начальником сысской полиции. В это же время на другого чиновника возлагалась задача раскрыть имеющийся при полиции порядковый регистратор телефонных номеров с указаниями против каждого номера адреса абонента. Третий же чиновник с двумя агентами должен будет в это время одеваться и, получив адрес от первых двух, немедленно мчаться на дежурном автомобиле к указанному месту.

Двое суток мы ждали Васькиного звонка. Наконец, на третий день меня кто-то вызвал по телефону, и, подойдя к аппарату, я услышал Васькин голос. Держа трубку в правой руке, левой я нажал электрическую кнопку на письменном столе и дал три долгих звонка.

Теперь вся задача сводилась к тому, чтобы в течение известного времени занять Ваську достаточно интересным для него разговором, не возбуждая при этом его подозрения!..

Эразм СТОГОВ (1797–1880)

7 марта – 225 лет со дня рождения историка, бытописателя, мемуариста Эразма Ивановича Стогова (07.03.1797, д. Золотилово, ныне Можайского р-на Московской обл. – 29.09.1880, имение в с. Снитовка, ныне Летичевского р-на Хмельницкой обл. Украины). Дед поэтессы А.А. Ахматовой. В 1834–1838 гг. жандармский штаб-офицер в Симбирске; подполковник (1835). Женился на дворянке А.Е. Мотовиловой (1817–1863) из с. Русская Цильна. Основал в Сенгилеевском у. селение Золотиловка (ныне с. Стоговка Кузоватовского р-на Ульяновской обл.). Автор очерков «Жизнь и служба в Симбирске в 1834–1839 гг.», «Император Николай I в Симбирске» (1878), автобиографических воспоминаний «Записки Э.И. Стогова» и др.

ЗАПИСКИ ЖАНДАРМСКОГО ШТАБ-ОФИЦЕРА

(отрывок из воспоминаний)

Чрез 10 лет я был в Симбирске, имел дело совершить три купчие в гражданской палате. Совершили в один день, и в какой – в субботу! Представьте моё положение, я скажу хотя невероятную правду, есть свидетели, но мне никто не поверит: 1848 года в 30-й день ноября, в день Андрея Первозванного, я вынул 500 рублей, чтобы благодарить секретаря и надсмотрщика крепостных дел. Эти господа руки назад и сказали: «Извините, ваши деньги прожгут наши карманы и принесут несчастье нашим детям; вы были нашим отцом, за вами жили как у Христа за пазухой; извините, полковник, не обижайте нас, мы ваших денег взять не можем!».

Представьте – и не взяли!!! Такой исключительный случай в те старые годы невероятен, но был; признаться, я считал себе высокою наградой за службу в Симбирске и не верил, что я там не лишний. (Бескорыстным господам дал по дружескому поцелую.)

Припоминая прошедшее, действительно не припомню, чтобы и кому-нибудь из этой мелкой сошки сделал бы существенный вред, а что бывало в кабинете, того никто не знал. Оказалось, лекарство было полезное.

Припомнился случай: вдруг я стал получать много прошений от крестьян и что далее, то более; прошения были пустые, многие без смысла, подписывались две фамилии – со слов просителя такой-то. В один базарный день получил до 70 прошений. «Прочти, батюшка, а там, как твоя милость рассудит». Приказал отыскать литераторов. Пришли два молодца – годные во фланг в любой полк гвардии.

– Господа, это всё вы пишете?

– Мы, это наша рука.

– Вы пишете совершенную бессмыслицу.

– Со слов просителя.

– Какого вы звания?

– Мы уволены из казённой палаты.

– Я бы просил вас поменьше писать.

– Это наше пропитание, мы другому мастерству не обучены.

– Что вы берёте за прошение?

– 50 копеек и более, как случится.

– Господа, я нахожу ваше мастерство вредным и советую заняться другим промыслом.

– Мы неспособны, нас другому не учили.

– Советую: перестаньте так много писать!

– Не умирать же нам голодом, закон не запрещает писать прошения.

– Так вам неудобно послушать моего совета?

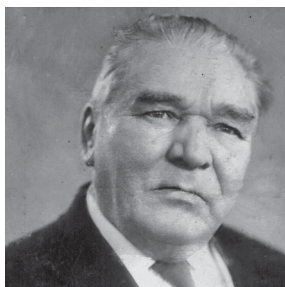
– Мы не делаем противозаконного.

– Прощайте, господа.

До 70 прошений одного дня послал к шефу и подробно указал на большой нравственный вред простому народу, напрасная трата денег и затруднение для службы, и добавил, что губернатор столько же получает прошений. Последовало распоряжение: от литераторов-фабрикантов взять подписку не писать прошений, не иметь пера и чернил, полиции строго надблести. Прекратилось фабричное производство прошений.

С губернатором Загряжским мы были не только в приличных, но даже приятельских отношениях.

Забыл рассказать: был у помещика Анненкова бал, граф Протасов был на бале, соскучился и просил меня отправить его домой. Усадив в первые сани графа, сам вернулся назад. Обыкновенно на всяком собрании подходит губернатор Загряжский с ласковым вопросом ко мне: «Можно поиграть?» Я великодушно разрешил. Для игры на всех балах была отдельная комната; началась не помню какая азартная игра, играли человек 7, я упражнялся по хореографическому искусству, а тут стоял при игроках и смеялся над капитаном Островским, который струсил и проиграл. Чуть я не вскрикнул, кто-то сзади очень сильно ущипнул мою руку; гляжу, сам граф Протасов! Лошади зашалили, сломали дышло, и граф вернулся, ему указали, где я, и граф застал меня на месте преступления! Отведши меня в угол другой комнаты, он серьёзно спросил меня: «В какую игру играют?». Я самым невинным образом отвечал: «В бостон!» – «Как в бостон? Да ты же играешь в карты?» – «Я понятия не имею!» – «Так почему же ты знаешь, что они играют в бостон?» – «Я спросил губернатора, и он положительно уверил меня, что они играют в бостон, а это игра не запрещённая» – «Ну, а если бы они играли в азартную?» – «Они не посмеют играть при мне, я бы и не позволил!». – Граф, говоря со мной, зорко глядел в мои глаза, но, верно, прочитал, что я говорю истинную правду. Подали другие сани, и я проводил графа. Хорошо, что игроки не прекратили игру при приходе графа – наделали бы мне хлопот...

Влас ИВАНОВ-ПАЙМЕН (1907–1973)

7 марта 115 лет назад родился чувашский писатель и переводчик Влас Захарович Иванов-Паймен (07.03.1907, ныне Грачёвского р-на Оренбургской обл. – 17.12.1973, г. Куйбышев, ныне Самара). До 1930 года работал учителем в школе с. Карлинское Средневолжской обл. (ныне Майнского р-на Ульяновской обл.); преподавал в Самаре. Окончил Самарский пединститут (1933). Член Союза писателей СССР (1934). Был редактором чувашской газеты «Колхозник», редактором журнала «Волжская новь», зам. главного редактора альманаха «Волга». Автор книг «Средняя Волга» (1931), «Волжские песни» (1938), «Три встречи» (1961), «Клеёчатая сумка» (1964), «Мост» (1966), «Памятник отцам» (1969), «Ровесники» (1977) и др.

МОСТ (отрывок из романа)

Вечерело. Мужики с улицы Малдыгас, проводив ребят в ночное, сидели на завалинках и тихо переговаривались. Вдруг за верхним мостом через Каменку залаяли собаки. Прогромыхала телега по брёвнам мостика. Вихревая тучка пролетела вдоль улицы. Невозможно было разглядеть, кто лежал поперёк телеги. Лошадь всё же признали.

– Ну, теперь начнётся ахыр-заман. Опять Пузара-Магар загулял в будни, – сказал кто-то.

– Нет никакой управы на двух Магаров, – лениво поддержал другой мужик. – Этот, бедняк, лютует лишь во хмелю. А тот, богач, и тверёзый как зверь лютый.

Настоящее светопреставление началось в той части деревни, где жили богачи – на улице Шалдыгас. Оттуда донёсся дикий рёв. Мальчишки сбегались на шум. Вскоре и мужики со всех улиц Чулзирмы устремились к Шалдыгасу.

Голосили бабы, старики, истово крестясь, бормотали:

– О господи! Вот и дождались. Михаил-архангел заиграл в ерихонскую трубу.

– Правду говорили отцы: «С Шалдыгаса началась наша деревня, отсюда и придёт ей конец». Кто грешит больше шалдыгасских богачей?!

Предки чулзирминских чувашей уже здесь, на этой земле, приняли «русскую веру». Но в трудные минуты всё ещё поминали Пюлеха. А трёхликого русского бога боялись, слышали и про архангела Михаила, опасались его ерихонской трубы.

Вот он и настал, судный час. Сияющая адскими красками разинутая пасть дракона с тележное колесо высывалась из окна саманной избы Таймана Захара и извергала звуки, отдалённо похожие на человеческий голос. Сверкающая серебряной чешуёй шея уходила в глубь избы. Никого не удивило, что посланец грозного русского бога объявился в избе Захара, которого чулзирминцы звали Сахгаром Святым.

Толпа у колодца быстро росла и несмело подвигалась в сторону голосающей пасти. Охвативший людей ужас постепенно стал проходить: пасть смахивала на трубу. Сизо-зелёные, жёлто-алые краски

под лучами заходящего солнца казались языками адского пламени. Но странно: голос архангела звучал мирно и даже весело, хотя и оглушительно. Ничего страшного не происходило. Мальчишки вплотную придвинулись к избе. Смелчаки даже пытались заглянуть внутрь. Оттуда, когда труба на минуту смолкала, доносилась человеческая речь.

– Это не архангел Михаил, призывающий на суд божий, это бес, соблазняющий на грехи... Сахгар Святой продал душу шуйтану, – возмущился один аксакал, когда труба вдруг весело запела:

– Ехал из ярмарки ухарь-купец...

Малые и старые, разинув рты, заглядывали в бездетную пасть волшебной трубы, играющей плясовую...

...Винючник переполоха, хозяин четырёхстенника, зажатога домами богачей, Тайман Захар задумал бросить красавицу Чулзирму. Он продал в городе лошаде́нку и почему-то купил граммофон, вещь совершенно бесполезную в хозяйстве. Такой диковинной штуки не было у богачей даже волостного села Кузьминовки...

Вся деревня сбежалась на проводы Захара, задумавшего податься в чужие края, на восток, за башкирские аулы и немецкие колонии – в Базарную Ивановку.

Весёлый рыжебородый хозяин сидел в избе у лакированного ящика с трубой. Как только труба умолкала, хозяин переворачивал чёрный блин и крутил светлую ручку ящика. Труба снова верещала на всю деревню.

Захар привёз с собой из города гостя, пожелавшего ехать с ним в Базарную Ивановку. Это – сам-лейский чуваш Кояш-Тимкки, бывалый человек. В тюрьме сидел. Не за воровство-конокрадство, не за разбой-убийство, а за то, что подбивал народ на бунт. Не всякий бы приветил арестанта, но такой уж человек Тайман Захар! Делает всегда так, как хочет! Кояш-Тимкки и Захар давно знакомы.

– А ну-ка, Захар Матвеевич, заведи эту, – Кояш протягивает хозяину пластинку. – Послушаем русского певца Шаляпина. Весь мир покори́л он своим пением...

Ольга ИЛЬИНА-ЛАИЛЬ (1917–2017)

7 марта 105 лет назад родилась писательница, мемуаристка Ольга Иосифовна Ильина-Лаиль (07.03.1917, с. Самайкино, ныне Новоспасского р-на Ульяновской обл. – 20.03.2017, г. Париж). Родилась в семье симбирских дворян: внучка Д.И. Воейкова, дочь И.С. Ильина и Е.Д. Воейковой. После Октябрьской революции жила в Сызрани, Тростянке, Самаре, Екатеринбургe, Омске, Иркутске, Чите, Харбине, Пекине, Шанхае, Сайгоне, Лондоне. В 1946 году переехала в Париж. Автор романа «Восточная нить» (2003), книги мемуаров «Восток и Запад в моей судьбе» (2007). Составитель книги матери Е.Д. Воейковой-Ильиной «Нам не уйти от Родины навеки...» (2010, Москва); приезжала в Москву на презентацию этой книги.

Николай ЧИНДЯЙКИН (р. 1947)

8 марта 75-летний юбилей отмечает режиссёр, актёр, литератор Николай Дмитриевич Чиндяйкин (р. 08.03.1947, с. Чёрное Уренского р-на Горьковской, ныне Нижегородской обл.).

Окончил Ростовское театральное училище (1968). Работал в театрах Ростова-на-Дону и Омска. В 1975 году побывал в Ульяновске для изучения и более глубокого понимания образа В.И. Ленина; приезжал сюда с театром на гастроли 10 ноября 2010-го со спектаклем по роману И.А. Гончарова «Обрыв». С 2018 года ведущий программы «Скрытые угрозы» на телеканале «Звезда». Автор поэтических сборников «Хронология» (2004), «Утренние стихи» (2014); книги дневников «Не уймусь, не свихнусь, не оглохну» (2011). Народный артист РФ (2013).

ФОТОКАРТЧКА

Это – я, на пригорке зелёном,
А у ног моих преданный пёс.
По неписанным сельским законам
У меня облупившийся нос.

Долговязая эта девчонка
В кофте синей, как мартовский снег, –
Это старшая наша сестрёнка,
Уважаемый мной человек!

А за розовым этим забором,
Где наличник резной над окном,
Жёлтый рубленый домик, в котором
Мы с сестрой родились и живём.

Под окошком у нас палисадник,
Это – мама и папа в цветах.
У него балалайка в руках,
Значит, это какой-нибудь праздник.

У меня не болит голова,
И не жмёт, и не колет в груди...
Ещё бабушка наша жива,
Ещё всё у меня впереди.

ПОСОШОК

А теперь, на посошок,
Расскажу ещё стишок –
Про любовь, про жизнь и слёзы,
Про коварство нежной розы.

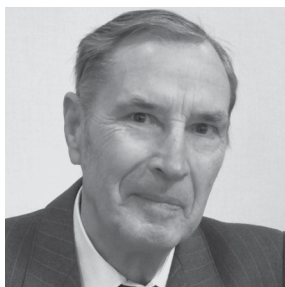
Про сердечные страдания,
Про измены, про обман,
Про угасшие желанья
И сиреневый туман.

Про печаль дырявой лодки,
Носом ткнувшейся в песок,
И про рюмку русской водки.
Ну... давай! На посошок!

Чтоб и елось, и ходилось,
И хотелось, и моглось.
То, что было, – не забылось,
То, что не было, – сбылось.

Чтобы был тот бережок,
Где б и нам причалить,
Где последний посошок
Дёрнуть без печали!

Ни через год. Ни завтра. Никогда.
Такое, может быть, не повторится.
Не будут петь тревожно провода,
Не будут стыть окаменело лица.
Не будет плакать траурная медь,
Не будет чавкать тающая слякоть...
И только мама не поверит в смерть.
И только мама не устанет плакать.

Александр ОСИПОВ (р. 1937)

10 марта 85 лет исполняется поэту Александру Степановичу Осипову (р. 10.03.1937, с. Барышская Слобода Сурского р-на Куйбышевской, ныне Ульяновской обл.). Окончил Ульяновский механический техникум (1955), Куйбышевский политехнический институт (1964). Преподавал в Димитровградском технологическом техникуме молочной промышленности (1971–2004). Стихи и рассказы публиковались в газетах и журналах. Член Союза писателей России (2007). Автор книги прозы «Спасибо, сердце» (2013); поэтических сборников «Далёкая страна» (2001), «На русских улицах» (2002), «Кто любит – поймёт» (2005), «И опять вяжу я строчки» (2012), «Во власти рифм» (2019). Живёт в Димитровграде.

ДЕТСТВО

Вопли вдов не забуду. И слёзы
Стариков, не вступавших в колхозы.
Образа и лампаду в углу.
Похоронку, как в сердце иглу.
Черепок для котла возле печки,
Мох зелёный на ветхом крыльце.
Крик плакатов: «Назад ни шагу!».
У калеки медаль – «За отвагу».
Склады-церкви с косыми крестами.
И, как выстрел короткое, – Сталин.

УЛОЧКИ ДЕТСТВА

Эти улочки детства... Они –
Неказистые, добрые, милые –
Доживают последние дни,
Зарастая репьем и крапивою.

Гаснут вдовы в русской тиши,
Терпят боль, как издревле завещано.
Где сыны их? Вокруг ни души.
Воронье только кружит зловещее...

Добывает компьютерный век
Эти улочки, в памяти «лишние».
Уже выведен клон-человек
Из пробырки. Как вызов Всевышнему.

СЕЛО БАРЫШСКАЯ СЛОБОДА

Есть всё в блаженном том краю:
Лес корабельный, чернозёмы,
Сады не хуже, чем в раю,
Сурская стерлядь, ливень озёрный.
Там две реки текут века –
Сура-река, Барыш-река.
И на слиянье этих рек
Жил пять столетий человек.
Был хлеб в почёте и вода
Опорой для души и тела,
Свой жёрнов мельничный вертела
На всю округу Слобода...
И вот стараньями вождей
Села не стало. И людей.

ПРОВИНЦИЯ

Люблю провинцию я крепче,
Из шумных центров возвратясь,
Где суеты кружатся смерчи
И выгоды клокочет грязь.

Глубинки улицы милее.
Спокойней дни и вечера.
Сюда вернувшись, спесь «бродвеев»
Я вижу ярче, чем вчера.

...И пылкий юноша, возможно,
Умчавшись «в кущи из дыры»,
Поймёт, что истинно, что ложно,
Познав столичные миры.

Мария СУШКОВА (1752–1804)

13 марта – 270 лет назад родилась писательница и переводчица Мария Васильевна Сушкова (13.03.1752, Москва? – 04.01.1804, там же?). Жена симбирского губернатора В.М. Сушкова (1799–1803). Несколько лет провела в Симбирске и Казани, жила в Москве. Владела в Симбирском уезде селом Фроловское (Нижняя Елшанка), ныне с. Елшанка Ульяновского р-на. Мать писателей М.В. Сушкова, Н.В. Сушкова и П.В. Сушкова, бабушка поэтессы Е.П. Ростопчиной. В журнале «Собеседник» напечатала стихотворения «Письмо китайца к татарскому мурзе, живущему по делам своим в Петербурге» и «Стансы на учреждение Российской Академии» (1783). Занималась переводами с английского и французского языков.

ПИСЬМО КИТАЙЦА К ТАТАРСКОМУ МУРЗЕ (отрывки)

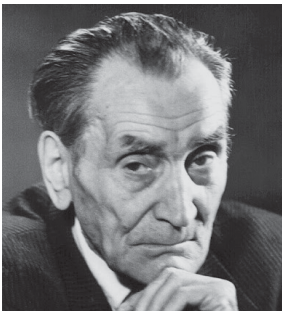
С конца земли, в другом творимое мы знаем;
В Пекине, о мурза, стихи твои читаем,
И истину любя, согласно говорим:
На троне северном Конфуция мы зрим.
Уже лет с двадцат гласит повсюду слава,

Величество души, премудрость, кротость нрава,
Благотворительны законы и дела,
Которыми себя толико вознесла,
Пример земных владык, полных стран царица,
И днесь тобой, мурза, воспетая Фелица.

Совместницей их став, предметом удивленья,
Взнеслася Франция в новейши времена,
Не силою меча, но силой просвещенья;
Во вкусе, в знаниях дает пример она.
Прославленным язык отличными писцами,
Всеобщим языком во всей Европе стал.
И Лудовиков век, воспетый, музы, вами,
Бессмертной славою в потомстве возблистал.

Се музы русския всещедрая судьбина
К подобным почестям вознестъ стремится вас!
Удобно ль вам молчать? Сама Екатерина
Покров дарует вам и оживляет глас.
О, коль прекрасное для вас отверзто поле!
Не нужно вымыслы вам к песням приобщать;
Умейте лишь воспеть премудрость на престоле
И россов век златой несложно описать.

1783

Фёдор СУХОВ (1922–1992)

14 марта – 100 лет со дня рождения поэта Фёдора Григорьевича Сухова (14.03.1922, с. Красный Осёлок, ныне Лысковского р-на Нижегородской обл. – 05.01.1992, там же). С 1946 года жил в г. Горький (ныне Нижний Новгород). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1954). Член Союза писателей СССР (1957). Дружил с поэтами Н.С. Красновым и Н.Н. Благовым, вёл с ними переписку; не раз бывал и жил в Ульяновске. Автор поэтических сборников «Родные просторы» (1954), «Половодье» (1958), «Моя Жар-птица» (1964), «Красный Осёлок» (1970), «Земляника на снегу» (1979), «Подзимь» (1985), «Мать-и-мачеха» (1989) и др. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. А.А. Фадеева (1971).

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ МОСКОВИЮ В ПЕРСИЮ И ИНДИЮ (отрывок из записок)

Вороны каркают. Вороны
Пророчат непогодь. Они
На вётлы старые, на клёны
Ненастные сзывают дни.
Скликают пасмурные тучи
К дымку пастушьего костра...
А сам пастух, он и не тужит,
Не зрит вороньего хвоста.
Картавого не слышит крика,
Всё дышит он на костерок,
На дымное склонился лихо,
На закопчённый котелок.
Он кучу обгорелых веток
К земле старается прижать,
Он угасающее лето
Никак не может раздышать.

Ромашки всё, ромашки без конца,
На удивленье сумрачному богу,
Они желток куриного яйца,
Как солнышко, выносят на дорогу.

Гуляю по Волге, плыву к Василию,
К Суре полегонечку правлю,
Раздольным пейзажем глаза веселю,
Хвалу воздаю Ярославлю!
Ивану Смирнову свой низкий поклон
Со встречной волной посылаю.
Я слышу, как яростно грохает гром,
Пугает утиную стаю.
В зелёную заводь, в зелёный камыш
Уходит утиная стая.
А молния, как неумная мысль,
Играет, слепяще блистая.
«Дай парусу полную волю!» – вопит,
Поёт набегающий ветер.
А Волга вскипает, а Волга кипит,
В зелёном купается лете.
Я полную волю даю парусам,
Поэзии – полную волю!
Благоухает она по лесам,
Высокой дурманит травую.
Приподнимаясь, она парусит,
От берега к берегу ходит,
Раздольно гуляет она по Руси,
Родной уподобясь природе.
Благословенные видит места
Под утренней трепетной сенью
И, открывая тихонько уста,
Слагает свою Одиссею.

Валентин РАСПУТИН (1937–2015)

15 марта 85 лет назад родился прозаик, публицист Валентин Григорьевич Распутин (15.03.1937, с. Усть-Уда, ныне райцентр Иркутской обл. – 14.03.2015, г. Москва). Окончил Иркутский университет (1959). Член Союза писателей СССР (1967). Секретарь правления Союза писателей РСФСР (1975–1991) и СССР (1981–1991). Автор повестей «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1975), «Прощание с Матёрой» (1976), «Пожар» (1985); книг прозы «Человек с этого света» (1967), «Век живи – век люби» (1982), «В ту же землю» (1997), «Нежданно-негаданно» (2001) и др. В 1970-х гг. был в Ульяновске проездом, посетил Пушкинский праздник поэзии в с. Языково Ульяновской обл. Дружил с литературоведом В.Я. Курбатовым.

МОЙ МАНИФЕСТ (отрывки из статьи)

Русский народ в отличие от других (не всех, но многих), составляющих сумму, составляя организм, сращенность. Организм вялый, растянутый по обширной земле, неповоротливый, пока указывают ему чуждые, не из него выработанные пути, и сразу способный стать мускулистым, энергичным, красивым – как только цели совпадают с его природной и духовной потребностью и начинается прибавление в сущностном росте.

Отсюда, из духовного склонения Руси, и особая роль в ней литературы. Литература всегда была у нас больше чем искусство (даже в упоминаниях она стояла отдельно и на первом месте; так и говорили: литература и искусство), и являлась тем, что не измышляется, а снимается в неприкосновенности посвященными с лица народной судьбы. Русская литература с XIX века особенно расцвела и украсилась художественно и чувственно, отыскала для выговаривания невыговариваемого слова тончайшей выразительности, но осталась продолжением древнего отечественного летописания под первенством народописания...

...Призвание – это призванность, задание на жизнь. Шолохов, Твардовский, Абрамов, Шукшин, Носов, Белов могли иметь другие имена, но они не могли не явиться, ибо именно так наступила пора считать судьбу и душу народную. Именно они лучше всего отвечали случившимся в народе переменам...

И когда принимаются уверять с наслаждением, что русская литература приказала долго жить, – не там высматривают нашу литературу, не то принимают за неё. Она не может умереть раньше России, ибо, повторю, была не украшением её, которое можно сорвать, а выговаривающейся духовной судьбой.

...Приходится признать, что читать стали в десятки раз меньше, чем десять лет назад. Это объясняется и бедностью, когда от куска хлеба не удаётся урвать ни копейки на книги, и дурным качеством навязываемых книг, и невольной виной каждого за попущение злу.

Попустила читающая Россия, и теперь, отворачиваясь от лжеучителей, она отвергает и кафедру, к которой они выходили. Кафедра (назовём так лите-

ратуру) допускала разные мнения, но разноречивость в переломные моменты способна восприниматься только с одним знаком. Чтобы вернуть доверие к литературе (а это пришлось делать и после революции 1917 года), писать надо так, чтобы нельзя было не прочитать, подобно тому, как нельзя было не прочитать «Тихий Дон». Последняя революция, либерально-криминальная, самая подлейшая из всех, какие знал мир, столкнула Россию в такую пропасть, что народ ещё долго не сможет подсчитать свои жертвы. В сущности это было жертвоприношение народа, не состоявшееся по плану, но и не оконченное.

Наступила пора для русского писателя вновь стать эхом народным и небывавшее выразить с небывалой силой, в которой будут и боль, и любовь, и прозрение, и обновлённый в страданиях человек.

Мы оказались вдвинуты в жестокий мир законов, каких прежде не знала наша страна. Столетиями литература учила совести, бескорыстию, доброму сердцу – без этого Россия не Россия и литература не литература. Но одно, как теперь замечается, не добавляла она к этим мудрым наставлениям, – одно, в чём давно явилась необходимость и без чего самые славные добродетели начали провисать до опасной расслабленности. Это волевой элемент – как элемент зарядной батареи. Он был в той же военной литературе, но в общем ряду ценностей для русского человека оставался на десятом месте. С учётом того, что он ослаб и окислился, и вычерчивались планы обращения с великим народом. Нет воли в неволе – есть воля на воле. Пора вспомнить это старинное правило и в литературе. Народная воля – не результат голосования (вот и ещё одна подмена), а энергическое и соединённое действие в защиту своих интересов и ценностей, в защиту в конце концов своего права на жизнь. К нашим книгам вновь обратятся сразу же, как только в них явится волевая личность, – не супермен, играющий мускулами и не имеющий ни души, ни сердца, не мясной бифштекс, приготовленный на скорую руку для любителей острой кухни, а человек, умеющий показать, как стоять за Россию, и способный собрать ополчение в её защиту...

Леонид СУРКОВ (1937–2018)

16 марта – 85 лет со дня рождения поэта Леонида Николаевича Суркова (16.03.1937, совхозим. С.М.Кирова Кваркенского р-на Оренбургской обл. – 21.08.2018, г. Ульяновск). В детстве жил на родине родителей в с. Шиловка на Волге. Окончил школу №1 в Ульяновске (1954). Учился в Ульяновском сельхозинституте. В 1950–1960-х гг. играл в хоккей с шайбой в команде «Торпедо» Ульяновского автозавода. Автор поэтических книг «Волосы неверья» (2003), «Круги своя» (2006), «Белая сирень» (2008), «Воспоминание» (2009), «Осенний свет» (2010), «Старый дом» (2011), «Стихи. Поэтический дневник. 1954–2012» (2012), «Стихи. Поэтический дневник. 1954–2014» (2014). Лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова (2016).

РУСЬ

Опять снегами золотыми
Заносит осень мой порог.
В ночи за далями глухими
Цветёт огней чертополох.

Темно и пусто в доме сонном.
Лишь вишен мокрые кусты
Затравленно и обречённо
Глядят в окно из темноты.

Но скрипнет дверь – и мрак отпрянет,
В углах пугливо хоронясь.
Она войдёт, в глаза мне глянет,
Как утра свет: «Бог в помощь, князь».

Платок развяжет. Улыбнётся...
О, Русь! Века моих тревог!
Нет, над тобой уж не взметнётся
Аркан Батыевых дорог.

Пожар Москвы не вспыхнет снова
В запалах пушек той войны,
Когда Европа к Ватерлоо
Шла по мостам Березины.

И всё ж, какая боль нам будет?
Какую примешь ты беду?
Тевтон ли тишь твою разбудит,
Чтоб на чудском сразиться льду?

Иль, может, грянет голос зычный
Под стук клюки: «Ужо я вас!»,
И поведёт тебя опричник
Московской улицей в приказ?

А может, вновь метелью бранной
Дохнёт в окно твоё война,
Чтоб всем высотам безымянным
Оставить наши имена?

Не дашь ответа ты, не скажешь,
Что там за полем впереди...
Узлом судьбы моей завяжешь
Платок заветный на груди.

ЗАНАВЕСКА

Занавеска вздохнула в окне...
Нет, мой друг, не о нашей весне.

Промелькнула она, как в бреду,
Белой бабочкой в белом саду.

И теперь меж осенних куртин
Гасит дождик пожары рябин...

А ты помнишь былые года?
Серебрилась на Волге вода.

Осыпала созвездий метель
Наших встреч заповедную ель.

Улыбалась нам, счастьем полна,
Недотрога, как ты, – тишина.

И сердца о тебе, обо мне
Занавеской вздыхали в окне.

Александр ЛИВЕРГАНТ (р. 1947)

18 марта 75-летний юбилей отмечает переводчик, литературовед Александр Яковлевич Ливергант (р. 18.03.1947, г. Москва). Окончил МГУ (1970). Кандидат искусствоведения. С 2008 года главный редактор журнала «Иностранная литература». Автор биографий Р. Киплинга (2011), С. Моэма (2012), О. Уайльда (2014), С. Фицджеральда (2015), г. Миллера (2016), г. Грина (2017), вышедших в серии «ЖЗЛ». Принимал участие в XVIII и XIX Международных форумах молодых писателей в Ульяновске; выступал в областном Дворце книги 17 сентября 2018 года с лекцией «Основы перевода национальной и иностранной литературы» и 16 сентября 2019-го по теме «Литературный перевод вчера и сегодня».

КИПЛИНГ (отрывок из книги)

Даже те, кто никогда не читал или подзабыл классику, русскую и зарубежную, живо откликнутся на такие азбучные цитаты, как «Всё смешалось в доме Облонских», «Человек – это звучит гордо» или «Быть или не быть?».

Редьярд Киплинг – которого сегодня если и читают, то разве что в детстве (удел многих, со временем «молодеющих» классиков), если и помнят, то «Книгу джунглей» и «Просто сказки», если и цитируют, то Багиру и Рикки-Тикки-Тави, а не Кима, полицейского Стрикленда или художника Дика Хелдера, – пополнил эту коллекцию такими хрестоматийными словосочетаниями, как «закон джунглей» или «бремя белого человека». Такими поэтическими строками, как «Запад есть Запад, Восток есть Восток» или «Наполни смыслом каждое мгновение, часов и дней неумолимый бег...».

Слава «барда Британской империи», который, по словам его друга и вечного оппонента Герберта Уэллса, «поразительно подчинил нас себе... вбил нам в головы звенящие и неотступные строки, заставил многих... подражать себе... дал особенную окраску нашему повседневному языку», была столь же громкой, сколь и недолговечной. В 90-е годы позапрошлого века «туземнорождённый» Киплинг единодушно считался первым писателем Англии, однако до конца столетия всё главное было уже им создано. После Первой мировой войны писатель сначала отошёл в тень, а затем, ещё при жизни, был прочно забыт и вписан в пантеон почитаемых, но не читаемых классиков. По словам крупнейшего англоязычного поэта XX века Томаса Стернза Элиота, вновь, уже перед самым началом Второй мировой войны, открывшего киплинговскую поэзию, Киплинг ещё при жизни стал «забытой знаменитостью», «лауреатом без лавров».

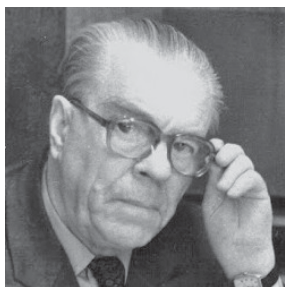
Похороны первого английского нобелиата в Уголке поэтов Вестминстерского аббатства были столь же торжественны, сколь и немногочисленны, и в этом не было ничего удивительного: Киплинг-поэт, Киплинг – властитель дум был, по существу, похоронен несколькими десятилетиями ранее. Но довольно скоро выяснилось, что его творчество затронуло умы и сердца британских – и не только британских – читателей куда глубже, чем хотелось бы

его хулителям. «На протяжении пяти литературных поколений, – писал о нём Джордж Оруэлл, отнюдь не разделявший политических воззрений автора «Книг джунглей» и «Кима», – всякий просвещённый человек презирал Киплинга, но, в конце концов, девять десятых этих просвещённых людей оказались забыты, Киплинг же по-прежнему с нами». А презирали Киплинга не только за реакционные политические взгляды, но ещё и потому, что забыли про его поэтическую «Просьбу»: «Распрашивайте про меня лишь у моих же книг». Для писателя – а Киплинг, не будем этого забывать, был прежде всего писателем, – такая просьба вполне оправдана.

...Прадед писателя по отцовской линии Джон Киплинг был простым йоркширским фермером, а дед, один из шестерых его детей, преподобный Джозеф Киплинг – методистским священником. 6 июля 1837 года у него и у его жены, дочери мажордома лорда Малгрейва Франсес Локвуд, родился первенец Джон Локвуд. Семейство преподобного Джозефа Киплинга часто переезжало, по долгу службы главы семьи, с места на место, и мальчика определили в почтенную, с традициями методистскую школу Вудхаус-Гроув под Лидсом. В 1851 году тринадцатилетний Джон Локвуд отправился с классом на экскурсионном поезде в Лондон, на Всемирную выставку в Гайд-парке, и поездка эта оказалась в его жизни решающей. Прошло всего несколько лет, а молодой человек уже подвизался скульптором на строительстве Музея Южного Кенсингтона (теперь – Виктории и Альберта), о чём, между прочим, свидетельствует его портрет на стенной росписи, для которой он позировал собственной персоной.

В 1859 году в жизни Джона Локвуда, работавшего в то время в Берследе в гончарной мастерской и дававшего для заработка уроки французского (в Вудхаус-Гроув языкам, как, впрочем, и другим предметам, учили на совесть), происходит ещё одно памятное событие: он сходится со своим сверстником, священником, преподобным Фредериком Макдональдом, и весной 1863 года на пикнике на озере Редьярд в Стаффордшире знакомится с его сестрой и своей будущей женой Алисой, которая была старше его – впрочем, всего на несколько недель...

Александр БЛОХИНЦЕВ (1912–1994)

20 марта 110 лет назад родился краевед, публицист Александр Николаевич Блохинцев (20.03.1912, с. Ивановково-Дурасово, ныне с. Ивановково-Ленино Алатырского р-на Чувашии – 28.04.1994, г. Ульяновск). С 1958 года жил в Ульяновске. Работал в обществе «Знание», директором Ульяновского отделения Худфонда РСФСР, возглавлял городское экскурсионное бюро, был зам. председателя Ульяновского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Почётный гражданин Ульяновской обл. (1997). Автор книг и брошюр «Об охране археологических памятников» (1973), «Симбирск XVIII века» (1974), «И жизни след оставили своей...» (1980), «Декабристы-симбиряне» (2006), «Киндяковы» (2017).

СОКРОВИЩЕ НЕОЦЕНИМОЕ (отрывок из очерка)

На протяжении двадцати с лишним лет в первой половине XIX века Симбирск являлся одним из центров большой работы по собиранию русского фольклора. Зачинателем этой работы был А.С. Пушкин. Он привлёк к ней своих молодых друзей П. Киреевского и Н. Языкова. Увлечённые идеей великого поэта, они, в свою очередь, приобщили к этому других людей, и запись устного народного творчества развернулась в небывалых размерах.

В июле 1831 года Николай Языков из Москвы писал своему брату Александру в Симбирск: «Главное и единственное занятие и удовольствие составляют мне теперь русские песни. П. Киреевский и я, мы возымели почтенное желание собирать их и нашли довольно много ещё ненапечатанных и прекрасных. Замечу мимоходом, что тот, кто соберёт сколько можно больше народных наших песен, счленит их между собою, приведёт в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, какой нет и быть не может ни у одного народа, положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещённому миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского. Не хочешь ли ты участвовать в сем деле, богоугодном и патриотическом?».

А несколько позже, летом того же года, Н. Языков отмечал в одном из своих писем: «Я завлёк брата Александра в верное предприятие собирать заодно со мною... русские песни: он уже начал сильно действовать – в местах самых надёжных, на берегах Волги, Камы, Белой и проч. Под Москвою я собрал нынешним летом около полсотни. Каково?».

Но это были лишь первые шаги. Поэт не знал тогда, что собранное им и его братьями будет исчисляться потом без малого тысячью наименований.

Пушкин, убедившись в том, что дело записи фольклора попало в надёжные руки и пошло успешно, в августе 1833 года, будучи в Москве проездом в Оренбург, передал Киреевскому все собранные им народные песни.

Собрание росло быстро. 14 октября 1833 года Киреевский писал Н. Языкову, что из тысячи собранных тестов, которыми он располагает, «500 (и самых лучших) прислано тобою».

Возвратившись весной 1833 года в своё имение, Н. Языков привлёк к работе по собиранию народных

песен всех своих родных и знакомых. Через два года Языковы располагали уже большой коллекцией.

К концу 1830-х годов в собрании Киреевского насчитывалось более десяти тысяч эпических, исторических и бытовых песен. Значительная часть их была собрана Языковыми в Симбирской и Оренбургской губерниях. Крестьяне сёл Языкова, Станичного, Усть-Урения, Головина, Репьёвки, Сосновки и других представили собирателям огромное количество народных сказаний, былин, песен, так называемых «духовных стихов» и прочего фольклорного материала, среди которого было много бунтарских песен.

Старший брат поэта – учёный-геолог, автор более тридцати научных работ по геологии Пётр Михайлович Языков – первым начал собирать песни крестьянских войн и восстаний. Именно ему принадлежат уникальные записи песен о Пугачёве: «Судил тут граф Панин», «В том сударыня простила» и других.

Ещё задолго до опубликования собрание Киреевского стало настолько значительным явлением не только литературной, но и общественно-научной жизни страны, что получило широкую известность и за пределами России. О нём знали в славянских странах Европы. В Германии им интересовались собиратели немецкого фольклора братья Гримм. Во Франции к собранию Киреевского большой интерес проявлял Проспер Мериме. В письмах к своим русским друзьям он просил прислать ему кое-что из записанных народных песен. Собрание привлекло внимание и других писателей и учёных Европы.

Между тем грандиозное собрание устного народного творчества, равного которому тогда не было в мире, более двадцати лет не разрешалось к печати царской цензурой. Более того, собирательская деятельность самого Киреевского и его коллег преследовалась властями.

Киреевский и Н. Языков так и не дожили до опубликования своего собрания. А когда в 1848 году, в обход цензурных запретов, в одном из изданий Московского университета удалось опубликовать первый выпуск народных песен, то это издание было закрыто, а его редактор профессор О.М. Бодянский уволен из университета и выслан из Москвы...

Евгений ХРАМОВ (1932–2001)

21 марта – 90 лет со дня рождения поэта и переводчика Евгения Львовича Храмова (21.03.1932, г. Москва – 04.11.2001, там же). Окончил МГУ (1957). Член Союза писателей СССР (1965). Заведовал отделом поэзии журнала «Новый мир». В 1967 году приезжал в Ульяновск на поэтические гастроли вместе с Б.Ш. Окуджавой, М.А. Соболев и А.М. Николаевым; 27–29 января выступал во Дворце культуры автозавода, во Дворце книги и в Доме офицеров Ульяновского гарнизона. Автор стихотворных сборников «Проспекты и просёлки» (1963), «Любимые люди» (1968), «Осеннее равноденствие» (1973), «Городская жизнь» (1983) и др. Переводил стихи Р.М. Рильке, Р. Киплинга, К.И. Галчиньского и др.

...И вниз головою бросается трещина
к подвалам, хвостом зацепив за чердак.
И рушится дом, и какая-то женщина
стоит, уперев в подбородок кулак.
Согрета дыханьем пяти поколений,
в следах от обоев, побоев и слёз,
стена опускается на колени –
ей город родной приговор произнёс.
Дом кончен: разрушен, растащен, развален,
и вчуже мне жалко его, но зато
из кухонь и ванных, передних и спален,
из пахнущих нафталином пальто,
из узкой отдушины, душной каморки
встаёт, отряхая обрывки цепей,
тот воздух, что заспанным был и прогорклым,
а должен быть братом морей и степей.
Он соединяется с твердью небесной.
Он влажным дыханьем апреля намок.

Не сразу воздвигнут каркас здесь железный.
Не сразу упрячут его под замок.

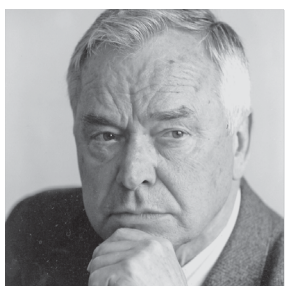
Дорога хитрою была:
она свернула вправо,
потом в овраг нас завела
и, наконец, пропала.

Она ушла под корни трав,
исчезла так неслышно,
как исчезает, всё поняв,
в пути попутчик лишней.

Не злые горькие слова,
не ужас расставанья,
овраг, дорога и трава –
вот что воспоминанья.

И я их ночью отберу
от тех, ненастоящих,
и тихо-тихо поутру
запру в секретный ящик.

Так, шаркая подошвами,
Идут они, идут
Из будущего в прошлое –
Бессчётный ряд минут.
И нет мгновенья, длящего
Приход свой и уход,
А время настоящее –
Всего лишь переход
Из будущего в прошлое,
Из прошлого туда,
Где шлёпает подошвами
Летейская вода.

Владимир ВИНОГРАДСКИЙ (1937–2019)

22 марта 85 лет назад родился поэт Владимир Серафимович Виноградский (22.03.1937, г. Пенза – 29.09.2019, г. Москва). В 1937–1954 гг. жил в Мелекесе (ныне г. Димитровград) у бабушки, учился в школе №8. Дебютировал в местной газете «Власть труда» (1954). Посещал литературное объединение «Черемшан». Окончил Киевский университет (1959). С 1961 года жил в Москве, преподавал на факультете журналистики МГУ. Член Союза писателей России (1997). Заслуженный преподаватель МГУ. Автор поэтических книг «Есть такая земля» (1978), «Верность» (1984), «Где-то цветут эдельвейсы» (1995), «Черёмуховый снег» (1997), «Время свиданий» (2001), «Душа открыта для любви» (2014), «Как юн июнь» (2016) и др.

ЗАВОЛЖЬЕ

Забытые задеты струнки,
Далёких лет горит свеча.
И я на детские рисунки
Смотрю сквозь тонкую печаль...
И вот сверкающий в морозе
Явился город тот лесной,

Ворвался скрип и звон полозьев,
Базара говор расписной.
И цвет сосны предновогодней,
И звёздный отблеск на возах...
Шаров, гирлянд, снежинок сотни,
Как отражение в глазах.

Я вспоминаю бабушку свою:
 Год сорок первый... Окна в перекрестьях.
 Мы голодали, мёрзли с нею вместе
 В заиндевавшем, сумрачном краю.
 Не слышал тыл сражений стон и ад,
 Но не забыть те годы непростые.
 Втроём мы ж д а л и: бабушка, Россия
 И я, малыш, ходивший в детский сад...

ОСЕННИЕ ОКТАВЫ

Какая ясность в стыни голубой,
 Какой мороз в рябине ярко-красной...
 Так женщиной и щедрой, и прекрасной
 Шагает осень праздничной тропой.
 И в музыку натруженных полей,
 И в золотом хрустящие дубравы
 Вливаются торжественно и плавно
 Осенние октавы журавлей.

Тишина пахнет мальвой душистой.
 Бродят куры в забытом саду.
 В белой хате, прохладной и чистой,
 Отдыхает пирог на меду.

Ветерок шевелит занавеской,
 Дышит море сквозь синюю мглу,
 Дремлет лодка под старым навесом,
 Дремлет старый хозяин в углу.

Будет снежно в октябре...
 Кто бы мог поверить?
 Буду я гореть в костре –
 Пыл мой не измерить!
 Будет вздохов нежный жар,
 Трепет сердца новый
 И любви большой пожар,
 Сжечь меня готовый.
 Будет магия души,
 Будет чудо слова.
 Снег мой, таять не спеши –
 Не вернёшься снова...

Нонна АЛИЕВА (р. 1952)

22 марта исполняется 70 лет поэтессе, прозаику, журналисту Нонне Викторовне Алиевой (р. 22.03.1952, г. Баку). Окончила Азербайджанский государственный университет (1975). С 1990 года живёт в Димитровграде. Работала корреспондентом газеты «Димитровград-Панорама» (1996–2009). Член Союза писателей (1998) и Союза журналистов (2011) России. Юморески публиковала под псевдонимом Макс Кронин. Автор книги прозы «Убийство в стиле блюз» (1997), поэтического сборника «Зазеркалье» (2002). Дипломант литературных конкурсов «Новые имена» (1998, Саратов), «Ступень к успеху» в номинации «Лучший очерк» (2009, Ульяновск). Награждена Почётной грамотой губернатора Ульяновской области.

ИГРУШЕЧНЫЙ ПОЕЗД

Мой поезд сорвался, ушёл под откос.
 Не надо оваций – всё было всерьёз.
 Лишь всхлипнули рельсы на стыке: «Беда!»
 Последние рейсы ведут в Никуда.
 Не плачьте, диспетчер – вас не было там.
 Испорченный вечер идёт по пятам?
 Ах, право ж, газеты ломают комедь:
 игрушечный поезд. Не стоит жалеть...

Я отдаю долги – подставьте шляпы:
 всё как положено – как в час перед концом.
 Не надо каяться – ведь я не римский папа,
 а сантименты портят вам лицо.
 Всю боль, всю жизнь до дна, до самой капли,
 чтобы уйти, как ветер, налегке.
 Я отдаю долги – подставьте шляпы:
 всем по одной непонятой строке.

Я знаю наперёд прологи и развязки
 и кожей узнаю пути на эшафот.
 Сорвите ж с глаз моих проклятую повязку –
 я вижу сквозь неё: мой не пришёл черёд.
 Нам среди тысяч солнц одно дано судьбою.

И сердце не пьянят слепящие не те.
 А если час пробьёт, то выбор лишь за мною,
 и я сгорю лишь там, в желанной высоте.
 А музыка звучит, пусть даже режут связки –
 я буду взглядом петь, пока ещё дышу...
 Я знаю наперёд прологи и развязки,
 быть может, оттого... что их себе пишу.

За тыщи миль, за сто веков вперёд
 я знаю неизбежность нашей Встречи.
 И ни к чему запреты, козни, речи...
 И даже смерть здесь не идёт в расчёт.
 Ведь там, за Гранью Граней, в новой сути,
 в ином обличье и в мирах иных,
 нас всё равно, как два комочка ртути,
 столкнёт. Притянет. И соединит.

Святки. Полночь. Замёрзший пруд.
 Снова лик луны безутешен.
 Я почти ничего не вешу –
 только мыслей тяжёлый пуд...
 Одиночество. Полпути.
 Лёд скрипит, словно створка двери...
 Дай же, Господи, мне по вере,
 чтоб могла до себя дойти.

Виктор ЖДАНОВ (р. 1952)

22 марта 70-летний юбилей отмечает поэт Виктор Сергеевич Жданов (р. 22.03.1952, г. Мелекес, ныне Димитровград Ульяновской обл.). Работал учеником токаря на заводе «Химмаш» в Мелекесе, токарем на Димитровградском льнокомбинате. Первая публикация состоялась в 2007 году в альманахе «Соль на парусах» (Димитровград). С 2008 года живёт с семьёй в г. Зеленоградск Калининградской обл. Участвует в мероприятиях областного отделения Союза писателей России. Автор изданных в Калининграде поэтических сборников «Метаморфозы жизни» (2015), «Было время, не подарок...» (2018), «Я родился в Мелекесе» (2019). Кандидат в мастера спорта по шахматам; обучает детей в шахматном клубе.

ПРИБОЙ

Шум Балтийского прибоя
Безмятежен и игрив,
И с беспечною волною
Вдруг рождается мотив.

Шелест гальки камертоном
Вызывает бег волны.
В этом звуке затаённом
Нотки гонора слышны.

Море – это амплитуда
И стихии произвол,
Это лёгкая причуда
И натура сонных волн.

Море словно засыпает
На краю песчаных дюн
И невольно пробуждает
Глубину душевных струн.

Тихий вечер наступает,
Открывая лоно звёзд.
В море искорки мелькают,
Как осколки детских грёз.

Я РОДИЛСЯ В МЕЛЕКЕСЕ

Я родился в Мелекесе,
Где в былые времена
Было очень интересно
Жить советским пацанам.

Мы по улицам носились,
Извергая шум и гам,
Очень преданно дружили
И не верили врагам.

Были игры и веселье:
Городки, футбол, хоккей,
Сами строили, потея,
Мы площадки для затей.

Часто утром спозаранку,
Накопав в саду червей,
Шли с друзьями на рыбалку
Ловить шустрых пескарей.

Там у нас, на Черемшане,
Сядь под берегом, в тени –
И к обеду на кукане
Будут берши и лини.

А в берёзовой дубраве,
Всего полчаса ходьбы,
Под присмотром лап кудрявых
Стоят белые грибы.

Было детство бесподобным,
Без лукавства и интриг;
Дальше время было сложным
Ну, а детство – светлый миг.

Валентина КОСТЯГИНА (р. 1947)

25 марта 75 лет исполняется краеведу Валентине Михайловне Костягиной (р. 25.03.1947, г. Ульяновск). Окончила историко-филологический факультет УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1969). С 1970 года работает в Ленинском мемориале; с 2014 года старший научный сотрудник отдела фондов. Соавтор и составитель краеведческих изданий «Ульяновский историко-культурный центр В.И. Ленина» (2006), «Генеалогический мост Ульяновск – Байройт: немецкие предки В.И. Ленина и его родственники» (2008), «Жизнь В.И. Ленина: вопросы и ответы» (2008), «Дмитрий Иванович Архангельский – человек, художник, учитель, подвижник» (2010) и др. Заслуженный работник культуры Ульяновской области.

Дмитрий СУШКОВ (1817–1894)

26 марта 205 лет назад родился поэт Дмитрий Петрович Сушков (26.03.1817, г. Москва – 21.11.1894, г. С.-Петербург). Внук симбирского губернатора В.М. Сушкова и писательницы М.В. Сушковой, брат поэтессы Е.П. Ростопчиной. В 1826–1833 гг. жил в Оренбурге по месту назначения отца; не раз бывал проездом в Симбирской губ. С 1847 года служил в Управлении государственного коннозаводства в Петербурге. Автор книг стихов «Стихотворения Дмитрия Сушкова» (1838), «Стихотворения Д. Сушкова» (1858); баллады «Скала» (1838); очерков «Князь Меттерних» (1848), «О записках А.В. Храповицкого» (1872), «К биографии Е.П. Ростопчиной» (1881) и др. С 1860-го служил в МВД; действительный статский советник (1875).

К БИОГРАФИИ Е.П. РОСТОПЧИНОЙ (отрывок из очерка)

Несколько лет тому назад покойный князь Пётр Андреевич Вяземский, намереваясь писать статью о литературной деятельности сестры моей, графини Евдокии Петровны Ростопчиной, выразил желание иметь биографические о ней сведения, которые я и сообщил ему тогда же. Князь Пётр Андреевич умер, не осуществив своего намерения; между тем в некоторых журналах (например, в «Древней и Новой России», 1878 г., июль) помещены биографические заметки о моей сестре, в которых некоторые факты или пропущены вовсе, или изложены неверно. Поэтому я считаю бесполезным напечатать сведения, сообщённые мною князю Вяземскому.

Евдокия Петровна Ростопчина, урождённая Сушкова, родилась 23 декабря 1811 года в Москве, на Чистых прудах, в приходе Успения Богородицы, что на Покровке, в доме родного деда нашего с материнской стороны Ивана Александровича Пашкова. Отец наш Пётр Васильевич Сушков (впоследствии действительный статский советник) находился в то время на службе в Москве и был чиновником VIII класса и комиссариатским комиссионером. В январе 1811 года он женился на Дарье Ивановне Пашковой, дочери отставного подполковника, и Евдокия Петровна была их первым ребёнком.

В 1812 году по случаю приближения французов к Москве семейство Пашковых и с ними Д.П. Сушкова с новорожденною дочерью отправились в Симбирскую губернию, в принадлежащую И.А. Пашкову деревню Талызино, где и прожили до выступления Наполеона из Москвы, после чего возвратились в белокаменную, куда ещё ранее прибыл по должности своей отец наш П.В. Сушков, на которого, как значится в его формулярном списке, возложено было в 1812 и 1813 годах заготовление вещей для резервной армии и построение их на действующие, что он и исполнил в разорённой Москве, не возвышая цен ни на какие вещи, несмотря на сожжение в Москве фабрик и заводов.

В январе 1816 года Д.И. Сушкова родила сына Сергея, а в марте 1817-го меня, Дмитрия, и затем, ровно чрез два месяца, 13-го мая того же года, скончалась от чахотки, имея всего лишь 27 лет от роду. Вскоре после того отец наш, по просьбе своего тестя, отправился на принадлежащие этому последнему Белорецкие железные заводы в Оренбургской

губернии, где и пробыл довольно долго, а оттуда переехал на жительство в Петербург, куда он был переведён на службу. Мы же, трое сирот, остались до смерти нашей матери в Москве, в доме деда, где жили, однако ж, на собственный счёт, пользуясь только даровою квартирою и столом. В этом доме Евдокия Петровна пробыла вплоть до своего замужества, а мы с братом только до 1826 года, когда отец наш, будучи назначен начальником Оренбургского таможенного округа, увёз нас с собою в Оренбург.

Между тем воспитание Евдокии Петровны шло своим чередом: одна гувернантка сменялась другою, и несколько учителей приходили давать ей уроки; но, говоря правду, воспитание это, хотя и стоило немало денег отцу нашему, было довольно безалаберное, так как, в сущности, никто не наблюдал за его правильностью. По счастью, ребёнок был одарён от природы живым, острым умом, хорошею памятью и пылким воображением, с помощью которых Евдокия Петровна легко научилась всему тому, что составляло тогда, да и теперь большею частью составляет ещё, альфу и омегу домашнего воспитания наших великосветских барышень. Из учителей её по разным предметам стоит упомянуть о Гаврилове и Раиче, развивших в ней врождённую любовь к поэзии вообще и к отечественной в особенности. Не будь их, русская словесность считала бы, может быть, в среде своей одним дарованием меньше, так как в доме Пашковых никто литературою не занимался и даже подобное занятие со стороны молодой девушки сочтено было бы за неприличный поступок.

Здесь будет у места перечислить главнейших гувернанток и учителей Евдокии Петровны, насколько я их помню. Одною из первых её гувернанток была г-жа Морино, французская эмигрантка из хорошей фамилии, бывшая до революции в интимных отношениях с графом Прованским, впоследствии королём Людовиком XVIII; само собою разумеется, что, за исключением природного своего языка и современной ей французской литературы, сведения её по всем другим предметам были чрезвычайно ограничены, так что, в сущности, она ничему другому обучать не могла...

Нина ДУБОВИК (р. 1947)

26 марта 75-летний юбилей отмечает поэтесса, прозаик, краевед Нина Александровна Дубовик (р. 26.03.1947, с. Собакино, ныне с. Красноборск Тереньгульского р-на Ульяновской обл.). Окончила Ленинградский фармацевтический институт (1974). Заведовала аптекой УВВТУ им. Б. Хмельницкого (1977–2003). Автор поэтических книг «Жизнь моя, любовь моя» (2007), «Край родимый» (2008), «Чаша любви» (2012); краеведческих изданий «Благодарной памяти свеча» (2008), «Победы свет неугасимый» (2010), «Долгий путь к любви» (2011), «Светлой памяти печаль» (2013), «Всё равно я буду человеком» (2016), «По зову сердца и велению долга» (2021) и др. Член Российского союза профессиональных литераторов (2009).

БЕДНАЯ КОШКА

Собака лениво глазеет в окошко.
 На улице дождик, а серая кошка
 По лужам бежит в своих белых сапожках.
 Собака ворчит: «Вот ведь глупая кошка!»
 Не глупая кошка, а бедная кошка,
 И нет у неё ни хозяев, ни плошки.
 Постелью ей служит дощечка в подъезде...
 Бежит по дождю, пообедать в надежде.
 Под зонтиком ярким спешили подружки,
 Увидели кошку, поджавшую ушики.
 Прижала к себе её девочка Маша,
 Погладив, сказала: «Теперь будешь наша».

КЛАДБИЩЕ СЕЛЬСКОЕ

Кладбище сельское, вербы беспечные,
 Тихий безмолвный приют...
 Здесь тишины обитатели вечные
 Нас на свидание ждут.

Вот и кресты, все дубовые, крепкие,
 Ровно рядами стоят.
 Грустно склонившись печальными ветками,
 Сосны над ними молчат.

Солнце сквозь хвою с небес пробивается,
 В свете сосновая вязь.
 Горькая гордость за род поднимается –
 Наша духовная связь.

ПЕСНЯ СЛАВЫ

На полянах пахла мята,
 А в полях пылилась рожь,
 Элеватор до заката
 На гудящий рой похож.

Пела зорька песню славы,
 Припекало солнце дня.
 Реки зёрен – мощь державы
 Отливали в цвет огня.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Солнце спешит на покой.
 Месяц идёт молодой,
 Будет в дозоре всю ночь.
 Спи, моя милая дочь.

Месяц по небу плывёт,
 Звёзды зовёт в хоровод.
 Как они ярко горят,
 Песни поют для ребят.

Шепчутся листья берёз,
 Ветер мне песню донёс.
 Бродит по улицам ночь,
 Спи же, любимая дочь.

В речке затихла вода,
 Дремлют её берега.
 Глазки сомкнули цветы,
 Спи, моё солнце, и ты.

Алексей ТИМОФЕЕВ (1812–1883)

27 марта 210 лет назад родился поэт, прозаик Алексей Васильевич Тимофеев (27.03.1812, г. Курмыш, ныне село Пильнинского р-на Нижегородской обл. – 13.07.1883, с. Дубасово, ныне Сердобского р-на Пензенской обл.). Детство провёл на реке Суре, в т.ч. в с. Промзино (ныне р.п. Сурское Ульяновской обл.). Окончил Казанский университет (1831). Служил в Петербурге. Слыл «российским Байроном» и «симбирским Кольцовым». Автор книг «Двенадцать песен» (1833), «Поэт» (1834), «Елисавета Кульман» (1835); повести «Художник» (1834); пьес «Счастливец» (1834), «Рим и Карфаген» (1837); собрания сочинений «Опыты» в трех томах (1837); поэмы «Микула Селянинович, представитель земли» (1876) и др.

ПЛОВЕЦ

Лети, челнок мой легкокрылый,
Куда судьба тебя влечёт;
Сквозь мрак полуночи унылой,
Быть может, звёздочка мелькнёт.

Быть может, там – в дали туманной –
Тебя твой день желанный ждёт,
И над страной безымянной
Родное солнышко взойдёт.

Лети, лети, мой легкокрылый,
Куда судьба тебя влечёт!
Среди полуночи унылой,
Быть может, час твой уже бьёт!

1830–1833

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Туманно солнышко взошло,
Из леса путник показался,
В глазах родимое село...
Чу! Звон к заутрене раздался.

«Конец тяжёлому пути!
Привет тебе, село родное!
О, ярче, ярче ты свети
На небе, солнце золотое!

Не ждут иль ждут меня друзья?
Свиданье сладостно для друга.
Не изменился, тот же я;
Всё та же ль ты, моя подруга?

Одних давно, быть может, нет,
Другие, может быть, далёко;
Кого умчал весёлый свет,
Кого закон тяжёлый рока!»

И грустно, грустно посмотрел
Он на родимую дорогу;
Вздыхнув, суму свою надел
И тихо помолился богу!

1835

РАЗЛУКА

Река шумит, река ревет,
Мой чёлн о брег кремнистый бьёт.
Сердит и страшен говор волн...
Прости, мой друг! – Лети, мой чёлн!

Лети, лети, несись, гуляй!..
Мой друг, утешься, не рыдай!
Не изменю в стране чужой;
И здесь, и там, – везде я твой!

Река шумит, река ревет,
Меня манит, меня зовёт...
Прости! увидимся ль опять?..
К разлуке нам не привыкать!

Прости, мой друг!.. и чёлн летит,
Подруга с берега глядит,
Страшней, страшней валы в реке, –
И... чёлн исчезнул вдалеке.

1835

Алексей ГМЫРЁВ (1887–1911)

29 марта – 135 лет со дня рождения пролетарского поэта Алексея Михайловича Гмырёва (29.03.1887, г. Смоленск – 24.09.1911, г. Херсон Херсонской губ., ныне Украины). Работал на судостроительном заводе в Николаеве; занимался революционной агитацией. В сентябре 1905 года был отправлен по этапу в Самару, а затем в Симбирск. По дороге в Симбирск сбежал и вернулся в Николаев. В мае 1906-го был сослан в Архангельскую губ., откуда тоже сбежал. Содержался в тюрьмах Елисаветграда и Херсона. Автор поэтического сборника «За решёткой» (1926); стихотворений «Грёзы», «Музыка» (1910), «Вот и прожита жизнь» (1911), «Я погибну» (1911), «Набат» и др. Ряд стихотворений положил на музыку Д.Д. Шостакович.

ЗА ВОЛЮ

Под знамя восстанья, под знамя борьбы,
 Во имя труда и свободы
 Стекаются грозно отвсюду рабы,
 Как шумные, вешние воды.
 В руках их могучих блестят топоры,
 В очах – роковое решенье:
 Погибнуть в бою – иль добиться поры
 Родимой страны обновленья.
 И, бросив свой вызов проклятью веков,
 Давивших их чёрным кошмаром,
 Они озарили твердыни врагов
 Восстанья великим пожаром.
 И, гневно сжигая в мятежном огне
 Позорную, рабскую долю,
 Пронёсся взывающий крик по стране:
 За волю! За волю! За волю!

К СЕРДЦУ

Гори, моё сердце, бестрепетно, смело
 Не прихотью чувств, не бесплодной тоской,
 А жаждой великого общего дела
 Борьбы за свободу отчизны родной!

В тюрьме я... А там, за стенами, на воле,
 Борьба... Там дрожат властелины-цари,
 Телами борцов покрывается поле...
 Гори, моё сердце, сильнее гори!

Крепки ещё цепи тупого насилья!..
 Темно... Чуть забрезжилась отблеск зари.
 О, если бы вольности, вольности крылья!..
 Гори, моё сердце, сильнее гори!

Гори! Твоё страстное гордое пламя
 Охватит немало таких же сердец!..
 Гори, моё сердце, как красное знамя,
 Которое поднял рабочий-борец.

СОКОЛ

Как-то в жгучий полдень на курган седой
 Отдохнуть спустился сокол молодой.
 И, его слышав, в гуще спелой ржи
 Притаились робко мирные стрижи.
 Утопая в блеске солнечных лучей,
 Поднялись с пашен полчища грачей.
 И, крича тревожно про беду и смерть,
 Тучей обложили голубую твердь.
 А свободный сокол неподвижный взор
 Устремил бесстрашно на златой простор.
 Думал, что на теле много, много ран,
 И внимал тем думам дремлющий курган.
 Вдруг очнулся сокол, крыльями взмахнул,
 С клёкотом призывным в небе утонул.
 Полетел искать он новых битв и ран,
 А грачи спустились на седой курган.

Екатерина ХВОСТОВА (1812–1868)

30 марта – 205 лет со дня рождения мемуаристки Екатерины Александровны Хвостовой (30.03.1812, г. Симбирск – 22.10.1868, г. С.-Петербург). Внучка симбирского губернатора В.М. Сушкова и писательницы М.В. Сушковой. В 1814 году переехала с родителями из Симбирска в Пензу. Жила в Москве, Петербурге, Турине, Венеции, Марселе и Генуе. В 1830-м познакомилась в Москве с М.Ю. Лермонтовым; 16-летний поэт был влюблён в неё и посвятил ей «Сушковский цикл» из 11 стихотворений. Опубликовала в «Русском вестнике» (1857), «Вестнике Европы» (1869) и отдельным изданием (1870) мемуарные «Записки», изображающие петербургское и московское светское общество первой половины XIX века.

ЗАПИСКИ (отрывок из воспоминаний)

Отец мой, служивший в ополчении, был ещё вполне молодой мальчик, и очень хорошенький; мать моя Анастасия Павловна, из древнего рода князей Долгоруковых, была настоящая красавица и по тогдашнему времени редко образованная и развитая женщина. Она основательно знала три иностранных языка, но любила более свой собственный; читала всё, что попадалось ей под руку, и даже сама писала стихи; у меня до сих пор хранятся её тетради с переводами в стихах из Томаса Мура, Юнга и даже Байрона.

Отец её, екатерининский генерал, князь Павел Васильевич Долгорукий, женатый на княжне Монморанси (отец её был французским посланником в Вене, где Долгорукий был также посланником), долго не соглашался, чтоб его красавица дочь вышла замуж за бедного и незнатного ополченца, и очень желал выдать её за сорокалетнего князя Голицына, но молодой и удалой ополченец больше нравился прекрасной княжне – и она поставила на своём.

Через год после свадьбы я явилась на свет. Я родилась в Симбирске, в 1812 году, 18-го марта, но ознакомилась с родиной своей только по географическим картам да по семейным рассказам.

Трёх месяцев была я разлучена с моими родителями; по службе своей отец мой был вынужден оставить Симбирск, мать моя поехала с ним, оба они поручили меня попечениям дедушки моего Василия Михайловича Сушкова, бывшего тогда губернатором в Симбирске, и ласкам его дочерей, моих тёток – Прасковье (оставила я её в девицах) и Марии (впоследствии замужем за Николаем Сергеевичем Беклешевым) Васильевнам Сушковым.

Мою милую мать не утешила моя первая улыбка, не порадовал мой бессловесный лепет – я была с ней разлучена до двух лет.

Кормилица моя, женщина хитрая, бросила меня семимесячную, больную, почти умирающую, и не имела ко мне жалости: она оклеветала перед дедушкой своего мужа и настроила старика, чтобы он отдал его в солдаты, уверяя и клянясь, что век будет служить ему усердно, лишь бы избавил её от такого буяна и пьяницы; когда же всё сделали по её просьбе и наушничанью, она пришла к дедушке и бросила меня к нему на колени, сказав: «Муж мой солдат – стало быть я вольная и больше не слуга вам». С этими словами она выбежала из комнаты и о ней больше ничего не слыхали и никогда более не видали её.

Согласись же, Маша, не было ли всё это предзнаменованием моей будущности и одиночества? Ты знаешь, как рано оторвали меня от матери и принудили скитаться по чужим углам; ты знаешь, как вполне безотраднa, тяжела и горька моя жизнь; ты также коротко знаешь и тех, с которыми обстоятельства заставляют меня жить; ты знаешь их образ мыслей, их понятия, или лучше сказать, совершенное отсутствие мыслей и понятий. Ты не раз видала, что все мои лучшие чувства, все благородные порывы души, все пылкие мечты молодости, всякое проявление ума и сердца, всякое горячее слово я должна таить от них, должна ежеминутно противоречить сердцу, рассудку, убеждениям, чтобы не быть в совершенном разладе с ними и по большей части ограничивать свой разговор односложными ответами.

«Держаться прямо, почти не улыбаться», – в этом-то, твердят мне, состоит скромность, достоинство и хорошее воспитание. А как часто хотелось мне высказаться, сдать с сердца то, что грызёт его, и то, что волнует ум. Но, Маша, милая моя Маша, всё бы это было ничтожно: я уже свыклась с моей бесцветной жизнью, я уже примирилась с моей незавидной долей, как с неизбежным злом, и кажется теперь всё бы переносила безропотно, по привычке, если бы так недавно ещё то чувство, в котором я полагала своё блаженство, которому предавалась всей душой, которое открыло мне значение и цену жизни, – не было бы обмануто, осмеяно тем, о котором я и теперь ещё плачу! Прости мне это невольное отступление – продолжаю.

От двух до шести лет я жила в Пензе с отцом и матерью; это были единственные розовые дни моего детства. Нужно ли тебе рассказывать, как росла я, окружённая заботливостью, взлелеянная ласками? Всё в доме делалось для моего удобства и для моего удовольствия: напраказничая бывало – мать моя скажет мне с улыбкой: «Не делай этого в другой раз», да ещё потреплет по щеке, поцелует меня. Даже отец на все жалобы и доносы на меня няни моей говаривал: «Оставьте мою вострушку, пусть порезвится» – и вострушка, ободрённая безнаказанностью, мстила доброй своей няне, восьмидесятилетней Анне Мелентьевне, непослушанием, новыми подвигами резвости, а ещё чаще поддразниванием и называнием её «пересказчицей»...

Дмитрий ГРИГОРОВИЧ (1822–1900)

31 марта 200 лет назад родился прозаик, переводчик Дмитрий Васильевич Григорович (31.03.1822, с. Никольское, ныне с. Никольское-на-Черемшане Мелекесского р-на Ульяновской обл. – 3.01.1900, г. С.-Петербург). Воспитывался матерью и бабушкой в Никольском. Жил в Москве и Петербурге. Автор романов «Просёлочные дороги» (1852), «Рыбаки» (1853), «Переселенцы» (1855), «Два генерала» (1864); повестей «Деревня» (1846), «Антон Горемыка» (1847), «Школа гостеприимства» (1855), «Пахарь» (1856), «Кошка и мышка» (1857), «Гуттаперчевый мальчик» (1883), «Акробаты благотворительности» (1885) и др. В «Литературных воспоминаниях» рассказал о литературной жизни в России 1840–1850-х гг.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ (отрывок из мемуаров)

Сфера, в которой протекли первые годы моего детства, не имела ничего общего с бытом соседей-помещиков того времени. Те, которые составляли в уезде аристократию и были богаты, отличались кичливостью и выделялись только между собою; у других дом был открыт для званных и незванных, пировали круглый год, благо крестьяне, помимо других повинностей, обязаны были поставлять к барскому столу яйца, кур, баранов, грибы, ягоды и проч.; содержали охоту, многочисленную дворню, шутов, приживальщиков обою пола, сочиняли праздники, пикники, играли в карты – словом, жили в своё удовольствие, не заботясь большею частью о том, что имение заложено и перезаложено в Опекунском совете.

Один из таких домов врезался мне в память. Матушка не любила выезжать, но раз сочла необходимым отправиться с визитом и взяла меня с собою. Дом помещика поразил меня своею громадностью; он был деревянный, в два этажа, с просторными выбеленными комнатами без всяких украшений. Обедало в этот день множество всякого люда; играл оркестр из крепостных. Внимание моё исключительно было посвящено маленькому низенькому столику в одном из углов залы; за этим столом сидели шут и шутовка в жёлтых халатах и колпаках, с нашитыми на них из красного сукна изображениями зверей. Шутовку звали Агашкой. Матушка предупреждала меня, что Агашку считают очень опасной, и приказала мне не подходить к ней; несколько раз поджигала она господский дом, была зверским образом наказана, но помещика она забавляла, и он не хотел с ней расстаться. Весь остаток дня меня занимала только Агашка; она свободно расхаживала по всем комнатам, размахивая руками и что-то бормоча; стоило ей показаться в дверях, как я замирал от страха и сломя голову бросался к матери.

Помещик этот, Д.С. Кротков, известен был во всём околотке своею неукротимую строгостью. Когда он выезжал на улицу деревни в сопровождении крепостного Грызлова, своего экзекутора, или, вернее, домашнего палача, ребяташки стремглав ныряли в подворотни, бабы падали ничком, у мужиков озноб пробегал по телу. Его боялись все домашние, начиная с жены. Побеждая в себе робость, намолвившись и накрестившись в образной, жена ре-

шалась иногда просить мужа отпустить её в Москву для свидания с родственниками.

– Хорошо, – соглашался иногда Д.С. – Эй, позвать ко мне Грызлова!

– Грызлов, – говорил Д.С., – Марья Фёдоровна в Москву собирается; нужны деньги... Проезжая по деревням, я видел – много там этой мелкоты, шушеры накопилось, – распорядись!..

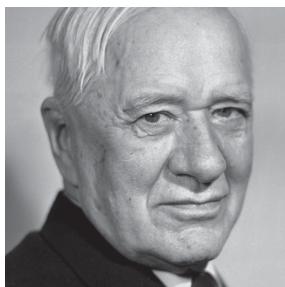
Это значило, что Грызлову поручалось объехать деревни Д.С., забрать по усмотрению лишних детей и девок, продать их, а деньги доставить помещику. Это происходило в самый разгар крепостного права, когда ещё не вышло указа, дозволявшего продавать крепостных людей не иначе как целыми семействами.

Рассказы эти и всё, что приходилось тогда слышать о жизни помещиков, производили на меня сильное впечатление. В нашем доме тени не было ничего подобного. Крестьяне наши были отпущены на оброк ещё при жизни отца, полагавшего, вероятно, что женщине, да ещё иностранке, не управиться с барщинным положением. Гости бывали у нас очень редко, да и очень близких соседей было немного; чаще других наезжали две старушки и одна пожилая девица, да и то когда уже больше некуда было деваться. Им скучно было беседовать – да и о чём? – с бабушкой, плохо понимавшей русский язык; не более интересно было сидеть и с матушкой, слушавшей всегда рассеяннo, занятой каким-нибудь хозяйственным предметом, от которого её отрывали, или выслушивать её рассказы о том, как хорошо действует ремень на новорожденных младенцев, или о том, как на днях Гризетка – любимая кошка матушки – принесла шестерых котят, и представьте: у одного из них на лбу белая звёздочка, точно нарисованная! Накушавшись чаю и варенья, соседки торопливо уезжали, думая, вероятно, на обратном пути: «Чудачки же, право, эти француженки!»

Не весело было и мне, одинокому мальчугану, в такой обстановке.

Пяти лет бабушка посадила меня за книжку. Книжка эта была французская азбука, присланная из Парижа подругой детства матери; азбука украшалась раскрашенными картинками, на которые я набросился с такою жадностью, что по целым дням не расставался с книжкой и украдкой уносил её к себе в постель...

Корней ЧУКОВСКИЙ (1882–1969)

31 марта – 140 лет со дня рождения поэта, литературного критика и детского писателя Корнея Ивановича Чуковского (31.03.1882, г. С.-Петербург – 28.10.1969, г. Москва). Автор книг «Маленькие дети» (1928), «От двух до пяти» (1970); сказок в стихах «Тараканище» (1921), «Мойдодыр» (1923), «Муха-цокотуха» (1924), «Бармалей» (1925), «Телефон» (1926), «Краденое солнце» (1927), «Айболит» (1929) и др. По дороге в эвакуацию из Москвы в Ташкент в 1941-м и обратно в 1943 году проезжал на поезде №22 через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово Ульяновской обл. Награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени. Почётный доктор литературы Оксфордского университета (1962).

ОБЖОРА

Была у меня сестра,
Сидела она у костра
И большого поймала в костре осетра.
Но был осетёр
Хитёр
И снова нырнул в костёр.
И осталась она голодна,
Без обеда осталась она.
Три дня ничего не ела,
Ни крошки во рту не имела.
Только и съела, бедняга,
Что пятьдесят поросят,
Да полсотни гусят,
Да десяток цыпляток,
Да утят десятком,
Да кусок пирога
Чуть побольше того стога,
Да двадцать бочонков
Солёных опёнок,
Да четыре горшка
Молока,
Да тридцать вязанок
Баранок,
Да сорок четыре блина.
И с голоду так исхудала она,
Что не войти ей теперь
В эту дверь.
А если в какую войдёт,
Так уж ни взад, ни вперёд.

СКРЮЧЕННАЯ ПЕСНЯ

Жил на свете человек,
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке.

А за скрюченной рекой
В скрюченном домишке
Жили летом и зимой
Скрюченные мышки.

И стояли у ворот
Скрюченные ёлки,
Там гуляли без забот
Скрюченные волки.

И была у них одна
Скрюченная кошка,
И мяукала она,
Сидя у окошка.

А за скрюченным мостом
Скрюченная баба
По болоту босиком
Прыгала, как жаба.

И была в руке у ней
Скрюченная палка,
И летела вслед за ней
Скрюченная галка.

Федот КОМАРОВ (1887–1951)

Март – 135 лет назад родился прозаик и поэт Федот Емельянович Комаров, литературный псевдоним – Павел Яровой (?..03.1887, с. Озёрки, ныне Чердаклинского р-на Ульяновской обл. – 28.09.1951, г. Москва). Учился в Озёрской второклассной учительской школе вместе с писателем А.С. Неверовым, работал сельским учителем, жил в Самаре. В 1921 году переехал в Москву. Автор повестей «Степные маяки» (1922), «Домна» (1922), «Гнев одиннадцати» (1922), «Взгляд прощающий» (1923), «Слепой бунт» (1924), «На большой дороге» (1924), «Марк Миколайчев» (1926); книги прозы «Красное кольцо» (1925); романов «Лига жёлтого солнца» (1928), «На острие ножа» (1929), «Инженер Долматов» (1929), «Жизнь цветёт» (1930) и др.

АВТОБИОГРАФИЯ

Моя жизнь внешней стороной не блещет, а чтобы показать её нутро, надо много места и времени. Начну, как все, с рождения. Родился я в 1887 году, в селе Озёрках, Самарской губернии. Родители – бед-

ные безземельные крестьяне. Я – четвёртый сын, самый младший, а потому, по словам моих сверстников, – счастливый. «Счастье» моё заключалось в том, что мне нечего было делать в маленьком хо-

зайстве отца. Это обстоятельство и заставило моего родителя (который к тому же был человеком большого ума) сказать мне на одиннадцатом году моей жизни:

– Ищи свою дорогу. С хозяйством мы и вчетвером справимся.

Он хотел, чтобы хоть один из его сыновей «зажил счастливо». Я гордо решил искать свою дорогу, при этом чувствовал себя сразу выросшим. В те годы я увлекался рисованием и думал «податься» в живописцы. Отец охотно помогал мне найти «подходящего дядю», который взял бы меня на «выучку». Начальное училище я уже кончил, охота продолжать своё образование во мне, видимо, сидела крепко, а потому окончательный выбор пал на последнее.

Кстати, в Озёрках уже функционировала учительско-второклассная школа. Я, как местный житель, мог учиться в ней без затраты средств, а перспективы меня весьма прельщали. Шутка ли: из лохмотников – да в учителя попасть! Вся улица заговорила, когда увидели меня в пиджаке и брюках «навыпуск». Правда, улица не особенно одобрила моё положение, когда я, кончив школу, остался дома и продолжал обычные работы в хозяйстве отца. Виной этому оказался урядник. Он донёс губернатору, что я политически неблагонадёжный, и мне отказали дать место учителя школы грамоты. В течение двух лет я ожидал «милости» начальства и, получив назначение в небольшую деревеньку, поехал с гордым сознанием, что моя жизнь началась красиво.

Десять рублей жалованья, звание учителя, завистливые взгляды и шёпоты соседей и радужное будущее! Проучительствовал я 11 лет; подвергался доносам старост, сельских писарей, старшин, земских начальников; несколько раз меня вызывало непосредственное начальство, чтобы сделать мне выговор и внушение; несколько раз жаловали ко мне ночные гости, чтобы потрепать мои вещи. Учительствовал я в двух уездах, причём любил кочевать из школы в школу и этим весьма раздражал «начальство»; считался я неуживчивым человеком, беспокойным служакой. От учительства перешёл к внешкольному образованию – был библиотечным работником в земстве и в Самаре всего около шести лет. Революция оторвала от работы; в Самаре проверял свои политические ошибки и в некотором «недомыслии» находился до 1919 года. Факты жизни убеждали настойчиво, с упорством железной логики, и в результате я твёрдо ступил на свою дорогу. Этот период (до приезда в Москву) был интересен

для меня. Я был сначала инструктором при политотделе самарского военкомата, потом секретарём издательства того же политотдела, наконец заведующим издательства – вплоть до отъезда в Красную армию.

Работал я в это время с Дорогойченко, издавали мы с ним журнал «Красная армия». Поехать в армию я решил в пять минут, работал в политотделах: 1-го Донского кавалерийского полка (только что формировался), запасной армии, и наконец в политотделе армии. Вернувшись в Самару, я вновь окупился в работу – был сотрудником губернского РОСТА, секретарём журнала «Неделя крестьянина», цензором газеты «Коммуна», заведующим «практической секцией» ЛИТО, а накануне голода 1921 года решил ехать в Москву. Помнится: решил я это нечаянно, идя улицей с Неверовым.

– Еду, – сказал я, сознательно закрывая глаза на отсутствие средств.

– Конечно, – вразумительно подтвердил Неверов. – Всё равно голодать-то, – здесь ли, или в Москве. Зато это ведь Москва, а не что-нибудь...

– Еду! – повторил я своё решение – и очутился в Москве.

Приехал я в неё с шестью фунтами муки и одним фунтом пшена. Дал их мне Неверов. Пшено отдал носильщику, – сам не мог одолеть «багаж», потому что обессилел от голодовки. Муку менял на хлеб. Шесть месяцев жил, свирепо голодая.

Я любил и люблю живого человека, который хочет, умеет преодолевать препятствия. Мещанское в жизни проходило мимо меня (это не значит, что его не видел, не знал), поэтому мой литературный упор стал вполне определённым – на первый план выдвигать творческую личность, творящий коллектив, лучших представителей общественных слоёв, групп, классов. Из взаимоотношений сильных волей создаётся необычайный сюжет, сложные конфликты, необычные развязки. Критика, подметив это в моих последних вещах, пытается обвинить меня «в выдумках» и других прочих грехах. Но это – мой путь, может быть, ещё не проторённый, но мой путь. На этом я, пожалуй, могу остановиться, закончив свою «автобиографию» ответом на слова моего покойного отца:

– Найду свой путь, если не помру...

1929

*Юбилейный календарь подготовил
Николай МАРЯНИН,
поэт и краевед*

